

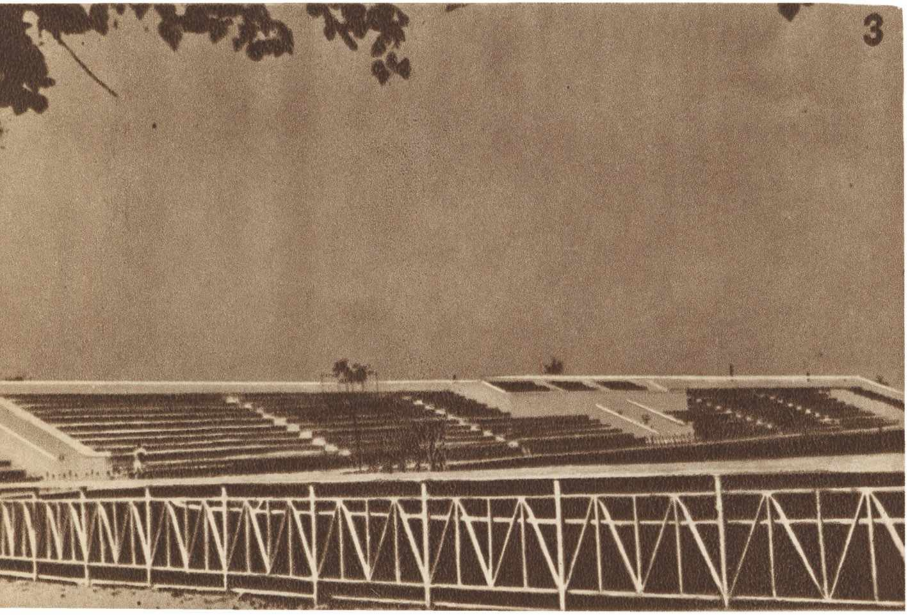
ОГОНЁК

№ 21 МАЙ 1949

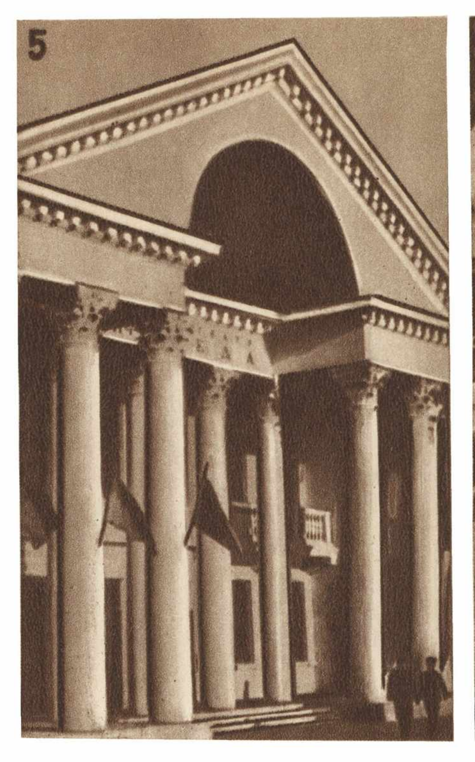
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КОНКУРС НА ЛУЧШЕЕ ЗДАНИЕ

В героическом Сталинграде, в юном Комсомольске, в легендарном Севастополе, в сотнях других больших и малых городов нашей страны восстанавливаются и воздвигаются новые, благоустроенные жилые дома, светлые, просторные школы, великолепные театры, кино и клубы, вместительные стадионы.

Для поощрения архитекторов и строителей Управление по делам архитектуры при Совете министров РСФСР ежегодно проводит конкурс на лучшие здания, выстроенные в республике.

Отличительная черта конкурса за 1948 год — его массовость. 83 города представили на конкурс 266 объектов.

Недавно жюри конкурса под председательством академика А. В. Щусева премировало наиболее отличившихся архитекторов и строителей.

По группе многоэтажных зданий одним из лучших признан 162-квартирный жилой дом в городе Куйбышеве, отличающийся четкой архитектурной композицией и тщательно продуманным благоустройством.

Среди авторов малоэтажных жилых зданий первую премию получили архитекторы и строители Комсомольска на Амуре за 16-квартирные и 2-квартирные дома.

Одним из лучших гражданских сооружений признано административное здание в Курске, украсившее центральную часть города.

Премированы также строители стадиона «Динамо» в Ростове на Дону, вокзала в Ставрополе, кинотеатра «Победа» в Сталинграде.

Всего премировано 22 объекта и отмечено почетными грамотами 32.

1. Административное здание в Курске. Архитекторы — В. Попов, А. Иванов.

2. Вокзал в Ставрополе. Архитектор — Н. Чекмотаев.

3. Стадион «Динамо» в Ростове на Дону. Архитектор — Я. Ребайн.

4. Жилой дом в Ленинграде, общежитие на 170 человек. Архитекторы — И. Фомин, А. Жук, С. Пясковская.

5. Кинотеатр «Победа» в Сталинграде. Архитектор — Е. Левитан.

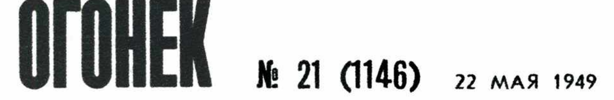
6. Кассовый зал вокзала в Ставрополе.

На первой странице обложки: государственная лесозащитная полоса Сталинград — Камышин пройдет по местам исторических сражений. **На снимке:** 1-й отряд Волжско-Черкесской экспедиции производит изыскания, проектирование и отвод земель под лесную полосу. На переднем плане — начальник отряда инженер И. В. Сизов (слева) и старший инженер-землеустроитель Е. А. Черняев.

Фото М. Савина

На последней странице обложки: весенняя путина. Рыбаки Ждановского рыбзавода (Азовское море) выловили крупную белугу весом 180 килограммов.

Фото Дм. Бальтерманца

№ 21 (1146) 22 МАЯ 1949

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

27-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

МИТИНГ В ДЕПО МОСКВА-СОРТИРОВОЧНАЯ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 30-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СУББОТНИКА. На передней площадке локомотива почетные юбиляры — участники первого субботника. Начальник депо Г. П. Тютиков зачитывает обращение ко всем железнодорожникам Советского Союза с призывом еще шире развернуть социалистическое соревнование за досрочное выполнение пятилетнего плана.

Фото М. Савина

ТРУД

С. СУТОЦКИЙ

Пройдут годы — и возвысится чудесный монумент: в литье благороднейшего из металлов или в гранях самоцветных камней лучшие ваятели воплотят поэму о труде народа, освобожденного от пут капитализма, поэму о людях, которым великая советская революция открыла в труде их честь, славу, доблесть и геройство.

В столице нашей Родины Москве, на Казанской железной дороге, будет воздвигнут этот монумент — здесь, где тридцать лет назад, в майские дни тяжелого и славного девятнадцатого года, был положен народом великий почин: состоялся первый коммунистический субботник. И золотом будут сиять слова великого Ленина:

«Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих. Коммунистические субботники необыкновенно ценны, как фактическое начало коммунизма...»

Прекрасно зная русского трудящегося человека, работая с ним рука об руку, Ленин высоко ценил его замечательные качества, одинаково полно проявляющиеся в труде и в общественно-политической деятельности. Ленин с особой теплотой говорил о русской сметке и сноровке, об инициативе и изобретательности русских рабочих, об их талантах и способностях, об их уменье работать горячо, ловко.

Будучи на Капри и наблюдая за работой итальянских рыбаков, Владимир Ильич с гордостью говорил Горькому:

— Наши работают бойчее...

А о Бабушкине, выдающемся русском рабочем-революционере, Ленин писал:

«Все, что отвоевано было у царского самодержавия, отвоевано *исключительно* борьбой масс, руководимых такими людьми, как Бабушкин.

Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации».

И это свершилось. Волей великого русского народа, ведомого партией большевиков, новый, советский строй утвердился на нашей земле. Освобожденный народ сделал то, в чем Ленин с гениальной прозорливостью увидел начало светлого будущего всего человечества — начало коммунизма.

Коммунистические субботники возникли как результат огромной организующей и мобилизующей деятельности партии большевиков; они были реальным выражением готовности народа всегда и во всем поддержать политику партии Ленина—Сталина, выражением стремления широчайших масс трудящихся претворить эту политику в жизнь.

В середине апреля 1919 года, когда Советская республика переживала один из наиболее грозных периодов, ЦК РКП(б) опубликовал написанные Лениным тезисы — призывы к партии, к трудящимся: взяться за работу по-революционному, не ограничиваясь старыми шаблонами, напрячь все силы, преодолеть все трудности. Славный рабочий класс Советской России и на этот раз показал пример высокой революционной сознательности. Могучим ключом забила революционная энергия масс. Она привела на коммунистические субботники сначала рабочих Казанки, потом рабочих других предприятий Москвы и всех городов нашей Родины. Ленин с исключительным вниманием следил за развертывавшимся движением. Уже на первых порах Ленин с гениальной прозорливостью увидел в нем начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение.

«Великий почин» — так Владимир Ильич назвал свою вышедшую тридцать лет назад знаменитую брошюру, посвященную первым коммунистическим субботникам. Великий почин! Сколько гордости за обновленную революцией страну, за советский народ вложено Лениным в эти два слова, которые стали с тех пор крылатыми и известны теперь каждому! «Великий почин», — произносим мы, и взоры наши обращаются к незабываемым дням весны девятнадцатого года. В сознании нашем встает невиданный дотоле трудовой подвиг советских людей, которые в условиях войны и блокады, терзаемые голодом и холодом, явили всем — и друзьям и врагам — пример неисчерпаемой силы страны, где владыкой стал труд, а творцом и хозяином жизни стал человек труда.

Да, почин тот был поистине великим! И не случайно Ленин с такой заботливостью собрал в своей брошюре весь огромный фактический материал о первых коммунистических субботниках, детально проанализировал его, чтобы как можно нагляднее и убедительнее показать смысл и значение этого выдающегося события.

Владимир Ильич на конкретных примерах показал, что сознательный труд на благо общества, сознательная дисциплина, рожденная новым строем, дают невиданный и невозможный в условиях капиталистического общества рост производительности труда как основу, как важнейшее условие, необходимое для перехода от капитализма к социализму. Ленин приводит в своей брошюре примеры, свидетельствующие о том, что уже на первых субботниках, несмотря на то, что работа подчас была слабо подготовлена и слабо организована устроителями их, производительность труда была выше обычной в 2—3 раза. Пять токарей в 4 часа сделали 80 валиков, записывает Владимир Ильич и отмечает: производительность по сравнению с обычной 213%. Двадцать чернорабочих в 4 часа собрали старый материал, в количестве 600 пудов и 70 вагонных рессор, по 3½ пуда весом каждая, всего 850 пудов. Производительность по сравнению с обычной 300%.

Ленин поднимает эти факты до высокого обобщения. Он делает из них выводы об историческом значении коммунистического почина советских рабочих для судеб нашей страны, для судеб всего трудового человечества. Говоря о значении первого субботника и наиболее значительных победах союзников в империалистической войне 1914—1918 годов, Владимир Ильич писал: «...Победы империалистов есть бойня миллионов рабочих из-за прибылей англо-американских и французских миллиардеров, есть зверство гибнущего, обожравшегося, заживо гниющего капитализма. Коммунистический субботник железнодорожных рабочих Московско-Казанской дороги есть одна из ячеек нового, социалистического, общества, несущего всем народам земли избавление от ига капитала и от войн».

На примере, на опыте первых коммунистических субботников Ленин наметил пути дальнейшей борьбы за победу коммунизма в нашей стране, определил основные задачи партии, государства и всех трудящихся в строительстве коммунистического общества. Владимир Ильич призывал всесторонне поддержать почин организаторов первых субботников, указывал на великую честь носить почетное звание человека, работающего по-коммунистически. Он говорил о необходимости делом, трудом доказать свою способность, свое уменье работать в интересах общества, в интересах всех трудящихся, способность работать по-революционному, способность повышать производительность труда, ставить любое дело образцово. «Коммунизм начинается там,— писал Ленин,— где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т.-е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских республик».

Победитель в соревновании бригадиров комсомольско-молодежной электропечи завода «Электросталь» И. В. Масальский, награжденный значком «Отличник социалистического соревнования черной металлургии».

НАРОДА

Фото М. Савина

Партия большевиков приняла эти ленинские слова как программу воспитания миллионных масс народа, как боевую программу строительства коммунизма в нашей стране. На всем протяжении тридцатилетия, минувшего со времени первых коммунистических субботников, партия последовательно и неуклонно направляла энергию масс на решение этой сформулированной Лениным задачи, воспитывала в народе новое, коммунистическое отношение к труду.

Эта огромная работа партии большевиков принесла свои замечательные плоды. Самоотверженный, все преодолевающий труд советского народа, героизм миллионов советских людей в тылу, в годы гражданской войны стал одной из основ нашей победы над объединенными полчищами иностранной интервенции и белогвардейской контрреволюции. Новым приливом трудовой энергии масс была отмечена пора восстановления народного хозяйства, разрушенного двумя войнами. Все возрастающим подъемом трудового энтузиазма встретил советский народ сталинскую программу индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, программу развернутого социалистического наступления.

Спустя десять лет после первых коммунистических субботников, в апреле 1929 года, собралась шестнадцатая конференция ВКП(б). Как изменилась к тому времени страна! Как выросли люди! Трудовой почин рабочих Казанки перерос в могучее движение, которым ответил советский народ на утвержденный партийной конференцией первый сталинский пятилетний план развития народного хозяйства, на призыв конференции развернуть социалистическое соревнование во всех областях хозяйственного и культурного строительства.

Бригадир тракторной бригады Дмитровской МТС, Московской области, Герой Социалистического Труда В. И. Сергеев заключает договор с колхозниками артели «Рассвет». Справа — председатель В. Д. Абеленихин.

«Героические традиции прошлых лет,— говорилось в обращении шестнадцатой партийной конференции, — сохранены и приумножены рабочим классом нашей страны. Ленинская идея «организации соревнования на социалистических началах» находит себе все большее практическое воплощение. Принципы коммунистического отношения к труду все больше начинают внедряться в производство.

Ударные бригады, создающиеся на предприятиях и в учреждениях, являются продолжателями лучших традиций коммунистических субботников... Растет новый тип социалистического рабочего на советских заводах и фабриках. Растет роль и участие масс трудящихся в управлении государством».

Соревнование, по определению товарища Сталина, стало коммунистическим методом строительства социализма в нашей стране. Соревнование миллионов, вдохновляемых героической партией большевиков, буквально двигало горы, открыло новые пути морям и рекам. В краях, где недавно еще обитали лишь зверь да птица, советский народ в великом порыве соревнования воздвиг по сталинскому плану города, построил гигантские промышленные предприятия, проложил железные дороги, открыл новые кладовые несметных богатств, таящихся в нашей земле... Москвичи и ленинградцы, магнитостроевцы и днепрогэсовцы, строители Кузбасса и нефтяники Баку — все люди всей земли советской встали в ряды трудовой армии, ведомой великим Сталиным.

Труд народа вершил чудеса. И, подводя итоги досрочного выполнения первой пятилетки, товарищ Сталин говорил, что одной из основных сил, обеспечивших нам эту историческую победу, были, прежде всего, «активность и самоотверженность, энтузиазм и инициатива миллионных масс рабочих и колхозников, развивших вместе с инженерно-техническими силами колоссальную энергию по разворачиванию социалистического соревнования и ударничества...»

Так в новых условиях с новой силой проявил себя великий почин советского народа, открытый Лениным в первых коммунистических субботниках на заре нашей советской эпохи. Так труд народа, свободного от оков капитализма и направляемого партией большевиков, вновь явил миру всю красоту, величие и неодолимую силу социалистической системы хозяйства.

Шли годы, все шире и шире развертывалась в нашей стране победоносная битва за социализм. Все ярче и ярче разгоралось пламя социалистического соревнования миллионов рабочих, колхозников, советской интеллигенции. Труд советских людей, простых и скромных, но настоящих героев и творцов новой жизни, Сталин назвал «трудом великим и творческим, решающим судьбы истории».

Одной из самых славных страниц в историю нашего социалистического строительства вошло стахановское движение, выражавшее новый подъем социалистического соревнования, его новый, высший этап. Это — движение людей, в совершенстве овладевших передовой техникой, людей, проявивших себя полными хозяевами машин и агрегатов невиданной сложности, людей, умеющих использовать технику до дна, выжать из нее все, что она может дать. Стахановское движение явилось наиболее жизненным и непреодолимым движением современности, оно несло в себе первые начатки такого культурно-технического подъема рабочего класса нашей страны, который необходим для уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим.

В годы предвоенных сталинских пятилеток и особенно в годы Отечественной войны мы были свидетелями дальнейшего роста коммунистической сознательности нашего народа. Замечательные качества советского человека, о которых тридцать лет назад говорил Владимир Ильич, сказались во всех областях общественной жизни. И труд народа в тылу, труд самоотверженный, героический — этот труд стал одним из важнейших источников нашей великой победы, вернувшей нашу страну к мирному строительству.

Сегодня во всех уголках страны вновь кипит созидательный труд народа, вдохновляемый величественной сталинской программой послевоенного восстановления и дальнейшего развития хозяйства и роста культуры нашей Родины. Неизмеримо возросшая политическая сознательность, трудовая активность, патриотизм советских людей находят сегодня все новые и новые проявления: и в могучем развороте социалистического соревнования за досрочное выполнение послевоенной сталинской пятилетки и в борьбе за повышение качества продукции, снижение себестоимости, за ускорение оборачиваемости оборотных средств и рост социалистических накоплений. Новые имена передовиков соревнования с гордостью называет сегодня советский народ — имена Чутких и Борткевича, Быкова и Хрисановой, Соловьева и Готчиева, Орлова и Балабанова, имена сотен Героев Социалистического Труда, лучших представителей советского рабочего класса, колхозного крестьянства, народной советской интеллигенции.

Эти люди ведут за собой миллионы и миллионы советских тружеников, для которых дело соревнования стало своим, личным, родным делом. В активном творческом труде видят они выражение своей пламенной любви к Родине, своего патриотического долга, выражение своей благодарности великой партии Ленина—Сталина, организатору всех побед страны, идущей к коммунизму.

Великим почином тридцать лет назад назвал Ленин трудовой подвиг рабочих Казанки. Развитием этого великого почина является сегодня вся деятельность нашего народа, прокладывающего человечеству путь к коммунизму. Труд советских людей умножает силы нашего государства, еще выше поднимает международный авторитет нашей страны воодушевляет на подвиги народы стран новой демократии, множит силы всех, кто поднимается на борьбу против капиталистического ига.

Слава советскому народу, трудом своим преображающему мир!

КТО ПОБЕДИТ?

Петр НИКИТИН

Среди изумрудной, волнистой зелени озимых, заложив руки за спину, стоит человек. Ростом он невысок, фигурой коренаст. Черты лица крупны и округлы. Выцветшие лохматые брови, светлые глаза степняка, зоркие и внимательные, бугристые ладони сильных рук — все говорит о том, что обладателю их знакомы и зной полуденной степи, и обжигающая январская стужа, и сухой, тоскливый посвист суховея-астраханца.

Одет человек просто, удобно. На голове темная фуражка, на ногах кирзовые сапоги, в голенища их заправлены широкие брюки, на плечах черная куртка. Она туго облегает фигуру, очерчивает прямую, сильную спину. Куртка расходится на груди, и от этого человек кажется плотнее, шире. Он как бы врос в землю, неотделим от веселого буйства зелени, от пейзажа расцветающей степи, пронизанной солнцем, наполненной пьянящими запахами.

Прошуршав крыльями у самого лица, пронеслась пичужка, пискнула и скрылась в лесной полосе. Человек нагнулся, присел, шершавой ладонью осторожно тронул нежные, шелковистые хлеба. «Позернило бы!» — мечтательно подумал он, оглядел ровное, уже волнующееся под ветерком поле и, поднимаясь, утверждающе произнес вслух: «Позернит!» Озимая пшеница сеялась по черным парам. А пары те поднимали славные механизаторы орденоносного бригадира Костюченко. Лучшие колхозники сеяли отборным зерном в сроки, удобряли и холили озимую. Она и вышла кустистая, сочная, сильными корнями крепко вцепилась в землю. Перекрестный сев равномерно распределил растения на поле, они распустились и затенили землю, уменьшили испарение богатых запасов влаги.

Человек тронул коротко стриженый ус, пронизанный проседью, и задумался. Ему, Петру Васильевичу Калмыкову, простому колхознику, присвоено звание Героя Социалистического Труда. Высокое звание. Великая ответственность перед народом — людей своим примером вести. На виду он у всей страны. Что озимь? И яровые, и подсолнух, и кукуруз — все тянуть к высоким урожаям.

Откуда столько забот? Раньше тревожила одна бригада, теперь тревожит все: и урожаи своей и соседской бригад, и удои на ферме, и окот овец в отарах, и строительство клуба. Шире смотрит Петр Васильевич на колхозную жизнь и на место свое в этой кипучей, творческой жизни. Вспомнил, как его приветствовали, и усмехнулся. Среди душевных поздравлений нето Черкашев, нето кто другой сказал: «Привилегия пойдет Герою большая». Не понял человек. Кто-то из коммунистов разъяснил: «Привилегия у Героя одна: хорошо трудиться, с душой, не равнодушно, вести людей вперед». Вот это верно.

Чудак Черкашев! Одногодок он с Петром Васильевичем. Оба в колхоз вступили. Петр Васильевич душу вкладывал, а Черкашев все оглядывался: где полегче да поспокойнее. Для Калмыкова колхоз — дом родной, для Черкашева — чужая горница. А результат? Ни авторитета среди людей у Черкашева, ни успеха в жизни.

Спасает таких критика. Критика тормошит равнодушных, подстегивает ленивых, поправляет ошибающихся, двигает жизнь вперед. Да как двигает! Он, Петр Васильевич Калмыков, бригадир полеводческой бригады артели имени Чапаева, хорошо это знает. На собственном опыте. Он вспомнил случай, получивший широкую огласку.

Тракторист Александр Александрович Кобзарь пахал черные пары на седьмой клетке. Трудится человек. Забежит Петр Васильевич, посмотрит — пахота вроде ничего, без огрехов. «Не мелковато ли?» — спросит он больше для порядка. «Нет. У нас дела идут, трактор пашет. На парах дрюк воткни — вырастет», — утешает его Кобзарь. Но думка у тракториста не об урожае, а о том, как поболее сэкономить горючего.

Отошел Калмыков, а Кобзарь — щелк по рычажку: плуг пашет мельче. Обнаружил Калмыков мелкую пахоту. Пожурил Кобзаря. Но решил сора из избы не выносить: по-соседски не хотелось ссориться с человеком. Кобзарь — работник неплохой. Но в сознании отстал: экономил во вред общему делу.

Оно так бы и шло: Петр Васильевич журил бы, а тракторист, как кот в басне Крылова, слушал бы да свое делал. На счастье, а тогда это считали на грех, из Ольшан нагрянула комиссия проверять договор по социалистическому соревнованию. О приезде гостей друзья предупредили и Петра Васильевича, и бригадира тракторного отряда Костюченко Андрея Тимофеевича, и председателя колхоза Зерчукова Федора Михайловича. Кто и как разузнал, это неведомо. Но знали. Нечего греха таить: готовились. Но кто думал, что соревнователи в поле выйдут? А вышли. Замерили пахоту, да не с края, где трактористы иной раз для начальства пашут, а прошли загонку из конца в конец. Все как на ладони. Признают пахоту мелкой, некачественной. У Костюченко глаза готовы от стыда лопнуть. Петр Васильевич и краснел и бледнел. Пот даже прошиб. В груди поднималась ярость против бракодела. А комиссия критику наводит. Стыдит. По глазам бьет:

— Где это видано черные пары портить? Да хлеборобы ли это работали? Кто же пашет вместо двадцати двух сантиметров на пятнадцать да восемнадцать?

Хлопают глазами все в колхозе. Кобзарь, так тот куда-то даже спрятался. Спешат комиссию угостить, дело полюбовно кончить. Гости, как в старой русской пословице, и пьют, и едят, и правду в глаза говорят. На совете МТС, на правлении колхоза, на общем собрании, на сессии Совета, на райисполкоме только и разговору, что об этом. Такое завихрилось! Колхозных коммунистов вызвал районный комитет партии. Секретарь, очень уважаемый человек в районе, Александр Пахомович Даниловский с обидой спрашивал:

— Как же это случилось?

Да что в райкоме! Это бы еще куда ни шло. У дурной славы длинные ноги. О чапаевцах шел разговор по всем колхозам. В соседние районы докатилось. На базаре ли где, в Ростове ли в Доме крестьянина разговорится чапаевский колхозник об артельных делах, ну известное дело, и прихвастнет малость — нет такого, чтобы честь колхозную не берег, — а его собеседник слушает, слушает, да и спросит:

— А не тот ли это колхоз имени Чапаева, что черные пары портил?

Председатель колхоза коммунист Зерчуков собрал к себе виновников и говорит:

— На весь свет нашкодили — перед всем светом исправляйтесь. Глядите. Урожай на этой клетке чтобы выше всех в районе был. Тогда только и простят. Поняли?

Ну, народ и взялся. Жарко соревнуются. Колхозу славу добывают. Друг перед другом стараются. Кто промахнет, такая критика поднимется! Враз исправится, общей линии не портит. А больше всех Петр Васильевич хлопочет. Он за этими парами, как за малым ребенком, ухаживает. Четыре культивации тракторами сделали. На пятую горючего нехватило. Но Петр Васильевич все же сделал ее на живом тягле. Семена для посева сам отбирал. Сеяли в сроки лучшие звеньевые перекрестным севом. Подкормили озимую. И выколосилась она выше пояса. Зернистая. По тридцать да тридцать три центнера на гектаре. За богатырский урожай, что вырос по этим парам, Петру Васильевичу звание Героя Социалистического Труда присвоили.

Соревнование подтянуло урожаи всего колхоза. Еще отличились двенадцать человек. Они получили ордена и медали. А как с Александром Александровичем Кобзарем? Изменился человек. Ошибки исправил. Понял их. Геройски работал. Наградило его правительство медалью «За трудовую доблесть».

И выходит: соревнование с ольшанцами родило критику, а самокритика вывела и людей и весь колхоз вперед. Да не будь этого, могли бы чапаевцы похвалиться такими успехами?!

Колхоз имени Чапаева в этом году посеял колосовые за три дня. На день сократил сроки сева. Равнодушных к судьбам урожая не было. Всяк старался. Впереди награжденные орденами и медалями: Абросимов Константин, Махортов Петр, Кобзарь Александр, Зубова Мария, Крутько Екатерина и другие. Трактористы вели машины на повышенных скоростях. Тракторист Власов по двадцати пяти гектаров сеял. В минувшем году бригада Рязанцева в среднем сняла зерновых по 13,75 центнера с гектара, а бригада Калмыкова — по 17,98 центнера. Теперь первая бригада стремится обогнать вторую. Люди соревнуются жарко и страстно.

А весь колхоз соревнуется с «Новой жизнью», где председателем Петр Ребров. На севе победили чапаевцы. Но решат победу уход за посевами, уборка. Уже все знают: успокоишься — отстанешь. Такие времена пошли. Тут по всем статьям не зевай!

В колхозе старых лесополос сорок девять гектаров. Очистили их. Посадили шесть гектаров новых лесополос. Заложили питомник. А с травами какое движение! Четыре поля трав в полевом севообороте да столько же в кормовом. Строительство большое: гараж, коneферма, колодцы, птичник, клуб.

Цифры убедительно говорят о росте и укреплении хозяйства. В 1946 году колхоз выдал на трудодни всего пятьсот центнеров зерна, в 1947 году — уже семьсот центнеров, а в минувшем, 1948 году одной лишь дополнительной оплаты, как премии за превышение планов урожайности, колхозники получили тысячу сто центнеров. Это не считая заработанного на трудодни!

Окрепло и животноводство. В 1946 году было двести овец, сорок шесть лошадей да сто тридцать голов рогатого скота, а сейчас овец до тысячи, лошадей больше сотни, крупного рогатого скота двести двадцать девять голов. Обсудили чапаевцы постановление партии и правительства о трехлетнем плане развития животноводства и решили удвоить продуктивность. Тут и улучшение породности стада, и уход, и кормовая база. Всем колхозом поднимать животноводство на высшую ступень — такое мнение у людей. А чтобы фуража хватало с избытком, решили к рекордам передовиков средние урожаи подтягивать.

На самом видном месте в квартире Петра Васильевича висит листовка газеты «Сталинское знамя» с указом Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда. Этот Указ Петр Васильевич помнит наизусть:

«Присвоить звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот»: Калмыкову Петру Васильевичу — бригадиру колхоза имени Чапаева, Целинского района, получившему урожай пшеницы 31,5 центнера с гектара на площади 98 гектаров. Полторацкому Федоту Федотовичу — бригадиру тракторной бригады Ольшанской МТС, Целинского района, получившему в обслуживаемых колхозах урожай пшеницы 23,8 центнера с гектара на площади 268 гектаров.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Шверник.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин.

Москва, Кремль, 24 марта 1949 года».

«Интересно, в Москве или тут Звезду вручат?» — подумал Петр Васильевич. Ему хотелось поглядеть Москву, побывать в музеях.

на заводах, увидеть Кремль, где живет и трудится любимый Сталин.

Бригадир посмотрел на поле шелковистой озимой. Ветерок, перекатываясь, ходил легкой рябью по кустистым зеленям. «Нет, уж менее тридцати пяти центнеров с гектара мне брать нельзя. А как у ольшанцев? — вдруг вспомнил Калмыков. — Я же одним Указом с Полторацким награжден. Можно сказать, первенство в районе разделили». И решил проехать к Полторацкому Федоту Федотовичу. Посмотреть и познакомиться с человеком.

...С утра выехал Петр Васильевич Калмыков к Федоту Федотовичу Полторацкому. Едет Калмыков и любуется знакомой, но извечно милой сердцу хлебороба картиной весенней степи. И красивы же целинские степи! Они лежат ровные, просторные, неохватные. А по ним с запада на восток, с севера на юг пролегли линии лесных насаждений. Замкнутые квадраты полей, защищенные зелеными заслонами. Вдали виднеются хутора и села с прямыми улицами, зелеными садами, аккуратными строениями.

Вплотную к домикам подступают поля. Они то темноизумрудные — это сочная озимь, то светлозеленые — это молодые яровые, то черные с отливом — это клетки апрельских паров, то посеревшие с редкой прозеленью, и по ним ползут тракторы с культиваторами — это поля черного пара. И кажется, степное раздолье захлестнет и крытые этернитом домики, и ветряки, которые непрестанно машут крыльями, словно зазывают в гости, и высоченные, далеко видные ветродвигатели у колодцев животноводческих ферм.

Человек властвует над стихией. Он направляет силы природы. Вот с травопольем. Одно время прошумел в колхозах разговор, что «трава пшеничку съест». Оно, конечно, отводить под траву четверть пашни — не многовато ли? А получается польза. Скоту корм. Земля набирается могучих сил. Зерна собирать можно в два раза больше.

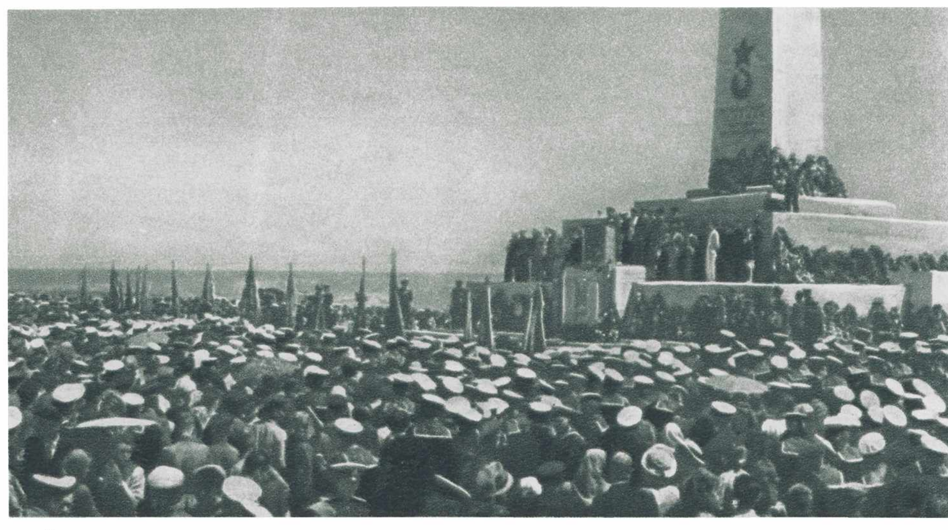
Калмыков проезжает мимо стога люцернового сена. Стог, как большой пирог. Его режут сверху донизу. Так и стоит надрезанный. Выдергивать сено из стога нельзя: теряются листочки, а они самое ценное.

Калмыков обгоняет стадо. Это скот идет в отгон на просторы соседних районов. В степи отары овец с пугливыми, смешными ягнятами. У лесополос домовитые, степенные гусыни. Они зорко стерегут свои изжелта-золотистые выводки. Далекий рокот моторов — культивируют пары.

От хутора к хутору — профилированные дороги. Таких дорог, как в Целине, не сыскать во всей Ростовской области. Хороши дороги! Ровные, гладкие, с указателями. Уже не будешь гадать на развилке дорог, куда ехать, как тот витязь, что видел Калмыков на картинке. В Сальске и то нет таких дорог. А что Сальск? Оно, конечно, сальцы — народ дружный, организованный, великие дела поднимают. Но и целинцы не промах. По среднему урожаю зерновых Целина впереди Сальска. Культура земледелия выше. Но нехотя целинцы признают, что их обогнал Аксайский район. Если нарисовать диаграмму, то так и будет: больше всех с гектара зерновых получили аксайские колхозники, на втором месте — целинские, на третьем — сальские, на четвертом — егорлыкские. Иные возразят: «Что Аксай? Площади у них в три раза меньше». Это верно. Но и возможностей, техники у аксайцев тоже поменьше...

Федота Федотовича Полторацкого Калмыков застал дома. Герой Социалистического Труда только вернулся из машинно-тракторной станции, куда ездил за частями. За столом сидел красивый, с большими умными глазами человек лет тридцати пяти. «Почти вполовину моложе меня», — нето с удивлением нето с радостью, что подросла такая смена, подумал Петр Васильевич, знакомясь с хозяином. Тот пригласил его присесть. «Сколько в этом пожилом человеке силы, юношеской энергии!» — отметил про себя Полторацкий и проникся еще большим уважением к прославленному мастеру урожаев. Движения Полторацкого свободны, уверенны, речь красива, нетороплива. Он рад показать Калмыкову поля, которые обрабатывают трактористы руководимой им бригады.

Митинг на Сапун-горе

Пять лет назад воины Советской Армии и моряки Черноморского флота штурмом взяли укрепленную гитлеровцами Сапун-гору — ключ к Севастополю — и водрузили над городом красное знамя победы. В честь героев, погибших при освобождении Севастополя от немецких оккупантов на Сапун-горе был воздвигнут обелиск. Никогда не померкнет слава наших товарищей, отдавших жизнь в борьбе за свободу и независимость своей Родины!

Сюда, к памятнику павшим героям, собрались 8 мая севастопольцы, посланцы трудящихся всего Крыма, моряков Черноморского флота и воинов Таврического военного округа, чтобы традиционным торжественным митингом отметить пятую годовщину освобождения города русской славы.

На митинге выступили секретарь Крымского обкома ВКП(б) тов. Чурсин, секретарь Севастопольского горкома ВКП(б) тов. Лесик, представители черноморцев и воинов Таврического военного округа, рабочие, школьники.

Выступавшие поздравляли севастопольцев и моряков-черноморцев с Днем Победы, выражали уверенность, что трудящиеся Крыма добьются новых трудовых успехов на всех участках социалистического строительства.

С огромным подъемом участники митинга приняли приветствие вождю и учителю товарищу Сталину.

Фото Л. Яблонского

Через полчаса два Героя, разные по возрасту, по привычкам, по профессиям, беседовали как два самых близких человека. Они с уважением выслушивали мнения друг друга, высказывали свои соображения, прямо, без обиняков, говорили о том, с чем несогласны. Всюду видит Калмыков старание людское. Посевы отменные. Для него поле — открытая книга. Он пройдет и все расскажет: и как пахалось, и как сеялось, и что можно ожидать.

У густой озимой, что посеяна в колхозе имени Ворошилова по черным парам, оба остановились. Да и трудно пройти мимо. До чего же поле красивое!

— Наша гордость... Хороша? — нарушает молчание Полторацкий.

— Хороша... — соглашается Калмыков; он заходит в озимую.

— А чья лучше?

— Честно сказать — у тебя лучше,— Калмыков подумал, потом добавил: — Но одно промахнул...

— Что? — насторожился Полторацкий.

В темных глазах его пропали смешинки. Калмыков — опытный мастер, зря не скажет.

— Гляди... — Калмыков нагнулся и тронул гребешки растений.— Рядки сдвоены... Один... Вон другой... Сошники сеялки сходились... То густо, то пусто... Тут просвет... Тут загущено...

— Не имеет значения, Петро Васильевич, при таком травостое.

— Ой, как имеет!.. — Калмыков снизу вверх посмотрел на Полторацкого, поднялся и жестко сказал: — Имеет значение, Федот Федотович... Колосок-то в сдвоенных рядках получится мельче. Не в полную силу. Почему перекрестным не сеял?

— Да все Клепко... Однажды не вышел перекрестный. Теперь он противник...

Калмыков слышал об этом председателе. Клепко Иван Артемович — человек большой практики. Прекрасный председатель, хороший хозяин. Он прославился тем, что снял на площади в 162 гектара по 24,5 центнера зерна с гектара. Орден Ленина получил. Но у Клепко есть слабое место: новшеств не особенно любит, осторожничает. На этом иногда и недобирает.

Калмыков рассказал, как он проводит перекрестный сев. Вдоль сеют тракторы, поперек сеют на живом тягле. Одновременно. И сроки и качество получаются хорошие.

— На тридцать центнеров вытянет! — успокаивая себя, отметил Полторацкий.

— А я о тридцати пяти думаю...— Калмыков сощурил глаза. — Но главное в другом...

И Петр Васильевич рассказал о своих планах, как подтягивать средние урожаи колхоза к самым высоким. Он поведал о соревновании, что разгорелось на полях артели, о том, что все меньше равнодушных к делу людей, что идет вглубь борьба за качество и место каждого человека определяют не красивые речи и обещания, а то, что он сделал для общества: сколько он получил зерна, надоил молока, настриг шерсти. Полторацкий соглашался с Калмыковым. Он сам об этом думал.

— Не только гектары мягкой пахоты и килограммы сэкономленного горючего, а центнеры зерна, полученного с гектара,— вот по чему оценивают работу и нашу, механизаторов. Мы обязаны давать много хлеба...

И Полторацкий говорит Калмыкову, что соревнование стало жизненной потребностью механизаторов Ольшанской МТС. Бригадиры от имени своих людей так и заявили на собрании: «Не уступим Полторацкому. И мы сумеем сработать!» Уже вперед вырвались Хомутов, Донин, Сысоев, Шетухин. Прошлые годы он, Полторацкий, помогал этим бригадам: не справлялись. А теперь все делают в срок и качественно.

На прощанье Петр Васильевич поблагодарил Федота Федотовича, крепко пожал руку, пригласил к себе в гости и, словно невзначай, спросил:

— Как думаешь? Кто победит?

Полторацкий рассмеялся. Он давно ожидал подобный вопрос. Посмотрел в светлые, веселые глаза этого жизнерадостного человека и просто ответил:

— А тот, кто перегонит передовых да подтянет отстающих!

Молодые уральцы

Фотоочерк В. Шаховского

Свердловское ремесленное училище № 1 — крупнейшее на Урале. Здесь одновременно обучается более тысячи юных уральцев. Производственную практику воспитанники училища проходят в цехах Уралмаша.

В училище создан крепкий спортивный коллектив, а участники художественной самодеятельности не так давно заняли первое место по Свердловской области.

На снимках слева:

Идет урок математики в группе слесарей. Занятия гимнастической секции училища. Выступление художественной самодеятельности: молодежный танец.

На снимке справа вверху: выпускник училища Геннадий Харчев работает на расточном станке в одном из цехов Уралмашзавода.

На снимке внизу: Галя Рыжанова и Зоя Надеждина — будущие слесари — на заводской практике.

На линии лесной обороны

К. БУКОВСКИЙ

Фото **М. Савина**

Не чудотворен ли строй, при котором вчерашний боец, сохранив фронтовую карту, помечает на ней весеннее движение тракторных отрядов? Не могуче ли государство, на полях которого сеятель заравнивает бульдозером рваные раны земли, спеша присыпать их целительным семенем ранних всходов? И не велик ли народ, способный прокладывать трассы лесных посадок там, где утренние росы еще омывают слезой обугленные остовы танков?

...На коленях у директора Дубовской лесозащитной станции Тимофея Осиповича Бобылева развернута двухверстка. Один квадрат ее, равный размеру планшета, был когда-то весь разлинован синим карандашом и помечен кружками. Сейчас к этим пометкам прибавились другие, в виде зеленых треугольников.

Карта сильно потерта, особенно на сгибах. Но следы карандаша все еще заметны. Заметно, что они расходились всякий раз из одной и той же точки, откуда-то из района заволжских озер, и замыкались кружками вокруг большого портового города. Нетрудно было понять, что каждый след — это курс боевого самолета, а кружки — его наземные цели.

Для верности я спросил об этом директора-лесовода. Он улыбнулся.

— Ну да,— сказал он,— так оно и было. Я служил тогда в авиации. Служил-то я, собственно, инженером в штурмовой эскадрилье, но иногда, по разным причинам, летал стрелком. Экскадрилья поддерживала защитников Сталинграда и базировалась тут же, за Волгой. Восемь вылетов в день для пилотов считалось немного. Обрабатывались, как видите, преимущественно балки. В них немцы сидели, точно насекомые в швах, и швы эти приходилось подолгу утюжить. В части считался тот, кто большее количество раз пройдется над балкой, в присутствии «мессеров» и немецких зениток, понятно... Ну вот,— сказал мне директор, помолчав немного,— а теперь те же самые балки мы обсаживаем шелюгой. Треугольники

Ленинградские пионеры прислали в подарок сталинградцам семена различных пород деревьев. На снимке: сотрудница Сталинградского территориального управления по насаждению гослесполос Р. А. Бородина разбирает семена.

вот эти — не что иное, как пункты производственных участков: близ хутора «Почта», как видите, в Прямой Балке, в самой Дубовке и здесь вот, ближе к Сталинграду, в Ерзовке и за Городищем. Места все памятные... Бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где прежде рубились они,— сказал, чуть-чуть усмехаясь, Тимофей Осипович.— Впрочем, мы-то не рубились, если понимать это слово применительно к мечам... — и вдруг он вскричал, обращаясь к механику:

— Вот-вот, кстати, о мечах! Что́, шефы отковали уже обещанные «мечи Колесова»?

— Отковали, — ответил механик, — десятка полтора мечей.

— Ну, вот и хорошо: на первый случай хватит.

— Да случай-то едва ли представится, — возразил механик. — Посадочных машин достаточно.

— Не скажи, брат, не скажи! А тамарикс черенками сажать как будешь?

И Бобылев предложил мне тут же, весь загораясь:

— А что, не проехаться ли нам с вами в район Городища? Там как раз идет закладка самого большого лесного питомника. Правда, хозяйство не мое, но наши тракторы там работают. И рядом, если захотите взглянуть, увидим кладбище немецких танков. Тоже наша работа, недавняя.

Назавтра с утра мы выехали с Тимофеем Осиповичем в район Городища. Наш путь лежал вдоль трассы государственной лесозащитной полосы Сталинград — Камышин.

...Первым, кто вышел в начале нынешней весны на трассу, был отряд Волжско-Черкесской научной экспедиции под началом инженера Сизова. Он производил почвенные изыскания и отвод земель под лесные посадки.

Лесная полоса Камышин — Сталинград спроектирована экспедицией на водоразделе рек Волги и Иловли. Это значит, что она должна пройти по самому гребню той части Приволжской возвышенности, которая ниспадает своими склонами к речным берегам. Оба склона изрезаны густой сетью лощин и суходолов. И каждый такой суходол стремится подступить вплотную к линии водораздела и разрезать ее, как некую помеху.

Смысл размещения лесной полосы на водоразделе весьма глубок. Лес вырастет на самой высотной части полей и, следовательно, ветроломную свою обязанность выполнит как нельзя более эффективно. Лес защитит от ветра наибольшие пространства земли, ослабит силу летних «захватов» и ранних суховеев. И этот же лес «свяжет» корнями высотную линию, отобьет атаку на нее со стороны овражных вершинок, а затем и вовсе погасит овраги, если только на помощь ему придет зеленая шелюга. И трудно сказать, чему больше будет рад тогда земледелец: тому ли, что увлажнились поле и воздух вокруг леса, или тому, что защитная полоса сломала хребет черным бурям, или тому, что она приостановила разорительную эрозию почв.

Радоваться последнему обстоятельству у земледельца есть серьезные причины. Тот, кто плавал по Волге в этих местах, поражался, наверно, как сильно изрезаны оврагами ее берега. До сорока и больше процентов земли пропадает, будучи размытой и иссушенной. Миллионы кубометров ее сносятся паводками в Волгу, заиливая и обмеляя реку. Со всем этим злом будет покончено. Овраги теперь засадят фруктовыми садами.

Так будет в скором будущем. Но пока что отряду инженера Сизова пришлось шагать по голым овражным склонам, где в дождь невылазная глина, а в сушь едкая пыль. Нащупывая ту самую извилистую, будто заблудившуюся среди балок полосу земли, которая называется водоразделом, отряд скоро убедился, что расстояние между Камышином и Сталинградом окажется намного большим, нежели можно было судить по карте.

Кроме того каждый специалист-изыскатель блюл свой интерес. Если землеустроители не желали, спрямляя трассу, уводить ее в балку, то почвовед решительно возражал против того, чтобы прокладывать ее по солонцам. Особенность же приволжского водораздела состоит именно в том, что среди девяноста шести установленных на нем разновидностей почв довольно много засоленных.

Почвоведом в отряде была сталинградка Клавдия Павловна Ляпина. Она понимала, что лес сажать придется не на мощном саратовском черноземе, на котором все вырастет. Сталинградские почвы тощие, и пестрота их просто поразительна: от всех видов каштановых до бурых, серых, глинистых, песчаных, заболоченных и прочих неудобей. Труд почвоведа в связи с этим становится громоздким и кропотливым. Исследовать почвы под лес надо глубоко, до их материнских пластов.

Антипатию к солонцам, хотя и не основанную еще на собственном опыте, питал и лесовод-ленинградец Константин Михайлович Дементьев. Это ему предстояло, исходя из установленных Клавдией Павловной почвенных разностей, определить хотя бы вчерне необходимую разность лесных пород. На песке, он знал это, лучше сажать сосну, на темных каштанах — дуб и ясень. Но какую породу можно посадить на голых, как колено, солонцеватых «блюдцах»? Все старые учебники лесоводства утверждают, что без гипсования на «блюдцах» ровно ничего не вырастет. Сталинградцы же требуют: «Надо вырастить!» И действительно, надо!

Итак, отряду приходилось выбирать: вести трассу в балку или на солонцы, в лощину или на выходы горных пород, в промоину или в болото. Что лучше? Лучшим во всех случаях считалось не отклоняться от водораздела.

...Сейчас, как я уже заметил, мы двигались с Бобылевым по следам отряда. На пути попадались шурфы, заложенные Клавдией Павловной для исследования почвы и похожие на

Начальник Сталинградского территориального управления по насаждению гослесполос, депутат Верховного Совета РСФСР А. М. Поляков (слева) и начальник отдела лесных культур и лесомелиорации А. Г. Грачев у схемы лесополосы Сталинград — Камышин.

Весенние посадки лесозащитных полос

Претворяя в жизнь сталинский план преобразования природы, зерносовхоз «Учебно-опытный», Ростовской области, посадил нынешней весной 30 гектаров лесозащитных полос. Осенью будет посажено еще 50 гектаров в счет 1950 года.
На снимке: агрегат механика лесомелиоративной бригады совхоза Героя Социалистического Труда Георгия Шкурко на посадке лесной полосы.

Фото А. Соколенко

фронтовые траншеи, только более глубокие. И вообще очень многое, встречавшееся нам по дороге, напоминало фронт. Обычный, трудовой, сталинградский фронт. Он начинался уже в самой Дубовке.

День был праздничный, но люди трудились самозабвенно. Со двора усадьбы бригадир третьего участка отправлял свою тракторную бригаду на исходный рубеж — в район Прямой Балки. Трактористы забирали с собой все, что было нужно для решительной схватки с природой: дизели, бензовозы, двух- и трехкорпусные плуги, дисковые бороны, культиваторы, сажальные машины инженеров Чашкина и Недашковского.

Позади усадьбы, на волжской пристани, тоже толпился народ. Большая группа учащихся Дубовской агрошколы и школы-десятилетки ждала моторку, чтобы переправиться на ней через Волгу за самосевом ясеня. Во главе группы выступал секретарь райкома партии тов. Токарев.

Второй секретарь райкома тов. Веселовский отправлял курсантов Дубовского ремесленного училища в Песковатку на посадку колхозных лесополос. Слушатели Дубовского педучилища с песнями шли в лесхоз сажать лес, шелюговать прибрежный овраг и укреплять пески. Остальная молодежь местечка уже мотыжила с рассвета почву в старом дубовском парке и в пионерском саду над Волгой.

На участке Дубовского лесного питомника командовал учащимися кооперативного техникума главный лесничий станции Алексей Данилович Рязанцев.

Поровнявшись с участком, Тимофей Осипович слегка тронул за рукав водителя, маленького беспалого танкиста Сашу. Машина стала. Не выходя из нее, Бобылев окинул взглядом все поле. Зрелище было красивое. Около трехсот нарядных девчат и парней закладывали плантацию тамарикса, сажали в борозды пензенские желуди, укладывая их рядками, и прикрывали потом эти борозды охапками соломы. Труд был веселый и чуть-чуть озорной, как раз для весеннего утра.

— Ну, как? — спросил Бобылев.

— Да, так... — ответил лесничий, не выражая восторга. — Молодежь...

— Ага,— сказал Бобылев,— молодежь! Это, брат, здорово, что молодежь! Она, видишь, учится, за прилавком стоит, озорничает и лес в степи сажает. Вот тебе и молодежь!.. Включай газ, Саша.

В поле за Ерзовкой веселый шум труда сменился на время тишиной. Посадочные работы на самой трассе еще не развернулись, поскольку проект ее находился на утверждении. Но я знал, что именно отсюда, от Ерзовки, должно было начаться предпринятое по почину комсомольцев Тракторного завода массовое выступление сталинградской молодежи на трассу. Тракторозаводцы первыми предложили взять комсомольское шефство над лесной полосой Камышин — Сталинград. Они же и взяли на себя ответственность за лесные посадки на Ерзовском ее участке.

Тишина за селом, разбитым снарядами и вновь воскресшим к жизни, обещала скорое начало нового для сталинградцев боя. В тот день, когда мы ехали по ерзовскому полю, молодежь Тракторного завода уже готовилась к нему, выковывая «мечи Колесова», бороздокопатели, железные мотыги и закладывая рядом с заводскими корпусами свой двухгектарный комсомольский лесопитомник.

Возле «Красного Октября» линия лесной обороны, занятая молодежью, подходила вплотную к цехам. Несколько тысяч рабочих и членов их семей вышло на воскресник создавать зеленое кольцо вокруг завода.

И весь Сталинград был занят тем же в то ясное и теплое воскресное утро. Город-герой сажал ясени и клены. Он сажал их навечно и не для того, чтобы кто-то попытался вновь опалить их зелень огнем войны.

...В Сталинграде, за Царицей, есть Дом консервщиков. Он находится почти что напротив Дома грузчиков, на Рабоче-Крестьянской улице. Несколько комнат на втором и третьем его этажах консервщики уступили нынешней весной учреждению, которое можно назвать штабом наступления на засуху.

Называется учреждение Сталинградским территориальным управлением по насаждению государственных лесных полос. Кроме Дубовской и Камышинской лесозащитных станций, «опорными пунктами» для него служат левобережная Быковская, Тингутинская и еще совсем молодая Харабалинская. В его же подчинение перешло недавно несколько действующих и вновь созданных лесхозов.

В состав техники, которой вооружены «опорные пункты» Управления, входят дизельные, простые гусеничные и колесные тракторы, грузовые и легковые автомашины, автоприцепы, грейдеры, экскаваторы, посадочные, дождевальные, почвообрабатывающие и прочие машины. Все это «с иголочки», и все это размещено на трассах государственных лесных полос: Камышин—Сталинград, Сталинград—Степной—Черкесск, а также на трассах двух прибрежных волжских полос: от Саратова до Астрахани. Фронт, как видите, пространный. Истинные патриоты, сталинградцы включили в него и самый город вместе с его зеленым кольцом.

Обстановка в Управлении царит совершенно штабная. На стенах висят карты: рельефные, карты-схемы, почвенные. С мест передаются оперативные сводки. Поступают сообщения о ходе работ и прибывающих грузах.

Среди них и такие: **«Ленинград — Сталинграду. Пионерская мичуринская копилка».**

Мы видели две таких копилки. Это были огромные фанерные ящики, набитые доверху мешочками, пакетиками, коробками из-под конфет, отцовскими кисетами и бабушкиными наволочками от диванных подушек. И во всем этом содержались древесные семена. И на каждом мешочке или пакетике были надписи: «Героическому Сталинграду — от юных мичуринцев 289-й мужской школы города Ленинграда. Семян дуба 1 килограмм 200 граммов. Семян яблони 12 граммов», «Героическому Сталинграду — от школьницы Людмилы Васильевой. Семян ясеня 430 штук».

Было трогательно видеть, как лесоводы Алексей Михайлович Поляков и Алексей Гаврилович Грачев, люди уже немолодые и далеко не восторженные, распечатав посылки, вдруг полезли оба в карманы за носовыми платками. Грачев только повторял растерянно:

— Смотрите: скумпия! Вот радость какая!

Хозяйственный Поляков твердил свое:

— Каждой посылке — своя делянка. Каждой делянке — свое звено. И пусть растят комсомольцы от семечка до сеянца, от саженца до дерева на лесной полосе.

И когда кто-то заметил: «Это все политика, Алексей Михайлович! Не проще ли взять да смешать семена?», — ох, как рассердился Поляков.

— Политика, — сказал он в ответ, — да! И пропаганда тоже!

Справедлив был гнев старого большевика-лесовода. И жалко, что не были свидетелями этого гнева товарищи из горкома комсомола, которые не нашли времени взглянуть на дорогие ленинградские копилки. Говорят, в горкоме в этот час начиналось заседание.

В адрес сталинградского фронта лесной обороны идут посылки из многих мест: шлет семена Молдавия; грузит лес и доски Белоруссия; плывут баржами по Волге готовые разборные дома для рабочих, лошади для лесных хозяйств, станки для мастерских. Вся страна отправляет грузы с пометкой: «Станция назначения — героический Сталинград».

...Отдохнув на лафете пушки, оставленной немцами прямо в капонире, и осмотрев дырявые танки, мы вернулись в город. Солнце склонялось уже к закату, но трудовое кипение народа в скверах и парках не угасало. Тысячи людей самых различных профессий, жизненных интересов были заняты одним и тем же делом: они озеленяли город.

На стенах горелых зданий, рядом с не стертыми еще временем призывами: «Стой насмерть!», «Боец, назад ни шагу!»,— более поздние: «Быстрей восстанавливайте город — нашу крепость на Волге!», «Слава стахановцам Тракторного, ускоряющим срок пятилетки!» И рядом же по ржавым пятнам гари выведено крупно и ярко: «Комсомольцы и молодежь! Создадим государственную комсомольскую лесополосу Сталинград — Камышин за 3½ года!»

По улицам города шли и ехали нагруженные зелеными саженцами пожилые уже мужчины, женщины, школьники. Деревца высаживались тут же на улицах, в промежутках между вышедшими из огня войны старыми деревьями. Эти деревья продолжали расти. На их посеченных пулями ветвях молодо набухали почки. Вот-вот готова была брызнуть зеленью весенняя листва.

Сталинград — Дубовка.

НА ОТКРЫТИИ ДЕКАДЫ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В БОЛЬШОМ ЗАЛЕ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ. В президиуме (слева направо, первый ряд): заместитель председателя Совета министров Казахской ССР И. Шарипов, писатель М. Ауэзов, секретарь ЦК КП(б) Казахстана И. Омаров, писатель В. Вишневский, Маршал Советского Союза С. М. Буденный, секретарь ЦК КП(б) Казахстана Ж. Шаяхметов, писатель Б. Горбатов, народная артистка СССР К. Байсеитова, народные акыны Кенен, Нурлубек и Нартай и поэт Т. Жароков.

ДЕКАДА КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

10 мая торжественным вечером в Большом зале Московской консерватории открылась декада казахской советской литературы.

Во вступительном слове председатель Союза советских писателей Казахстана Сабит Муканов рассказал об огромных преобразованиях в жизни республики за годы советской власти.

Вы невольно испытываете чувство, великолепно определенное Джамбулом, как чувство светлой гордости, когда осматриваете выставку казахской литературы, открывшуюся в Центральном доме литераторов 13 мая; на ней представлено свыше 500 названий книг.

Надолго задерживаются посетители выставки около стенда с произведениями классиков марксизма-ленинизма, изданными на казахском языке. Здесь первые тома Сочинений В. И. Ленина и И. В. Сталина, биография товарища И. В. Сталина. Здесь «История Казахской ССР» на казахском и русском языках. Любовно изданы переводы сочинений Пушкина, Лермонтова, Крылова, Горького, современных русских писателей. Вот известный роман М. Ауэзова «Абай» — правдивая книга о ранее бесправном народе и о его певце, пламенном патриоте, любившем свой народ и звавшем его к дружбе с великим русским народом; вот повесть Г. Мустафина «Миллионер» — о жизни казахского колхоза после войны; в повести показаны зримые черты коммунизма, новые отношения между людьми; вот повесть Г. Мусрепова «Казах-батыр», подкупающе просто рассказывающая о героизме советских людей в годы Великой Отечественной войны; вот книги стихов Г. Орманова, Т. Жарокова, Х. Бекхожина, К. Аманжолова, А. Сарсенбаева, К. Абдыкадырова, С. Мауленова и других, изданные в Алма-Ате.

Вы берете в руки эти умные, талантливые книги — и ясно ощущаете ход времени: еще не так давно, около 30 лет назад, редко можно было встретить грамотного человека в казахских степях, а сейчас у этого народа—Академия наук, богатая литература, более 230 газет, 21 театр, 23 вуза, консерватория, многочисленные кадры учителей, агрономов, врачей, инженеров, деятелей науки и искусства. В степях, ранее пустынных, высятся гигантские заводы. Мудрая политика партии Ленина — Сталина, родная советская власть вывели вымиравший при царизме казахский народ на широкий простор счастливой жизни.

Вдохновенные стихи казахских поэтов, согретые любовью к Отчизне, к великому Сталину, к Москве, горячо принимались слушателями, будь это в клубе Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, в зале Академии общественных наук, в Центральном доме Красной Армии или во Дворце культуры.

Старейший певец-импровизатор народный акын Нартай исполняет песню «Привет Москве».

Фото О. Кнорринга

Живой отклик неизменно встречали патриотические песни, стихи, арии из казахских опер «Биржан и Сара» и «Абай» в мастерском исполнении народной артистки СССР лауреата Сталинской премии К. Байсеитовой, народных артистов КазССР Ж. Елабекова, Ш. Айманова, А. Умбетбаева, Р. Абдулина. Полны обаяния танцы народной артистки Казахской ССР Шары.

Великолепен в своей классической простоте казахский народный оркестр имени Курмангазы под управлением народного артиста Казахской ССР профессора А. Жубанова. Красочные национальные костюмы оркестрантов, напевное звучание домбр и кобызов надолго запомнятся москвичам.

Менялись аудитории, но всюду оставалось неизменным единство сцены и зрительного зала; оставалось ощущение сердечности и дружбы, была радость за успехи товарищей — писателей и акынов, певцов и музыкантов.

Когда народный акын Кенен, любимый ученик Джамбула, выступил с импровизацией перед учащимися и преподавателями одного из вузов столицы, все и без перевода поняли эту, явившуюся из глубин сердца песню-здравицу, обращенную к товарищу Сталину, к Москве, поняли, потому что у советских людей одно солнце — солнце Сталинской Конституции, один путь — путь к коммунизму.

И не случайно на первом же вечере память воскресила неувядающие строки Джамбула, обращенные к славному городу:

«Здравствуй, именитая!
сердцу ты близка,
Золотом прошитая,
красная Москва!
Рвутся все народности
мыслями к тебе,
Город светлой гордости,
выросший в борьбе!»

Горячо и сердечно выразили ответные чувства москвичей к братскому казахскому народу русские писатели Н. Тихонов, Б. Горбатов, Л. Соболев, Л. Леонов, А. Софронов, выступавшие вместе с гостями на вечерах декады.

Ник. СИДОРЕНКО

ПЕРЕД ПУШКИНСКИМ ЮБИЛЕЕМ

В Ленинграде состоялась Всесоюзная конференция пушкинистов, посвященная работам советских литературоведов, изучающих жизнь и творчество гения русской литературы. Готовясь к пушкинскому юбилею, советские ученые прочитали в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Тбилиси, Баку, Ташкенте и в других крупных центрах нашей страны, а также на заводах и в колхозах многочисленные доклады и лекции о жизни и творчестве великого поэта.

В юбилейные дни в Академии наук СССР состоится ряд специальных заседаний. 25—27 мая отделения литературы и языка, истории и философии Академии наук и Институт мировой литературы имени Горького проведут в Москве и Ленинграде научные заседания, посвященные жизни и творчеству А. С. Пушкина. 7 июня состоится общее собрание Академии наук СССР, посвященное 150-летию со дня рождения великого поэта.

9 июня в городе Пушкине, в залах восстановленного Александровского дворца, открывается Музей А. С. Пушкина. Как известно, это прекрасное здание сильно пострадало от фашистских бомб и снарядов. Оккупанты увезли отсюда даже двери и паркет. Теперь заканчивается восстановление 12 залов дворца, капитально отремонтировано здание, отделаны стены, реставрируется художественная лепка. Реставраторы, пользуясь архивными материалами, намерены воссоздать дворец в его первоначальном облике, точно таким, каким он был, вплоть до цвета стен и рисунка лепных украшений. Парадный фасад дворца и знаменитая колоннада главного портика восстановлены.

Ученые Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана и других союзных республик также ведут всестороннюю подготовку к пушкинскому юбилею. Они переводят на свой родной язык произведения великого русского поэта, готовят научные монографии, читают лекции и доклады о гении русской литературы.

ЮБИЛЕЙ УЗБЕКСКОГО УЧЕНОГО

В Ташкентском доме ученых состоялось чествование действительного члена Академии наук Узбекской ССР, депутата Верховного Совета СССР, профессора Т. Н. Кары-Ниязова. Исполнилось 50 лет со дня его рождения и 30 лет научной деятельности. Юбиляр получил приветствия от президента Академии наук СССР С. И. Вавилова, от президиумов академий наук Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Казахстана, Эстонии, Латвии, Литвы, от многих ученых, научных организаций, высших учебных заведений.

Профессор Кары-Ниязов — один из старейших деятелей науки Узбекистана. Создатель первой узбекской советской школы, он прошел путь от народного учителя до одного из руководителей Узбекской академии наук. Т. Н. Кары-Ниязов первый из узбеков получил звание профессора и ученую степень доктора наук. Он создатель научной узбекской математической литературы и математической терминологии на узбекском языке. Ему принадлежат свыше 90 печатных научных работ.

В беседе с корреспондентом «Огонька» Т. Н. Кары-Ниязов рассказал о научной работе, которую он ведет сейчас:

— Недавно я закончил обширную монографию «Улугбек и мировая наука». Это — исследование научного наследия крупнейшего узбекского ученого XV века, основателя знаменитой Самаркандской астрономической обсерватории. В основу исследования легли первоисточники — рукописи Улугбека и его комментаторов, хранящиеся в Институте по изучению восточных рукописей Академии наук УзССР.

Сейчас я работаю над капитальной монографией «О культурном наследии и социалистической культуре узбекского народа». Она посвящена в основном развитию культуры и науки узбекского народа за годы советской власти. В первой части работы на основе исторических фактов и документов доказывается вопреки утверждениям буржуазных космополитов самобытность и богатство древней культуры узбекского народа.

ЭНТУЗИАСТЫ-РАДИОЛЮБИТЕЛИ

На Всесоюзной выставке творчества радиолюбителей-конструкторов

Стало хорошей традицией ежегодно, в День радио, устраивать в Москве Всесоюзную выставку, на которой демонстрируется творчество радиолюбителей-конструкторов. Выставка этого года восьмая по счету и третья после окончания войны. Она показывает, что радиолюбительство в нашей стране приняло широкий размах и оставило далеко позади достижения довоенных лет.

Подойдем к небольшой карте и повернем выключатель. На карте зажгутся маленькие красные электрические лампочки. Они обозначают пункты, где находятся любительские радиостанции. Почти вся географическая карта покрывается красным светом. Сейчас нет ни одной страны в мире, где бы не принимали позывных советских коротковолновиков. Факт радиосвязи с иноземным коротковолновиком подтверждается специальной карточкой-квитанцией. В 1940 году наши коротковолновики получили 44 тысячи таких карточек, а в минувшем 1948 году — 591 тысячу. Предполагают, что в этом году количество карточек-квитанций достигнет 1 миллиона.

На выставке висят три портрета чемпионов Всесоюзного добровольного общества содействия армии. Это Федор Росляков, чемпион ДОСАРМ 1948 года, прославившийся тем, что он принимает и передает по радио в три—четыре раза больше знаков, чем обычный радист. Другой портрет — чемпиона по дальней радиосвязи Константина Шульгина. Виртуозно владея приемником и передатчиком, он в течение одной ночи установил 211 радиосвязей, со всеми континентами мира. Третий чемпион ДОСАРМ 1948 года — Владимир Белоусов. Он не знает конкурентов по дальности радиосвязи.

Радиолюбительство в Советском Союзе стало занятием десятков тысяч людей— молодых и старых, студентов, школьников, врачей, рабочих, колхозников. Достаточно сказать, что радиоконсультация, существующая при Центральном радиоклубе ДОСАРМ, дала в течение прошлого года 80 тысяч ответов на запросы радиолюбителей.

И здесь, на выставке, мы видим плоды их творческого труда. Несколько залов заняты приемниками, радиолампами, телевизорами, изготовленными руками энтузиастов-радиолюбителей.

Вот зал, где показаны радиоприемники от крохотных до больших. Многие из них так изящно, тщательно и красиво оформлены, что, право же, фабричные радиоприемники не могут с ними конкурировать. Мы подходим к столику, за которым сидит черноволосый юноша, налаживающий свой маленький приемник. Это студент второго курса Ереванского ветеринарного института Ю. А. Магакян. Весь свой досуг он отдает радиолюбительству и уже вторично участвует во Всесоюзной выставке.

Радиолюбители 85 городов принимают участие в выставке. От миниатюрного радиоприемника ереванского студента мы переходим к большой концертной радиоле. Она сконструирована бригадиром одного из свердловских заводов Игорем Меркурьевым. Он включает радиолу — и чистый звук заполняет зал. Но это еще не самый крупный приемник, показанный на выставке. Один из радиолюбителей — Исидор Цмыг — соединил в одном «агрегате» и радиолу и телевизор с линзой, увеличивающей экран в два раза.

Много интересных приемников специально для сельских местностей. Посетители толпятся у приемника, сконструированного Константином Самойленко. Он может работать и от электросети и от собственного аккумулятора, причем переключение производится очень легко. Для маленьких городов и сел, где электростанция работает не круглые сутки, такой приемник незаменим. Наша радиопромышленность, все еще не удовлетворяющая спроса деревни на дешевые, простые радиоприемники, может многое почерпнуть из творчества радиолюбителей.

Богато представлен на выставке отдел телевидения.

Выставка показала, что наша страна — родина радио — неизменно идет впереди других стран по пути технического прогресса.

Я. ЛАПИН

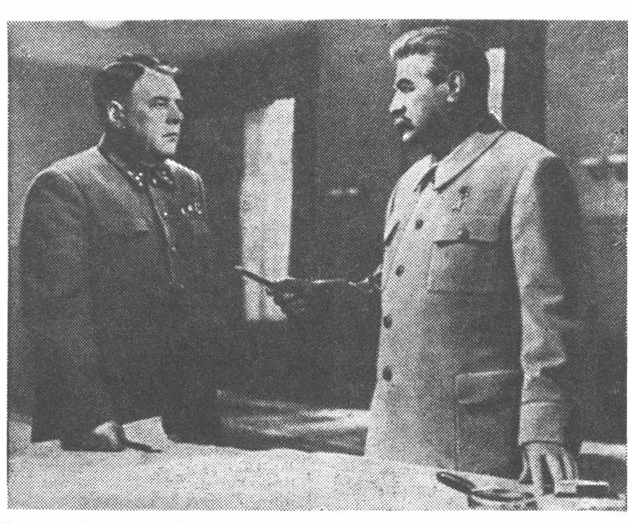

НАРОД И СТАЛИН

Необычно в фойе кинотеатра. Можно подумать: собралось несколько сот хорошо знакомых, чуть ли не с полуслова понимающих друг друга людей. И, словно сговорившись, стали они собираться задолго до начала киносеанса. Между тем здесь разные люди, просто случайно пришедшие все на один и тот же сеанс.

Интимная атмосфера возникла тотчас после того, как молодой полковник Б. С. Афонин, участник сталинградских боев, а ныне слушатель Военной академии имени Сталина, обнаружил в фойе кинотеатра «Художественный» схему Сталинградского фронта и, подойдя к ней, увлекся и стал вспоминать... Он вспомнил о том, как Сталин жил в сердце каждого из сталинградских бойцов, как каждый из сталинградцев чувствовал, что Сталин с ним рядом, именно с ним!

Пожилая женщина, вытирая кончиком носового платка то и дело набегавшие слезы, смотрела на молодого полковника, порываясь что-то сказать. Да, да! Вот так же, как этот полковник, чувствовал ее сын. Его звали Владимир Голомидов, гвардии старший лейтенант. Она его мать, Анна Григорьевна. Однажды она получила сообщение, что сын ее тяжело ранен в сталинградских боях и лежит в госпитале в Казани. Она помчалась к нему. Сто двадцать дней он еще жил после ранения. Надежды на спасение не было. Он знал это. Сто двадцать дней он умирал, но каждый из этих ста двадцати дней начинался вопросом: «Как Сталинград?» Он повторял: «Мама, Сталин их победит. Мама, Сталин спасет, увидишь». И так до последнего мгновения жизни!

Кадр из фильма «Сталинградская битва». В роли И. В. Сталина артист А. Дикий, А. М. Василевский — артист Ю. Шумский.

— Сталиным только и жили,— вспоминает инженер В. Шалашный, прослуживший войну в Краснознаменном Балтийском флоте.— Не то что днем, бывало, ночью проснешься и начинаешь думать о нем, о Сталине...

Есть неразрывная и закономерная связь между чувствами этих людей и всем тем, что предстояло им увидеть в фильме «Сталинградская битва». Когда кончился киносеанс и зажгли свет в зале, старшина 1-й статьи Усатюк, медленно поднимаясь с места и обращаясь к самому себе, громко сказал:

— Ну вот, видел я сейчас своего Сталина!

Точнее трудно сказать. В образе, созданном Алексеем Диким, он узнал своего Сталина, того, который жил в его мыслях, в его сердце.

В фильме есть сцена, которая служит как бы ключом к образу, мастерски созданному артистом.

Положение защитников Сталинграда все тяжелее. Снаряды рвутся уже рядом с блиндажом генерала Чуйкова. Танки противника только что прорвали оборону. Потери наши велики. Страдальчески дрогнуло мужественное лицо командарма: «Тяжело, нет сил, как тяжело. Если бы знал товарищ Сталин!»

Но ведь Сталин сейчас далеко, в Москве. Однако верно ли, что он далеко? Уже следующая сцена как бы дает ответ: Сталин близко. Он здесь, рядом с тобой, командарм! Рядом с тобой, боец! Словно услыхав восклицание генерала Чуйкова, Сталин отдает приказ: немедленно направить в помощь Чуйкову 13-ю гвардейскую дивизию Родимцева.

— У них там очень тяжело,— добавляет он.

Да, он услыхал. Да, он видит. Он чувствует и знает народ, как народ чувствует и знает его. Народ и Сталин неотделимы.

Повторяя его имя, умирал на койке казанского госпиталя боец за Сталинград Владимир Голомидов. С мыслью о нем умирала героическая Зоя Космодемьянская. Ее мать говорит сейчас, что, смотря фильм «Сталинградская битва», она ясно чувствовала, как мысль о Сталине должна была освобождать ее Зою от страха смерти. И о Сталине говорит в фильме Г. М. Маленков, обращаясь к уходящим на фронт рабочим-ополченцам:

— Деритесь, помните: Сталина здесь нет, но он всегда с вами!

Проходят ополченцы-сталинградцы: юноши, пожилые рабочие, бородатые старики. И в глазах каждого из них мы читаем: Сталин! Он с каждым из них. И все они с ним там, в Кремле, где он склонился в этот момент над картой военных действий.

Тут раскрывается основная идея фильма — сталинское предвидение! Первая серия фильма не столько о самой битве, сколько о рождении гениального замысла разгрома немцев под Сталинградом. Еще визгливо звучат гитлеровские военные марши, еще движутся на восток немецкие танки, а Сталин уже обдумывает план разгрома.

— Ясно, они идут на Сталинград,— говорит он начальнику Генштаба Василевскому.— Второй раз нам приходится отбивать натиск врага на этот город.

Нам, говорит Сталин. Это значит ему, Сталину, и народу. История города так же неотделима от имени Сталина, как и от истории всего народа.

Сталин задумывается. В зале тишина. Люди затаили дыхание. Им дано сейчас видеть на экране один из самых сокровенных моментов истории. На их глазах рождается замысел того великого плана, осуществление которого определило и всю последующую историю мира и личные судьбы сидящих здесь, в зале.

Средствами замечательного актерского искусства Дикий изобразил Сталина в решающие моменты его великих предвидений.

Фильм — не наглядное пособие при изучении великой истории. Он воздействует, конечно, не столько документальностью эпизодов, сколько выраженной в нем силой общей исторической правды. Сила воздействия фильма в том, что в образе, созданном Диким, люди узнают Сталина — величайшего мыслителя, предвидящего ход событий, Сталина — творца гениальных планов, спасающего Родину и человечество от вечной ночи фашизма.

От образа Сталина, запечатленного в фильме, веет уверенностью, спокойствием. Под внешним выражением этого спокойствия чувствуется неустанная и непрерывная работа могучей и провидящей далеко вперед мысли гения. Образ великого вождя вселяет в людей уверенность, душевную твердость, бесстрашие, веру в жизнь! Да, вот он, исток бесстрашия и веры советских людей!

Немного места занимает в фильме эпизод обороны знаменитого «Дома Павлова». Моряк-подводник Усатюк назвал Павлова настоящим «сталинским человеком». В самом деле! Что поддерживало Павлова в его беспримерном подвиге? Мысль о Сталине, вера в то, что Сталин — это победа. На примере подвига Павлова раскрывается истинный смысл прекрасных сталинских слов: «Народ бессмертен».

— Я умру,— как бы говорит советский герой,— но мы бессмертны!

Он частица этого великого всенародного «мы»! Стало быть, и он в каком-то глубоком смысле бессмертен!

Это новое чувство советского, сталинского человека владеет Павловым. Оно владеет и смертельно раненным лейтенантом Калегановым, который пишет в своей предсмертной записке: «Гвардейцы не отступили. Погибли героями за город Сталина, но врага не пустили».

Это — выражение бесстрашия советского человека. О нем думаешь, когда слышишь, как в фильме Рузвельт говорит своему собеседнику: «Горе человечеству, если кто-нибудь посеет вражду между нами и Россией».

Сеятели этой вражды не смогут запугать советских людей, у которых есть Сталин, ибо Сталин — это всегда победа!

К. ОРЛОВСКИЙ

ЦВЕТЫ ДЛЯ СТОЛИЦЫ

На большом поле, на 10 гектарах, раскинулись парники и оранжереи Измайловского комбината декоративного садоводства Москвы.

110 парников на 2070 рам и 17 оранжерей, соединенных стометровым стеклянным коридором, оснащены по последнему слову агротехники.

Даже в жестокие декабрьские и январские морозы здесь цветет сирень, благоухают левкои, гвоздики, розы. Входящего в оранжерею дурманит аромат цветов, в глазах рябит от бесчисленного множества красок и форм растений. Тут и огромные шапки гортензий всевозможных оттенков, и примулы с их разноцветными венчиками, и пушистые головки махровых хризантем, и пахучие нарциссы с зелеными лентами листьев.

Гордость комбината — цикломены. Раньше цикломена была невзрачным растением с мелкими цветками скромной окраски. Группа работников комбината во главе со старейшим садоводом И. А. Виксне превратила цикломену в одно из самых роскошных растений. На кусте цикломены около 115—120 крупных цветков из 20 лепестков.

В оранжерее Измайловского комбината. Старейший садовник А. Ф. Ануфриева.

Под руководством директора комбината С. Б. Парсаланяна и технического руководителя К. Ф. Каширского на комбинате ведется большая селекционная и опытная работа. С каждым годом форма и окраска цветов все более и более совершенствуются. Поддерживая тесную связь с Институтом физиологии растений Академии наук СССР, работники комбината применяют новейшие методы агротехники, ускоряя цветение растений на несколько месяцев.

На контрольном участке ежегодно испытывается до 800 новых сортов цветов. После испытания лучшие сорта идут в массовое производство.

В этом году комбинат даст жителям столицы более полумиллиона цветов в горшках.

Ф. РОДИОНОВ

Труженики социалистической промышленности нашей славной столицы Москвы и Московской области проявляют неистощимую энергию и инициативу в борьбе за досрочное выполнение послевоенной пятилетки. Недавно с важным патриотическим начинанием выступили работницы Купавинской тонкосуконной фабрики Московской области, прядильщица Мария Рожнева и ткачиха Лидия Кононенко. Они предложили организовать соревнование за всемерную экономию сырья и тем самым добиться увеличения выпуска тканей.

Ниже мы публикуем беседы корреспондента «Огонька» с инициаторами этого ценного почина и с руководителями фабрики и шерстяной промышленности СССР.

МИЛЛИОНЫ МЕТРОВ ТКАНИ ИЗ СЭКОНОМЛЕННОГО СЫРЬЯ

ПЕРВЫЙ УСПЕХ

— Вместе с ткачихой Лидией Кононенко, — рассказала Мария Рожнева,— мы решили сделать все для того, чтобы из каждого килограмма шерсти страна получила как можно больше продукции. Этим мы занялись примерно в феврале, после того, как познакомились с решениями Московской партийной конференции. За эти три месяца я сумела сократить отходы шерсти в три с половиной раза против плана и дать дополнительно 305 килограммов пряжи. Каждый килограмм пряжи — это два метра сукна. Значит, из сэкономленной мною пряжи дополнительно получилось более 600 метров высококачественного материала, достаточного для пошивки 200 костюмов.

Как я этого добилась? Расскажу коротко. Чтобы давать больше пряжи, надо иметь отлично налаженное оборудование. Когда ремонтировали наши машины, в каждой из которых 400 веретен, по моему настоянию были восстановлены первые скорости, самоостановы, пущены в работу бездействовавшие веретена, поставлены стойки для выставки бобин на ходу и сделано многое другое.

Мы создали специальный график ухода за оборудованием, сдаем смене машины и принимаем их в полном порядке. Это значительно сократило простои. Ровницу готовим перед началом работы. Снятие и заправку съемов ведем быстро, без лишних движений, и здесь, как подсчитано, на каждой операции экономим до двух минут; бобины мы выставляем на ходу.

Вот, собственно, чем и как моя бригада добилась успеха. Я молодая прядильщица, мне всего 20 лет... Думаю, что мы и дальше будем находить новые приемы в старом прядильном деле. Для этого надо учиться, и я поступаю в техникум.

РЕЗЕРВЫ ЕСТЬ

— За три месяца: февраль, март, апрель,— говорит Лидия Кононенко,— я сэкономила 74 килограмма пряжи и выработала из них 148 метров ткани. Дело вроде и не такое уж большое, но если каждая ткачиха добьется такой экономии, сколько дополнительной продукции получит наш народ!

«Секреты» мои просты: до начала работы я тщательно принимаю уток, внимательно проверяю состояние основ на всех моих четырех станках. Чтобы сократить простои станков, строго проверяю разгонку челноков. Початки стараюсь разрабатывать до конца. Все это имеет большое значение в нашем ткацком деле и дает экономию сырья.

Лидия Кононенко (слева) и Мария Рожнева.

Фото О. Кнорринга

ЧЕГО ДОБИЛАСЬ ФАБРИКА

— Патриотическое начинание передовых стахановок Марии Рожневой и Лидии Кононенко,— сообщил нам директор Купавинской тонкосуконной фабрики тов. В. Ерофеев,— весьма значительное событие в жизни нашего предприятия. Это начинание помогло нам досрочно выполнить четырехмесячный план, позволяет в нынешнем году снизить отходы в прядении и ткачестве против плана и только на этом сэкономить 61,5 тонны пряжи и выработать из нее дополнительно 123 тысячи метров тканей. Инициаторы ценного почина — молодые текстильщицы. Мария Рожнева быстро освоила профессию прядильщицы, стала бригадиром. Ее бригада вот уже который месяц дает не ниже 142 процентов плана. В последние месяцы минувшего года бригада Рожневой выпускала первым сортом 99,8 процента продукции. Теперь вся продукция, выпускаемая бригадой,— тонкие сукна — только отличного качества.

Ткачиха Лидия Кононенко так же, как и Рожнева, закончила школу ФЗУ при фабрике. Еще два года назад, вдвое уплотнив свое рабочее время, она стала работать на четырех станках. В короткий срок Кононенко добилась выдающихся результатов, резко повысив норму выработки. — 1 марта этого года она одной из первых выполнила свою пятилетку и дала сверх плана, в счет 1951 года, 5 тысяч метров ткани. Вся продукция Кононенко принимается тоже только первым сортом.

БОЛЬШИЕ РЕЗЕРВЫ

— Почин Марии Рожневой и Лидии Кононенко, — сказал начальник Главного управления шерстяной промышленности Министерства легкой промышленности СССР тов. В. Гусев,— открывает новые большие резервы.

Мы, шерстяники, имеем дело с очень дорогим сырьем. Вот почему борьба за его экономию является для нас особенно важной задачей.

Нет сомнения, что важное патриотическое начинание Рожневой и Кононенко будет дружно поддержано всеми текстильщицами нашей страны.

Первенство СССР по футболу

СПУСТЯ МЕСЯЦ

Прошел месяц со дня открытия футбольного сезона. На первенство СССР сыграно более шестидесяти матчей. Почти все они носили характер упорной борьбы, хотя еще не всегда были тактически продуманными и технически совершенными. Ни одна из команд — будь то команда прославленных чемпионов или молодой коллектив, впервые выступающий в первой группе,— не желала уступить ни одного очка, ни одного мяча.

Достаточно сказать, что около 20 игр закончилось ничейным результатом, причем с весьма выразительным соотношением цифр — 0 : 0 или 1 : 1.

Сейчас игры всесоюзного турнира приобретают рисунок настоящей спортивной борьбы, в которой уже ясно виднеются черты тактического замысла и часто хорошее техническое исполнение.

В первых матчах зрители познакомились со многими молодыми футболистами. Их можно было видеть не только в новых коллективах Баку, Еревана, Риги, Харькова и Донбасса, но и в командах ЦДКА, «Спартак», «Зенит», «Торпедо» (Москва), «Динамо» Киева и Тбилиси.

Можно смело сказать, что текущий сезон даст нам целую плеяду новых способных мастеров: эта черта выгодно отличает его от прошлых и вносит в борьбу много свежести и молодого задора.

Именно этим и объясняется успех «Локомотива» (Харьков), «Нефтяника» (Баку) и ленинградского «Зенита», который, кстати сказать, 6 первых матчей провел без поражений.

Харьковские железнодорожники хотя и проиграли сильной команде московского «Динамо», но показали зрелую и осмысленную игру.

Футболисты «Нефтяника» до матча со «Спартаком» без поражений провели пять встреч, причем свели к ничьей игры с такими серьезными соперниками, как «Торпедо» (Москва) и «Зенит».

Лучше других начали сезон московские динамовцы. Они выиграли все четыре встречи и записали в таблицу восемь очков из восьми возможных.

Команда Центрального дома Красной Армии — чемпион страны,—как обычно, медленно входит в свою спортивную форму. Лишь в матче с тбилисскими динамовцами у армейских футболистов появились элементы свойственной им тактической изобретательности и высокой техники. Особенно хочется отметить безупречную работу молодых защитников А. Крушенка, А. Башашкина, М. Родина, А. Водягина, В. Чистохвалова.

Впрочем, нужно сказать, что во всех виденных нами матчах защитные линии оставляли лучшее впечатление, чем линии форвардов. Они играют увереннее, решительнее и хорошо владеют мячом. Этим, пожалуй, и нужно объяснить скромное число вбитых мячей. Технически сильные, хорошо понимающие друг друга, армейские форварды за 4 игры сумели вбить лишь... 8 голов; «Спартаковцы» за 6 игр вбили 7 голов; зенитовцы за 6 игр — 5 голов. Лишь нападающие московской команды «Динамо» за 4 игры вбили 15 мячей, и команда «Торпедо» после 6 встреч имеет хорошее соотношение мячей — 13 : 5.

Футбольный матч между командами «Спартак» — «Динамо» (Тбилиси). Вратарь «Спартака» А. Леонтьев берет трудный мяч.

Фото Э. Гутгарца

Молодые форварды тбилисских динамовцев, овладев технической обработки мяча, передачи, обводки, продемонстрировали индивидуальную, разрозненную игру, что сплошь и рядом мешало им добиваться успеха в матчах со «Спартаком» и командой ЦДКА.

Индивидуально играют и нападающие молодых команд «Нефтяника», «Шахтера» и других. Встречи с прославленными мастерами кожаного мяча должны помочь им овладеть искусством коллективной игры — самой главной особенности советского футбола.

После первого месяца розыгрыша первенства страны турнирную таблицу возглавляют не только динамовцы (Москва), армейцы, спартаковцы и торпедовцы столицы, но и команда «Зенит», которая в прошлом сезоне заняла 12-е место, и харьковский «Локомотив», игравший во второй группе. В первую десятку входят также «Нефтяник» (Баку) и киевское «Динамо».

Успех молодых команд — самое отрадное явление текущего розыгрыша. Этот сезон, несомненно, принесет любителям футбола еще много приятных неожиданностей.

М. М.

МАТЧ ПЛОВЦОВ

Начало встреч пловцов Москвы и Ленинграда на водных дорожках было положено в 1936 году. Первые три года победу одерживали ленинградцы, затем приз в течение четырех лет удерживали москвичи. Нынешний, восьмой матч, состоявшийся в московском бассейне № 1, примечателен прежде всего успехом молодых пловцов и прыгунов в воду.

В заплыве на 100 метров стилем кроль — самым быстрым способом плавания — вместе с мастерами спорта И. Либелем и В. Кучеровым на стартовую тумбочку поднялся рослый юноша Виктор Дробинский, ученик 8-го класса 73-й московской школы. Это была его первая проба сил вместе со взрослыми. От начала до конца дистанции он был впереди. Дробинский показал отличное время: 1 минуту 01 секунды — новый всесоюзный рекорд для разряда юношей.

Так же удачно выступил другой московский школьник, Виктор Соловьев, и семнадцатилетний прыгун в воду Роман Бренер.

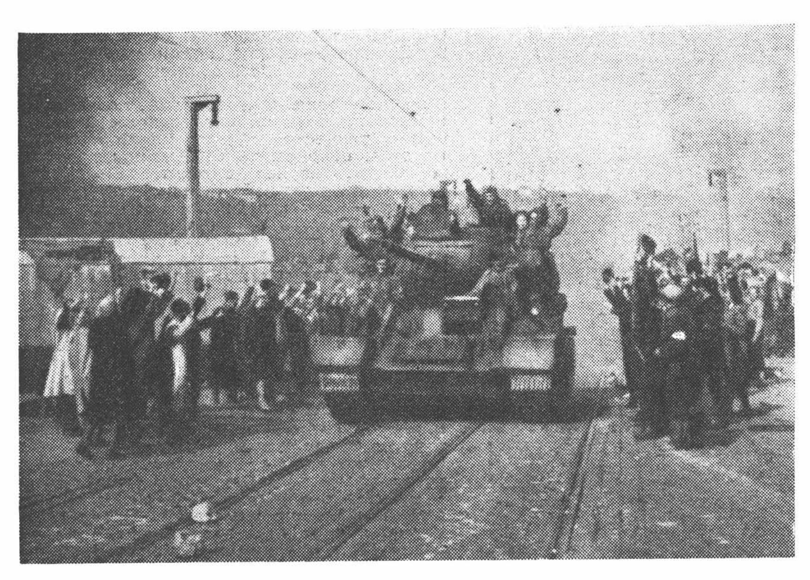
В итоге трехдневных соревнований матч по плаванию, прыжкам в воду и водному поло выиграл коллектив Москвы.

Прага никогда не забудет

(Письмо из Чехословакии)

Вацлав САБЛ

Кадр из фильма «Немая баррикада».

Встреча Советской Армии в мае 1945 года в Праге.

Могилы советских воинов, павших при освобождении Праги в 1945 году.

Славянская, стобашенная Прага!

Для нас, чехословаков, она символ величия, славы и страданий нашего народа, город, через который прошла наша история, город, о котором уже в X веке византийские купцы отзывались с восторгом как об одном из самых богатых торговых центров, с одним из стариннейших университетов в мире. Лежит она, Прага, на холмах над окаймленной зеленью рекою Влтавой, текущей под восемью мостами. Над деревьями и кустами садов и старыми крышами возвышаются Градчаны с громадой собора в готическом стиле...

В старинный, тысячелетний Пражский Кремль в снежную распутицу, охраняемый трясущимися от холода эсэсовцами, въехал 15 марта 1939 года нацистский фюрер. Измена западных держав и домашние предатели широко открыли ему границы нашей родины.

Внизу, под Градчанами, в старых феодальных дворцах, в резиденции капиталиста-горнозаводчика Печека, свило гнездо гестаповское и эсэсовское отребье. Шесть лет терзали они Прагу.

За тысячу километров от родины, в советском городе Бузулуке, генерал Л. Свобода, В. Копецкий, З. Неедлы и другие ковали кадры новой чехословацкой армии, чтобы вместе со славной Советской Армией могли и чехословаки проложить путь к порабощенной родине. А Прага в это время переживала ужасы, которых не знала история страны. Дикие звери в черном, с эмблемой черепа на фуражке, проливали драгоценнейшую кровь народа. Сотни тысяч чешских людей были уведены в нацистские концлагери. Другие сотни тысяч угнаны в рейх на рабство.

Ежедневно закрытые грузовые автомобили, охраняемые эсэсовцами, увозили новых и новых арестантов, бойцов чешского подпольного движения, руководимого коммунистической партией. Более 25 тысяч лучших сынов прославленной партии сложили свои головы под нацистским топором или были замучены. Среди них такие люди, как Юлиус Фучик, Вацлавек, Уркс, д-р Ванчура, много рабочих, ученых, студентов, земледельцев. После убийства гитлеровского «рейхспротектора» палача Гейдриха бывало до 160 казней ежедневно. Каждый вечер раздавались залпы в предместьях Праги, на полигоне.

Однако борьба шла, несмотря на кровавый террор гестапо, на ужасы сожженных Лидиц. Чешские патриоты саботировали производство, нападали на немцев, уходили в горы и леса к партизанам...

Но больше всего взор народа нашего устремлялся на восток, откуда после Сталинграда все ближе и слышнее гремели советские пушки и громыхали танки, шедшие путем победы от Волги к Берлину.

Весной 1945 года наш народ радостно ловил по ночам радиопередачи из Москвы, вслушивался в гром салютов, возвещавших новые победы Советской Армии. Это же радио сообщило и безгранично радостную весть о том, что красное знамя развевается над рейхстагом! Советский народ и все народы мира ликовали, а военачальники западных держав мрачнели...

В это время Прага переживала полные драматизма часы окончания войны. Немецкий генерал Шернер стягивал к Праге почти миллионную армию, пытаясь превратить чешскую столицу в последнюю крепость нацизма. «Чехия и Моравия охраняются от большевистской опасности свежей немецкой армией», — кудахтал по радио одноглазый нацистский коршун Франк, имея в виду отборные части вермахта и СС.

Народ не ждал. Он поднял знамя восстания против ненавистных оккупантов. Борьба, вначале неорганизованная, разгоралась во всех частях города. Немецкие уличные таблички летели в реку, немецкие надписи замазывались, в окнах и на крышах зареяли флаги республики и красные знамена. 5 мая рабочие заводов и фабрик стали нападать на отдельных гитлеровцев, на группы солдат и на казармы.

Немцы дрались по-звериному, предательски. Они стреляли из окон, из погребов, с крыш, врывались в дома, хватали жителей, женщин, волокли в свои казармы.

...Весенний дождь размывает кровавые лужи на мостовой перед музеем на Вацлавской площади, в Карлине, на Панкраце. Из гестаповского гнезда, как называли «Печкарню», хлещут свинцовые струи пулеметов. Откуда-то загремели орудия и минометы, слышен звон стекла, грохот обваливающегося кирпича; виден дым над горящими домами. Из провинции спешат люди в Прагу, изнемогающую в борьбе с врагом, который тоже ждет помощи от своих танков, идущих с юга, от ползущих к вокзалу бронированных поездов.

В темноте дождливой ночи, освещаемой только огнем пылающих домов, возникали десятки баррикад из опрокинутых трамваев и автомобилей, мебели, вывороченных из мостовой камней. Молодежь проявляла чудеса храбрости, не щадя своей жизни в борьбе с лютым врагом. Никогда не забудется пример Лади Хиндля, скромного рабочего, выдающегося спортсмена-бегуна, защищавшего свой завод от наседавших немцев и погибшего последним на боевом посту.

С юга наступала на Прагу дивизия СС «Викинг», с востока — воинские части Шернера, от Бе-

нешова шла немецкая танковая дивизия, с севера продвигалась артиллерия. От Высочан через Карлин тоже наступали гитлеровские танки, гнавшие перед собой женщин, заставляя их разбирать баррикады. У Кобылис и над Либнем расположились нацистские артиллерийские батареи, которые готовились к бою. Над городом пролетали немецкие самолеты, обстреливая баррикады и ведя огонь по площадям.

Но ни одного летчика с Запада не увидел народ Праги в эти дни. А ведь еще несколько дней назад сотни американских и английских самолетов пролетали над Прагой. Перед самым концом войны они разбили большой танковый завод и столь же бессмысленно уничтожали заводы Шкода в Пльзене, обувные фабрики в Злине. Они бомбардировали жилые кварталы Праги...

Прага горит. Нацисты проникли на Панкрац, истребляли массами женщин и детей, прятавшихся в погребах. На Жижкове, в школе «На Пражачке», они убивали заложников, выкалывали им глаза, распарывали животы.

Итог пражского восстания — 3 тысячи человек убитых, из которых 1900 пало с оружием в руках.

Сражались за каждый дом. Сражались за знаменитый Тройский мост, увековеченный писателем Яном Дрдой в его книге «Немая баррикада», — там геройски погибло 40 человек. Так проходили дни. Никакой помощи, обещанной из Лондона по радио,— все оказалось ложью, блефом! Не было сброшено ни одного револьвера из обещанного оружия, не было прислано ни одного самолета.

Вечером 8 мая напряжение достигло наивысшего предела. Горит старая пражская ратуша, овеянная славными событиями в истории чешского народа. Языки пламени полыхают над зданием, рушатся стены; охвачены огнем исторические башенные часы, известные всему миру. Горят дома вокруг площади. Догорает целый блок домов около вокзала Масарика. Вот снова на Панкраце немцы гонят женщин перед своими наступающими танками. На Смихове по направлению к Глубочепам движется танк, захваченный чехами у врагов, но в неравной борьбе с целой колонной немецких машин гибнет его команда.

Придет ли помощь?

Да! Существует на свете друг, единственный, неизменный. Еще в 1938 году он готов был защищать нашу страну против нацизма. Друг бескорыстный, который решительно отвергал гнусный мюнхенский торг. Этот друг — великий Советский Союз! Это Иосиф Сталин!

К нему, в древний Московский Кремль, долетел отчаянный зов пылающей Праги. Генералиссимус дает приказ идти спасать Прагу танковым армиям Рыбалко и Лелюшенко — армиям, которые в это время сражались за сотни километров, где-то около Берлина. Геройские советские танкисты сразу поворачивают на юг и трое суток, без отдыха, стремительно несутся к Праге, отбрасывая и разбивая по пути нацистские дивизии, прорываясь через горящие города, между минными полями.

На их пути отроги Крушных гор, масса природных препятствий. А враг не дремлет; он пользуется каждым изгибом горных дорог, чтобы нанести предательский удар.

Глаза танкистов красны от недосыпания, пыль набивается в морщины заросших лиц. Усталость после жестоких боев за Берлин ломит тело, но никто не думает об отдыхе. Исполнить приказ Сталина — спасти Прагу — стало вопросом чести каждого из танкистов!

Как орлы, они слетали с гребней пограничных гор на чешскую равнину. Они появились нежданно, словно герои старой чешской сказки, в которой рассказывается: когда в Чехии наступят самые тяжелые времена, откроется гора Вланик, гора героев, и из нее выйдет железная конница! И вот сказка сбылась, герои спешат к Праге, все громче и громче зовущей на помощь.

Один поток несется через Мельник. 8 мая к вечеру промчались через Лоуны более 500 танков, а с гор спускаются все новые машины. На рассвете они приближаются к Праге, и одна колонна, под начальством генерала Рыбалко, влетает на Тройский мост, а танкисты генерала Лелюшенко проникают на запад — на Смиховские улицы.

Пражане не верят своим глазам. Они бросаются к танкам, обнимают и целуют запыленных бойцов. А пушки в городе все стреляют, щелкают автоматы, трещат пулеметы. Бой в Праге еще продолжается.

Вечер 9 мая 1945 года. Вся Прага полна советскими войсками. Могучий танк проходит через баррикады и въезжает на только что бомбардированную немцами Вацлавскую площадь. Его башня скрылась под огромными букетами сирени, под кучей детей, которые бросаются в объятия бойцов непобедимой Советской Армии, бойцов великого Сталина!

Незабываемый день! Исполнилось предсказание нашего знаменитого народного художника Альша, который полстолетия тому назад говорил, что в Праге будет хорошо тогда, когда казачий конь напьется воды из Влтавы. В день 9 мая сотни советских стальных коней охлаждали свои моторы влтавской водой.

Никогда, никогда не забудем мы этих прекрасных дней, когда после шести страшных лет жизнь опять показалась прекрасной, когда в славянской Праге зазвучала братская русская речь, когда мы за руку приводили к себе в дом бойцов самой героической армии на свете, чтобы они нам рассказали о великом Сталине, о боях, о своей земле!

Никогда не забудем этих дней, как не забудем великой услуги, оказанной нашей родине советским народом, который своим геройством спас нашу свободу, нашу жизнь!

Тысячи героев, лучших сынов Советского Союза, спят вечным сном у нас, на нашей земле. Дружбу, скрепленную кровью, общими жертвами и близкими обоим народам идеалами, никто никогда не разорвет.

«Только бок о бок с Советским Союзом и навсегда!» — так определил путь Чехословакии наш президент Клемент Готвальд. Народ Чехословакии и свободная, золотая Прага выполняют его наказ, выполняют с радостью, от всего сердца!

Прага, май.

Бальзак

Современная буржуазная литература пытается разделаться со всем лучшим, что есть в историческом и культурном наследии народов.

Один из французских реакционных критиков, глумясь над выдающимися художниками прошлого, откровенно призывает «ненавидеть, презирать, уничтожать» традиции реалистической литературы. «В ней,— пишет этот подголосок сартров и мальро,—слишком горячо билось человеческое сердце, слишком смело работала человеческая мысль...»

Лжецы, воспевающие доллар как единственного властелина «маршаллизированных» стран Европы, боятся того разоблачения собственнического строя, которое заключено в лучших произведениях писателей-реалистов. Вот почему для продажной критики одним из наиболее ненавистных французских писателей прошлого является Оноре де Бальзак, автор серии монументальных романов «Человеческая комедия».

В чем же значение творческого наследия Бальзака?

Оно раскрыто в известных высказываниях основоположников научного социализма. Энгельс писал, что Бальзак «в своей «Человеческой комедии» дает нам самую замечательную реалистическую историю французского общества, описывая в виде хроники, почти год за годом с 1816 по 1848 г., все усиливающийся напор поднимающейся буржуазии на дворянское общество, которое после 1815 г. перестроило свои ряды и снова, насколько это было возможно, подняло знамя старой французской политики». Из «Человеческой комедии» Энгельс, по его словам, «даже в смысле экономических деталей узнал больше», «чем из книг всех специалистов — историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых».

Мир общественных и человеческих отношений, воссозданный Бальзаком в его эпопее, огромен. В десятках книг, составляющих «Человеческую комедию», действует более двух тысяч героев. Многие из них проходят через несколько романов.

Из банкирских и нотариальных контор писатель ведет читателя в притон бандитов, из министерских приемных — на биржу, из аристократического особняка — в жалкую хижину французского крестьянина, из берлоги ростовщика — в лабораторию ученого. И жизнью этого мира правит «единственный бог современности — всевластные деньги».

Как бы ни были сложны отношения, связывающие героев Бальзака, на какое проявление их мыслей и чувств ни направлял бы он свое внимание психолога и бытописателя,—всюду он раскрывает основной закон жизни буржуазного общества — власть денег.

История Франции после буржуазной революции 1789 года — это не просто фон «Человеческой комедии»: вся ломка общественных и экономических отношений в этот период по-своему отражается в биографиях героев. Представители старой родовой аристократии, теряя свою экономическую базу, либо усваивают методы новых, буржуазных хозяев Франции, либо вытесняются ими с арены активной общественно-политической жизни. Бальзак рисовал этот осужденный на вымирание класс в духе острой, полной горькой иронии сатиры, хотя сам был сто-

ронником аристократии. Он с нескрываемым восхищением изобразил героев восстания против монархии Луи-Филиппа, хотя сам был противником республиканцев.

«Я считаю одной из величайших побед реализма, одной из наиболее ценных черт старика Бальзака то, что он принужден был итти против своих собственных классовых симпатий и политических предрассудков», — говорил Энгельс.

Когда великий французский реалист приступал к осуществлению своего обширного замысла, он, выбирая общее заглавие для своей эпопеи, не случайно вспомнил о «Божественной комедии» Данте. Если Данте уместил феодальное общество современной ему Италии в девяти кругах ада, то и автор «Человеческой комедии» увидел современное ему буржуазное общество, как некий ад, и различные его слои,— как круги этого ада.

В первом круге — те, кто являются непосредственными носителями власти денег, — финансовые тузы, банковские воротилы.

В основе огромного состояния барона де Нюсенжена (о его карьере рассказано в романах «Банкирский дом Нюсенжен», «Кузина Бетта» и других) лежат три ложных банкротства, давших ему возможность ограбить своих вкладчиков, грязные спекуляции после разгрома Франции при Ватерлоо. И этот финансовый туз, «готовый продать депутатов правительству и греков туркам», ставит и смещает министров, создает репутации лживым глашатаям буржуазной демократии.

Подстать ему вся свора хищников и спекулянтов.

По следу Нюсенжена идет дю Тилье — «шакал, который, почуяв запах падали, поспевает первым, чтобы урвать кость послаще».

Ростовщик Гобсек сам говорит о себе: «Таких, как я, в Париже человек десять — мы властители ваших судеб... Я достаточно богат, чтобы покупать совесть человеческую, управлять министрами через их фаворитов».

Бесчестно спекулируя на народных бедствиях, нажил свое состояние Горио («Отец Горио»).

Вглядываясь в облик этих хищников, современный читатель узнает в них знакомые и страшные черты. Правда, представители «двухсот семейств» современной Франции превзошли Нюсенженов: они стали приказчиками банкирских контор Уолл-стрита, они мечтают расправиться с французским народом, превратив Францию в колонию американских империалистов.

Второй круг «Человеческой комедии» — это политические деятели, носители власти буржуазного государства, вскормленные банкирской конторой и биржей.

Растиньяк (герой романов «Отец Горио», «Банкирский дом Нюсенжен» и других) — безземельный ангулемский дворянчик — подымается по всем ступеням политической карьеры, поддерживаемый банкирским домом Нюсенжен.

Находясь на содержании жены Нюсенжена, он принимает участие во всех мошенничествах самого банкира, чем и доказывает свою пригодность для роли министра и пэра Франции.

Растиньяк в свою очередь обеспечивает избрание в депутаты Максима дю Трайля, специалиста по политическому шантажу, ограбившего двух своих любовниц.

Дю Трайль, охарактеризованный Бальзаком как «соединительное звено между каторгой и высшим светом», с помощью полиции обеспечивает свое избрание на выборах, проходящих под знаком «свободы» и «прогресса».

Так на посты хозяев буржуазной Франции прорывается толпа молодых «бандитов от политики».

У молодых авантюристов Бальзака есть достойный их наставник, «идеолог». Это бандит Жак Колен, он же Вотрен (романы «Отец Горио», «Блеск и нищета куртизанок», «Последнее воплощение Вотрена»). В промежутке между двумя пребываниями на каторге он воспитывает будущих буржуазных деятелей, переводя на язык политики приемы своего разбойничьего ремесла.

Бальзак, по сути дела, раскрывает единую основу действий банкира, политика, бандита. Для них в равной мере «законы — это паутина, сквозь которую прорываются большие мухи и в которой увязают маленькие».

Круг «Человеческой комедии», посвященный семье, не менее страшен, чем все другие. Власть денег низводит до коммерческой сделки все личные отношения в буржуазном обществе, превращает брак в проституцию, разрушает человеческую основу семейных связей.

Дочери Горио обирают уже разорившегося отца, бросают его в час смерти. В чаянии наследства родственники хладнокровно уничтожают доверчивого кузена Понса.

Даже материнская любовь уродуется в обществе, где все подчинено купле-продаже. Материнское чувство мадам де Ресто или мадам Шабер выражается в том, что они губят своих мужей, чтобы вырвать из их рук состояние, упрочив таким образом права своих детей на наследство.

Зрелище семейного очага в буржуазном обществе так отталкивающе, что оно, по выражению романиста, «способно устрашить даже судебного следователя».

«Я видел,— говорит стряпчий Дервиль,— как на чердаке умирал нищий отец, брошенный своими двумя дочерями, которым он стдал восемьдесят тысяч ливров годовой ренты. Видел, как сжигали завещания, видел, как матери разоряли своих детей, как мужья обворовывали жен, как жены убивали мужей и, пользуясь их безграничной любовью, превращали их в безумцев или слабоумных, чтобы самим спокойно жить со своим возлюбленным».

Быть может, с особым гневом изображает Бальзак то жалкое положение рабов, на которое обрекает буржуазное общество людей умственного труда. Купить или уничтожить — такова политика буржуазного общества в отношении писателя, ученого, журналиста. И если буржуазным дельцам не удается сломить честность талантливого изобретателя Сешара, то судьба Люсьена де Рюбампре («Утраченные иллюзии»), поэта и журналиста,— это типичная судьба художника в буржуазном обществе.

Провинциал Люсьен верит, что дорогу к славе открывает талант. Знакомство с нравами столичной печати заставляет его освободиться от этих иллюзий.

«Вот уже два часа Люсьену только и приходилось убеждаться, что все сводилось к деньгам, что в театре и в книжной торговле, в книжной торговле и в газете об искусстве и славе не было речи. Огромное шибало Монетного двора било его по голове и по сердцу повторными ударами». Хозяева парижской прессы быстро формируют Люсьена по своему образу и подобию, учат его молниеносно менять по приказу свои мнения и убеждения. Лусто, Фино и им подобные разбойники пера торжествуют, а Люсьен, изолгавшийся, опустошенный, растративший свой дар поэта, бесславно гибнет.

В «Утраченных иллюзиях» показано, как рождались кадры идеологических прислужников буржуазии. Теперь их наследники проходят выучку у американских трестов и превратились в литературных гангстеров современного образца.

Недавно передовая французская пресса разоблачила такого «американизированного» потомка бальзаковских борзописцев. Некий Серж Груссар, написав книгу о современной Испании и убедившись, что она не принесет ему дохода, по приказу крупного буржуазного издателя зачеркнул написанное им и под маркой книги об Испании состряпал антисоветский пасквиль. Клевета Груссара была хорошо оплачена: он получил литературную премию и изрядный гонорар. На вопрос известного писателя-коммуниста Клода Моргана, как Груссар пошел на эту подлость, последний ответил: «Мне просто нужны были деньги».

Бальзаку тем горше было наблюдать всеобщую продажность и беспринципность в мире буржуазного искусства, что в его глазах творчество художника — один из самых благородных и важных видов общественной деятельности. «Неведомый шедевр», «Дом кошки, играющей в мяч», предисловие к «Человеческой комедии», «Письма о литературе, театре и искусстве» достаточно полно выражают эти взгляды Бальзака. Глубокие замечания о сущности реалистического искусства рассыпаны почти во всех его романах.

Определяя назначение и основной долг художника, он говорит: «Суть писателя — то, что его делает писателем — и я не побоюсь этого сказать—делает его равным государственному человеку, а быть может, выше его,—это некая определенность мнений о человеческих делах, полная преданность принципам». Бальзак знал, что не может быть подлинно значительного произведения без связи с общественной и политической жизнью своей эпохи. Великие художники — это те, кто «щупали пульс своей эпохи, чувствовали ее болезни, всматривались в ее лицо, изучали ее настроения; их книги и герои всегда были звучными, сверкающими призывами, которым в каждую данную эпоху отвечали современные идеи, зарождающиеся мечты...»

Бальзак был сам образцом художника, умеющего непосредственно откликаться на то, чем живет эпоха. Характерно, что более трех четвертей его произведений посвящены событиям, свидетелем и современником которых он был.

Бальзак был подлинным подвижником писательского труда. По рассказам современников, он работал по пятнадцать часов в сутки, до восьми раз переписывал заново свои романы, он трудился одновременно над такими монументальными произведениями, как «Утраченные иллюзии», «Блеск и нищета куртизанок», «Крестьяне» (1843—1844 годы).

Представлениям буржуазного общества о художнике — жреце «чистого искусства» — писатель противопоставлял образ художника-труженика. Для Бальзака гений, талант — это прежде всего труд. «Если художник не бросается в свое творчество как Курций — в пропасть, как солдат на редут и если в этом кратере он не работает, как рудокоп, засыпанный обвалом, если, наконец, он глазеет на трудности, вместо того, чтобы их побеждать одну за другой... произведение остается незавершенным, оно гибнет в недрах мастерской, ибо так художник не может творить,— он присутствует при самоубийстве своего таланта».

Бальзак понимал, что «талантливый человек почти всегда выходец из народа». Не может творить человек, живущий паразитарной жизнью,— «сын миллионера или патриция, выхоленный, сытый, привыкший к роскоши».

Бальзак — критик и теоретик искусства—поднимал лучшие традиции французского национального искусства, защищал их от всех посягательств. «У нас нет патриотизма,— пишет он Шарлю де Бернару,— и, нападая друг на друга, мы подрываем свою национальность и литературное первенство. Разве англичане... швыряли друг в друга иностранными литературами, чтобы задушить свою собственную? Нет. Так последуем же их примеру».

Известно, что в отличие от многих западных писателей, которые по близорукости или злому умыслу не видели или замалчивали великую историческую роль русской культуры, Бальзак неоднократно призывал европейское общественное мнение к пониманию России.

Он писал: «Мы не имеем представления о богатстве и мощи России... Мощь Англии создана искусственно, а Россия непосредственно владеет огромными запасами сырья для всех видов промышленности». Русский народ «призван играть великую роль в будущем»,— писал Бальзак.

Продажная пресса, стоявшая на страже устоев буржуазного общества, травила Бальзака, обвиняя его в «безнравственности» и клевете.

Демократическая Франция всегда воздавала должное таланту автора «Человеческой комедии». Виктор Гюго сказал над его гробом:

«Сам того не зная, желал он того или нет, соглашался ли он на то или нет, автор этого громадного и необычайного произведения принадлежит к крепкой породе революционных писателей. Бальзак идет прямо к цели. Он вступает в рукопашную схватку с современным обществом...»

Основоположник советской литературы А. М. Горький неоднократно обращался в своих статьях к творчеству французского романиста. «Книги Бальзака наиболее дороги мне,— писал Горький,— той любовью к людям, тем чудесным знанием жизни, которые с великою силой и радостью я всегда ощущал в его творчестве».

Е. КНИПОВИЧ и Б. ПЕСИС

Тегеранские зарисовки

Ю. ВАСНЕЦОВА

Тегеран летом просыпается рано: к полудню город превращается в раскаленное пекло, и всякий спешит окончить до этого свои дела. В седьмом часу утра по улицам молочники уже развозят молоко, которое их хозяева — предприниматели — скупают у окрестных крестьян и продают втридорога.

Появляются школьники в серых халатах с судочком и ложкой в руке и ранцем за плечами. Школ в Тегеране мало, и детям приходится ходить учиться очень далеко. Некоторые родители нанимают велосипедиста, который сажает двух — трех ребятишек на раму и багажник машины и за грошовое вознаграждение отвозит их в школу.

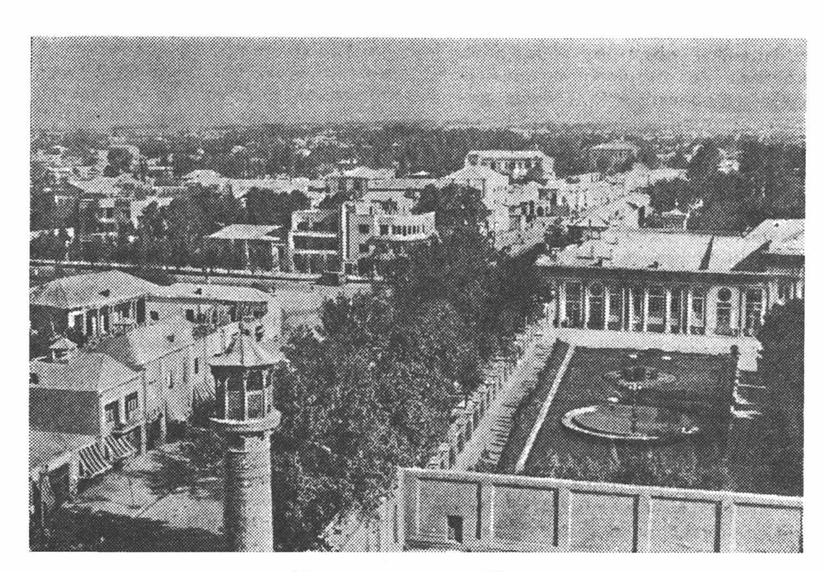
С грохотом подымаются металлические жалюзи витрин. Мальчик-слуга поливает из узкогорлого кувшина тротуар около магазина. По улице важно шагают верблюды. Худощавый иранец прямо по тротуару гонит баранов. Проходит человек в тряпичных туфлях на босу ногу. На голове у него поверх войлочной шапочки медный таз, в руках — маленькие весы. Выкрикивая «Тут фаранги!» (то есть клубника), он шествует, не придерживая таз руками.

В Иране люди часто заменяют транспорт. Летом по раскаленному солнцем шоссе от Тегерана до Шимрана (километров пятнадцать и все время в гору) идут носильщики, держа на голове огромные деревянные подносы с кладью. Между тем в Тегеране много машин американских марок. Однако перевозка грузов на машине значительно дороже оплаты труда бедняка, который, чтобы не умереть от голода, готов за гроши переносить большие тяжести...

К десяти часам все магазины открыты. Витрины переполнены товарами, завезенными со всех концов света и главным образом из Соединенных Штатов. Не видно только местных, иранских товаров. Купцы с постными лицами стоят у дверей магазинов, зазывая покупателей, но покупателей нет: кошелек рядового иранца пуст, а американцы, англичане и другие «люди Запада», которых здесь много, не рискуют делать покупки, ибо им известно качество экспортных американских товаров.

По улице Стамбули ходят бродячие торговцы. Они навязчиво предлагают американские чулки, английские подтяжки, лезвия для бритья, жевательную резинку, очки с простыми стеклами. Все эти неходовые товары они берут в больших магазинах и за ничтожный процент с выручки торгуют ими. Городская беднота думает лишь о том, чтобы как-нибудь заработать на лаваш (сорт местного хлеба).

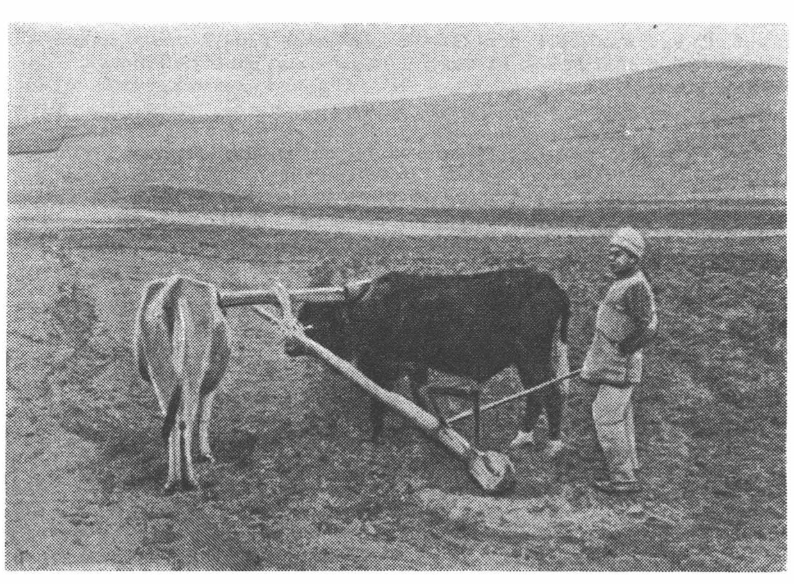
Миновав блестящие витрины с выставленными в них часами, золотыми безделушками и шелком, привлекающими внимание лишь нарядно одетых женщин, мы поворачиваем за угол и попадаем в узкий, грязный переулок. Он упирается в здание бывшего немецкого посольства и еще недавно именовался Берлинским. По всему переулку сидят калеки: мужчины, женщины, дети. Они просят милостыню, показывая прохожим свои страшные увечья и язвы. Сейчас в здании бывшего немецкого посольства расположились американцы. В Иране по этому поводу иронически замечают, что немцев заменили американцы.

Тегеран — столица Ирана.

Улица в Тегеране.

Иранский пахарь.

Американцев в городе много. Одна группа американских офицеров управляет иранской армией; другая — командует жандармерией, обучая ее «новейшим» приемам подавления демократического движения; третья — хозяйничает в области экономики и финансов, превращая Иран в колонию США.

От площади Тупхане улица ведет к старинному базару. Это целый город под крышей. Еще недавно здесь шла бойкая торговля товарами, главным образом национальной промышленности и кустарного производства: суконными и шерстяными тканями, чулками, медными изделиями. Теперь базар замер. Американская «помощь» подкосила кустарей, многие из них прикрыли свои лавчонки, увеличив и без того немалую армию безработных. За последние годы купцы завезли сюда горы американской ношеной одежды, годной разве только на утиль: старые женские платья, мужские костюмы в заплатах, поношенное военное обмундирование, выгоревшие на солнце пальто. Этим «добром» завалены все магазины.

По каменным ступеням мы спускаемся на центральную магистраль базара. По правую и левую стороны несколько лавок жестянщиков, потом — лавки, в которых продаются серебряные изделия; дальше — текстильный ряд.

Через отверстия в низком и сводчатом каменном потолке базара проникает тусклый свет. Тут, при лавках, подчас ютятся целые семьи кустарей. Дети вырастают бледными, рахитичными. Почти в каждой лавочке не только живут, но и работают целый день эти маленькие старички: они раздувают горны, запаивают кастрюли, чистят верблюжью шерсть, вдыхая пыль. Вообще крайне дешевый детский труд очень широко применяется в Иране.

Нищие и безработные бродят по всему Ирану. Вспоминается наша поездка на юг. По дорогам к Султанабаду, Исфагану и Ахвазу — всюду мы встречали изможденных, голодных людей в рубищах.

Крестьянам нехватает хлеба: четыре пятых урожая они отдают помещику, из остатка выплачивают прошлогодние и позапрошлогодние долги, бесчисленные поборы сельским чиновникам, жандармам.

В некоторых местах мы видели, как продавалась сушеная саранча, которая служит продуктом питания. Саранчу едят, разумеется, от нужды, потому что нет денег на лаваш и финики, которыми так богат юг Ирана.

* * *

По пути в Ахваз мы остановились для ночевки в маленькой харчевке — глинобитной хижине с плоской крышей. Наше внимание привлекли трое мужчин, державших курительные трубки необычной длины. В трубках было едва заметное отверстие. Мужчины извлекли из маленьких мешочков твердые кусочки темнокоричневого цвета. Это был терьяк — местный вид наркотика. Хозяин харчевни поднес курильщикам жаровню с раскаленными углями. Те прилепили к отверстию трубок по кусочку терьяка и стали разжигать его горячим углем. Выкурив всю порцию, они принялись за еду и вскоре крепко заснули.

От дыма терьяка у нас разболелись головы, и мы вынуждены

Безработные.

были выйти на улицу. Рано утром проснулся один из курильщиков, оказавшийся шофером грузовой машины. По нашим лицам он понял, что терьяк нам не дал заснуть. Принося извинения, он отозвал нас в сторону и с горечью рассказал, как он стал жертвой страшного наркотика.

— Это было несколько лет тому назад,— начал он, от смущения стараясь не смотреть нам в лицо,— я работал тогда у помещика. Однажды у меня сильно разболелись зубы. Ехать в город нужны были средства, а их нехватало даже на пропитание. И вот местный знахарь дал мне кусочек терьяка, велел его зажечь и дым держать во рту. С тех пор и пошло... Все деньги, которые имею, трачу на терьяк...

Наш собеседник помолчал, мрачно глядя себе под ноги, а затем продолжал:

— Говорят, можно вылечиться от этой болезни, но где взять средства на врача? Да и стоит ли? — добавил он с ожесточением.— Хоть на минуту забудешься — и то хорошо!..

По далеко не полным данным, в Иране курят терьяк более полутора миллионов человек, то есть пятая часть взрослого населения страны. От наркотиков умирает 100 тысяч человек в год, из них половина кончает самоубийством. Среди курильщиков не только мужчины, но и женщины. Терьяк употребляют как средство усыплять плачущих или больных детей. Мать кладет младенцу в рот кусочек наркотика — и ребенок забывается. Несчастная даже не понимает, какое она совершает преступление.

Стоящие у власти помещики не только не запрещают употребление терьяка, а, наоборот, поощряют: им выгодно дурманить народ и получать от торговли терьяком большие прибыли.

Характерно, что курение терьяка больше всего распространено на юге, в сфере влияния англо-иранской нефтяной компании (АИНК), которую называют в Иране «государством в государстве». Здесь, в этой вотчине Великобритании, все английское: и методы колониальной эксплоатации рабочих (в среднем рабочий получает за 14—15 часов тяжелой работы не более 30 реалов, в то время как дневной прожиточный минимум составляет не менее 200 реалов), и расовая дискриминация, и полицейская служба. Вместе с иранской жандармерией и армией, которыми управляют американские «советники», «промышленная полиция» англо-иранской нефтяной компании учинила недавно жестокую расправу над рабочими, которые осмелились протестовать против нечеловеческих условий труда и жизни.

Куда же деваются огромные доходы от южноиранской нефти? В тегеранских газетах за прошлый, 1948 год публиковались выступления отдельных депутатов меджлиса, которые с цифрами и фактами в руках доказывали, что английская нефтяная концессия грабит Иран. Говоря о кабальном характере навязанного англичанами Ирану договора 1933 года, депутаты подчеркивали, что даже этот договор нарушается англичанами при полном попустительстве и даже содействии иранских властей. Разными приемами англичане ежегодно извлекают из нефтяной концессии десятки миллионов фунтов стерлингов чистой прибыли.

* * *

Однажды нам довелось посетить стеклодувный завод в Тегеране. Мы ожидали увидеть что-либо, хотя бы отдаленно напоминающее современное промышленное предприятие. Вместо этого нас ввели в длинное здание, похожее на сарай. Здесь царил полумрак. У раскаленных горнов стояли люди и выдували стекло. Дальше за длинными столами сидели женщины и дети, разбирали остывшую продукцию — бутылки, стаканы — и укладывали ее в ящики с соломой. Работая в невыносимой духоте по двенадцать и более часов в сутки, стеклодувы могут обеспечить себе только полуголодное существование. Эти люди быстро выходят из строя, превращаясь в инвалидов.

Побывали мы и на кирпичном заводе. Такая же скученность, мучительное физическое напряжение. Люди копошатся в огромных глиняных ямах. Так же, как и на стеклодувном заводе, все делается вручную.

Рядом с ямами — «рабочий поселок». Глинобитные кибитки без окон, дыра в стене для входа обитателей, дыра в потолке для удаления дыма. Внутри этой норы не всякий сможет выпрямиться. На земляном полу — цыновка или кошма. Посредине мангал с горячими углями. В стене нечто вроде ниши; там стоит глиняный кувшин, две—три медных чашки для варки пищи. В этой конуре и живет вся семья. Сидят, подобрав под себя ноги, а ночью спят прямо на полу, ногами к очагу.

Будучи напуганно развернувшимся народно-демократическим движением, иранское правительство в 1946 году опубликовало законопроект о труде, в котором предусматривались некоторые права трудящихся. Правда, иранские правящие круги и на сей раз не забывали о своих интересах, включив в законопроект пункт, запрещающий забастовки. Но даже и этот законопроект оказался не чем иным, как пустым обещанием, маневром в целях обмана народа.

Разгромив в 1946—1947 годах демократическое движение в Иранском Азербайджане, отправив на виселицы и бросив в тюрьмы десятки тысяч людей, боровшихся за свободу и демократию, иранские реакционеры положили законопроект под сукно.

К нищете, невыносимым условиям работы прибавляется еще и антисанитария, которая приводит к частым вспышкам эпидемий, уносящим много человеческих жизней. Грязная арычная вода, которой вынуждено пользоваться для питья неимущее население (чистую, так называемую «шахскую», воду можно получить только за плату), является источником массовых желудочно-кишечных заболеваний. Медицинской же помощью может пользоваться далеко не каждый. Частные лечебницы слишком дороги, они не для бедных. В аптеках лекарства и препараты, вывезенные из-за границы и прошедшие через руки спекулянтов-оптовиков, продаются по удесятеренной стоимости. Поэтому народ до сих пор прибегает к услугам знахарей, которые калечат и губят людей.

Среди иранской бедноты — рабочих, ремесленников — не часто встретишь человека, умеющего читать и писать. Основная масса крестьянства совершенно неграмотна. А среди городского населения грамотой владеют главным образом купцы, помещики, служащие учреждений.

Не удивительно, что в Иране до сих пор широко распространена профессия писцов, которые составляют письма и прошения. У здания тегеранской почты, в центре города, можно видеть целую шеренгу сидящих на корточках писцов. Орудия производства у них наготове: ручка, чернильница, врезанная в пенал, и небольшая стопка бумаги.

Перед таким писцом, обычно стариком, сидит, тоже на корточках, человек и диктует либо письмо своим родственникам либо какую-нибудь жалобу. За услугу писец получает мизерное вознаграждение, но он рад и этому...

* * *

Живописна Чалусская дорога, пролегающая между Тегераном и Пехлеви. То поднимается она вверх, то тянется по берегу моря, где с одной стороны бесконечная синяя даль, а с другой — высокие лесистые горы, то проходит полями, засеянными рисом.

Жаркий, удушливый полдень застал нас недалеко от Чалуса. Мы заметили несколько невзрачных домиков и направились к ним, надеясь добыть глоток воды. У первой же лачужки нас встретили очень радушно. Седой, сгорбленный старик пригласил сесть на покошенный коврик, разостланный в тени. У входа в домик росло тутовое дерево, под ним на мангале женщина варила пищу, рядом копошились двое ребятишек.

Старик сначала сдержанно молчал, но потом, узнав, что мы из Советского Союза, совершенно преобразился. По его указанию женщина принесла глиняный кувшин с ледяной водой, и у нас завязалась беседа. Старик сказал, что по ту сторону Каспийского моря, как говорят люди, нет помещиков, люди трудятся на своей земле и урожай принадлежит крестьянину.

— А у нас,— продолжал старик,— мы не хозяева, нет. Мы почти все отдаем за аренду, за воду, за инвентарь, за семена. Ничего не остается, кроме рук, которые еще могут трудиться. Я прожил много лет и ничего не имею, даже воды, которую послал нам бог и которая приходит с гор в наши долины. Вода принадлежит помещику, и я не могу посадить себе ни одного фруктового дерева, ибо оно засохнет без воды, за которую у меня нет средств платить. А у помещика большой сад. У него вода, у него земля, и у него белые руки, которые не привыкли работать,— со вздохом заключил старик и, опустив голову, задумался.

Наступило молчание. Старик вдруг встрепенулся, взглянул на нас и стал, покачиваясь, читать певучим речитативом. Он читал четверостишие Омара Хаяма:

«Под этим небом жизнь —
терзаний череда.
А сжалится ль оно над нами —
никогда!
О нерожденные!
Когда б о наших муках
Вам довелось узнать, не шли бы
вы сюда!»

Мы удивились, когда старик, так искусно декламировавший Хаяма, сказал нам, что он неграмотен.

Нам не раз приходилось убеждаться, как сильна любовь иранского народа к поэзии и как заботливо передается она из поколения в поколение. Мы слышали бессмертные стихи Фердоуси, лирику Хафиза и дидактику Саади — они читались выразительно, красиво и с большим чувством.

В устах народа древние стихи звучали по-современному. Народ не только жалуется на свою тяжелую жизнь стихами древних поэтов, но он глубоко ненавидит и презирает кучку тунеядцев, попирающих человеческие права, предающих интересы родины.

Народ боролся и борется со своими реакционерами и англо-американскими империалистами. В авангарде этой борьбы — Народная партия Ирана, демократические профсоюзы и все прогрессивные силы страны, самоотверженно разоблачающие преступные действия и антинародные замыслы реакции.

Именно это и не нравилось англо-американским империалистам и их иранским прислужникам, которые искали и создавали предлоги для расправы с демократическими организациями.

Воспользовавшись покушением на шаха, произведенным в феврале этого года Фахри Араи, связанным с англо-американскими кругами, иранская реакция по указанию своих иностранных хозяев предприняла новый поход против демократических сил страны и главным образом против Народной партии.

В Иране сейчас царит произвол военщины. Народная партия объявлена вне закона, тысячи патриотов брошены в тюрьмы. Ликвидируются последние остатки конституционных свобод. В обстановке насилия и террора реакция стремится установить военную диктатуру.

В книгах западных буржуазных писателей-туристов можно часто прочесть, что Персия — страна роз и соловьев. Но в этой стране несравненно больше нищеты, страданий и горя.

Мы видели народ, таящий в себе огромные творческие возможности, по-настоящему любящий свою страну и верящий в ее светлое будущее. Этот народ сегодня угнетен своими и иноземными поработителями. Однако все в Иране говорит о том, что этот гнет не долговечен. Несмотря на жестокие полицейские преследования, нищету, бесчеловечную эксплоатацию, простые люди Ирана продолжают бороться за свободу и независимость своей родины.

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА. Село Михайловское.

Фотографии М. Величко

НОВЫЕ РИСУНКИ Д. А. ШМАРИНОВА К ПОВЕСТИ А.

— Что же ты хмуришься, брат, — спросил его Кирила Петрович, — или псарня моя тебе не нравится?

— Нет, — отвечал он (Дубровский. Ред.) сурово, — псарня чудная, — вряд людям вашим житье такое ж, как вашим собакам.

←

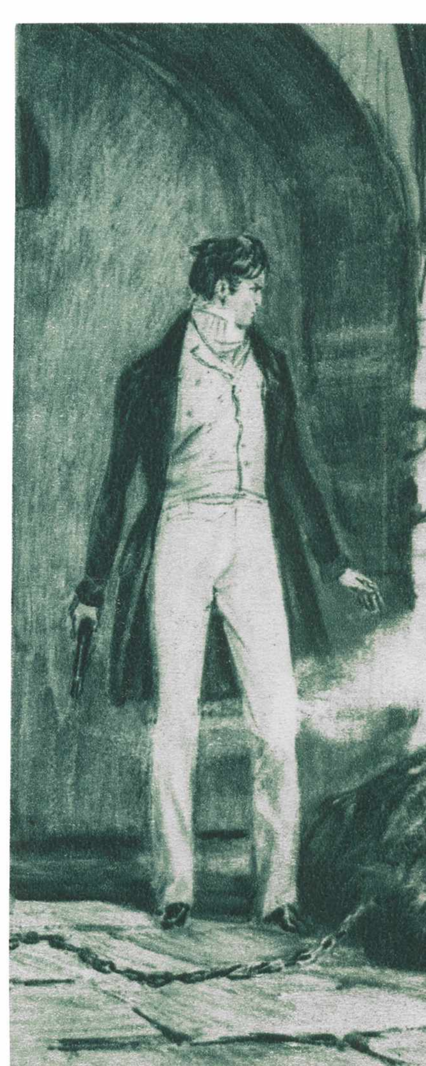
Медведь повалился. Всё сбежалось — двери отворились — Кирила Петрович вошел, изумленный развязкою своей шутки.

→

←

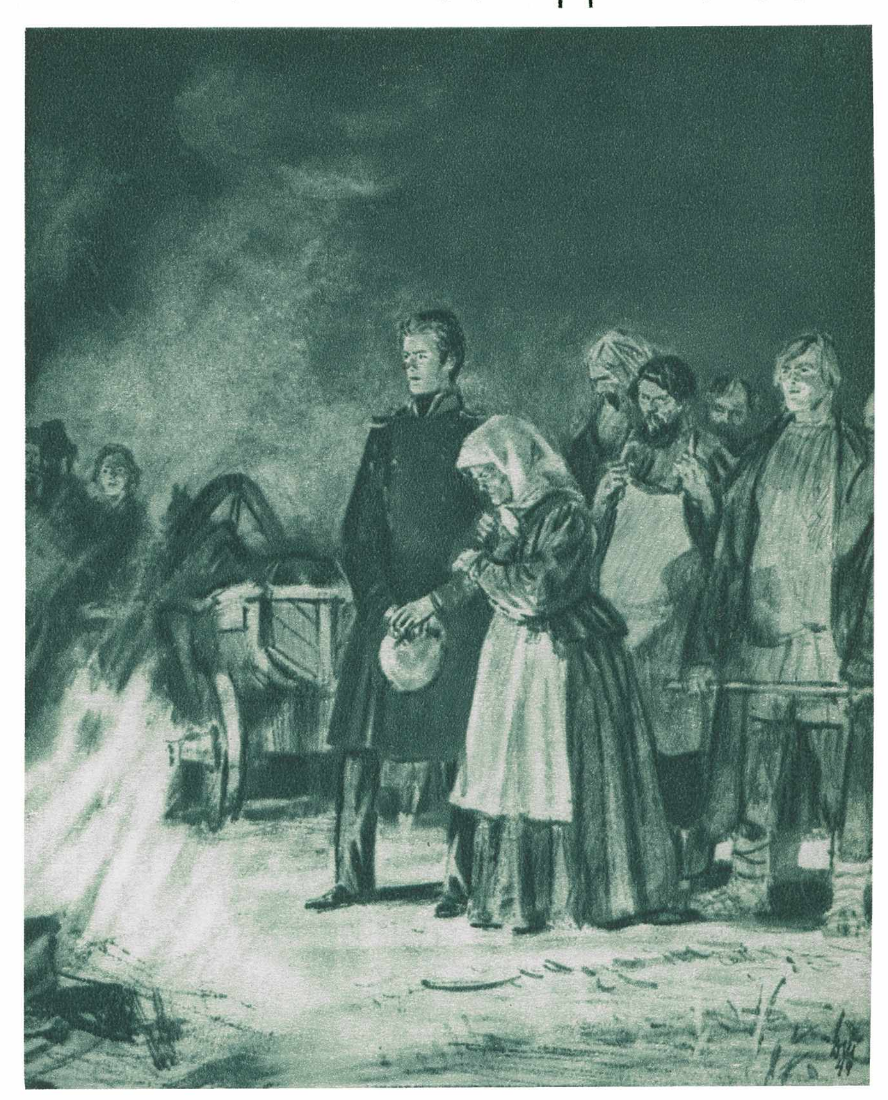
— Обстоятельства требуют... я должен вас оставить, — сказал он наконец, — вы скоро, может быть, услышите... Но перед разлукой я должен с вами сам объясниться...

ПУШКИНА «ДУБРОВСКИЙ», ВЫПУСКАЕМОЙ ДЕТГИЗОМ

Вдруг он поднял голову, глаза его засверкали, он топнул ногою, оттолкнул секретаря с такою силою, что тот упал... Сторожа сбежались на шум, и насилу им овладели.

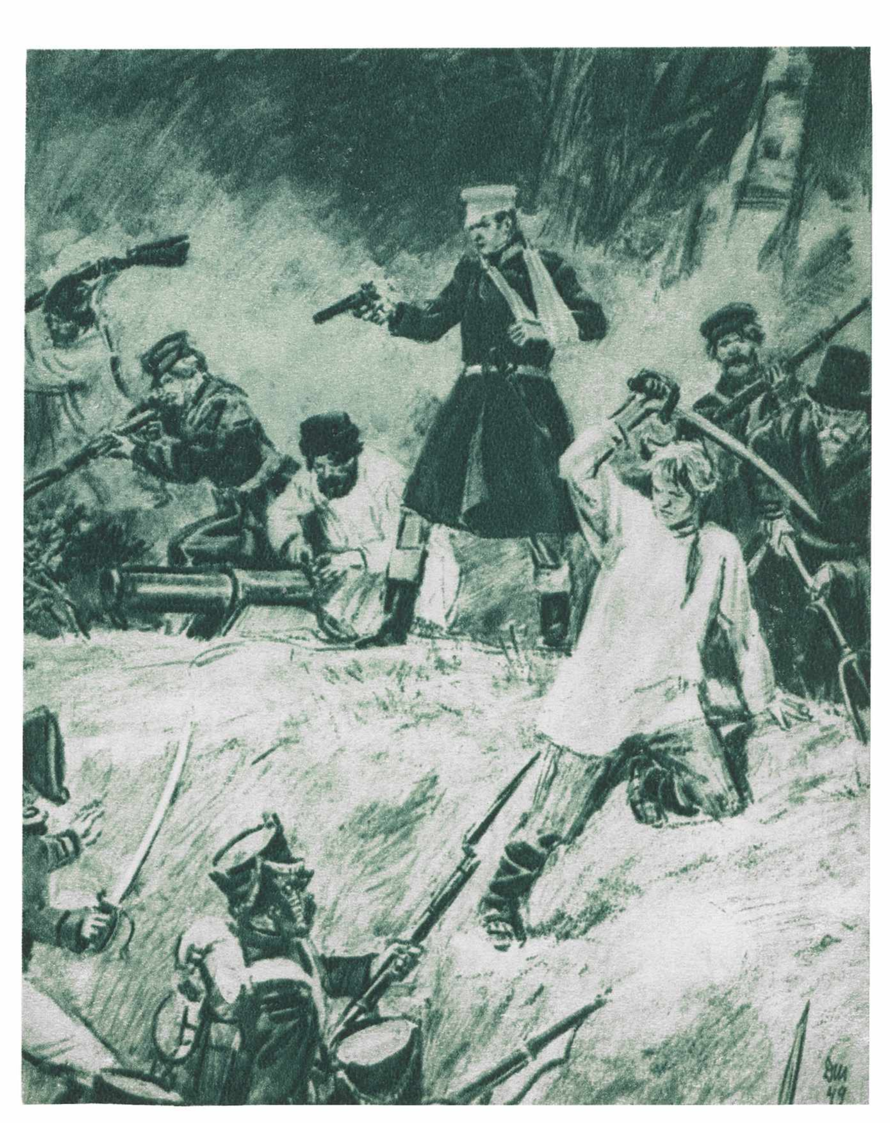
←

→

Гроб опустили в могилу — все присутствующие бросили в нее по горсти песку — яму засыпали, поклонились ей, и разошлись.

→

...разбойники выстрелили в них (солдат. Ред.) из ружей и пистолетов и стали с топорами в руках защищать вал, на который лезли остервенелые солдаты...

...карета остановилась, толпа вооруженных людей окружила ее — и человек в полумаске, отворив дверцы, со стороны, где сидела молодая княгиня, сказал ей:

— Вы свободны, выходите.

Отец и сын

Рассказ

Освальд ТООМИНГ

Рисунки Г. Филипповского

1

Антон Ряни сразмаху швырнул большой кусок сланца в уже наполненную вагонетку.

— Восьмая!

Он выпрямился, стряхнул с ладоней бурую пыль и, повесив бумажку со своим именем на крючок, специально для этого приделанный к вагонетке, сказал напарнику:

— Выкатывай, Ёсь, твоя очередь. А я посмотрю, какой завтрак мне старуха в карман сунула.

— Ты сегодня в ударе, — ответил Ёсь Параабель, кидавший лопатой в вагонетку мелкий сланец. — Я едва с пятой управляюсь.

Антон Ряни развернул свой завтрак — ломти хлеба с зажаренными докрасна кусочками шпига. «Ух ты, сколько шпига! Тридцать лет женаты, а Бетти все еще не потеряла надежду откормить меня». Тридцать лет назад Бетти сказала ему: «Не мужчина, а пугало огородное! Уж я тебя раскормлю, увидишь!» Старалась, как могла и насколько позволял тощий кошелек, но Антон так и остался худым. Был он некогда стройным, как мачта, и кончики закрученных усов воинственно торчали кверху. Потом, добравшись до тридцать пятого верстового столба, начал он с каждым годом все больше горбиться, будто на плечи ему навалился небесный свод. Впрочем, тягот было и в самом деле много, чертовски много, хоть и не небесных, а земных... И как был он тощим, жилистым, таким и остался на всю жизнь.

После завтрака Антона охватила сладкая дрема. Казалось, не было сил даже стряхнуть крошки с усов. Сквозь отяжелевшие, неудержимо смыкающиеся веки он видел далеко впереди, меж камней, две сверкающие пуговки: крыса ждала объедков. «Надо бы тебе всыпать, — лениво подумал Ряни, — а то прогрызешь карман, обжора противная, полпиджака отъешь, чтобы выудить и слопать бутерброд... Только сил нет... Был бы тут сын Индрек, уж он не стерпел бы, запустил бы камнем. Рука у него ловкая, и крысы так не разгуливали, когда он здесь работал...»

Голова Антона Ряни откинулась к щербатой стене, и он уснул бы, если б вновь не задрожали рельсы. Колеса продребезжали на стыках, загремели соединительные крюки: Ёсь вернулся с опорожненными вагонетками.

— Живо справился, — сказал Антон, очнувшись, и добавил небрежно: — Не взглянул на доску?

Ёсь поискал глазами, где бы сесть.

— Смотрел. Еще вчерашние цифры на ней.

— Знай себе дрыхнут, — проворчал Антон. — С Индреком не встретился?

— Нет. Вот Андрес там болтался. Спросил, придешь ли ты завтра.

— А ты что? Как ответил?

— Сказал: куда он, твой Антон, денется?..

«Куда он денется? Не нашел лучшего ответа! Раз Ёсь так не уверен, Андрес завтра, чего доброго, уткнется в свои книги. А Виллем тогда отправится на все воскресенье к реке с удочкой, выдержку в себе воспитывать. И Сассь, увидев Виллема с удочками, обязательно уйдет к дочке, горох на огороде щелкать... Пропало воскресенье!..»

— Что ж ты ему не ответил толком?! — рассердился Антон. — Будто не знаешь...

— Как не знать, — успокоил его Ёсь. — А зачем ему спрашивать? Всему руднику известно, чем Антон, Андрес, Виллем и Сассь в воскресенье заняты...

Антон подумал и улыбнулся. Пастор когда-то говорил, что играть в карты — все равно что мостить дорогу в ад. Но старикам дела мало до серы и вечного огня. Третий год подряд собираются они по воскресеньям, чтобы поиграть в «пятьсот» и поболтать обо всем понемногу: о погоде, о жизни, о политике, о квартирах, о женах, о детях. Но начинается, конечно, разговор всегда с одного и того же: как идут дела на комбинате?.. Начинают они игру строго, молча, солидно. Но едва подходит к концу первый круг, Андрес, не выдержав, вспоминает:

— У нас вчера горячий денек был. Инженер наш разволновался: «Транспорт должен работать, как часы, — говорит. — А если он так не работает и получаются пробки, то виноваты вы сами. Все, ребята, зависит от нас, от механической мастерской». И ребята так запустили машины, что только искры полетели. Токарные и фрезерные поют, сверла жужжат, сварка шипит. Прийдик и Рейн выполняют дневной план на сто шестьдесят. Народ молодой, отчаянный. Им сам черт не брат!..

Игроки звучно шлепают по столу картами. Вскоре приходится открыть второе окно: под потолком реет густой серый туман. Андрес ерзает. Он еще не совсем отвел душу, но вдруг замолчал и лишь крепче сжимает зубами мундштук трубки. Дело в том, что Виллем объявил «сто тридцать два» и есть возможность подсадить его. Немного погодя, когда Сассь приступает к новой сдаче, Виллем, которому только что приписали «сто тридцать два», спрашивает:

— А ты сам?

— Что? — и Андрес, вынув изо рта трубку, наклоняет к соседу ухо, будто плохо его расслышал. — Ты что спросил? Не насчет ли плана? Ну что я, старик, могу?.. Случайно подвезло... Говорят, будто сто семьдесят пять процентов... Ну и старик! Другие, стало быть, со своими ста шестьюдесятью в отчаянные попали, а он, бедный, сумел только на сто семьдесят пять выполнить.

Виллем скромно сообщает, что у него 185 процентов.

— Наверно, напутали, — добавляет он быстро, — я сам не ходил проверять. Какой из тебя в шестьдесят лет работник?

Вот в тридцать седьмом, когда его из-за безработицы поставили вагонетки грузить, он бы еще показал... Тогда у него была сила в мускулах и руки были ловкими! Но во время большой забастовки он распростился со своим здоровьем: окатили в середине зимы из брандспойта. Мороз был такой, что столбы трескались, и он закоченел, как сосулька. Долго после этого в кровати валялся, но так и не вернул здоровья...

Ряни очнулся от задумчивости и, потянувшись так, что хрустнули кости, встал и взялся за лопату. За работу, старый лодырь! Придется ведь докладывать завтра, сколько осилил за эту неделю. Никто, конечно, слова не скажет и даже не поглядит косо, если что не так будет, но молчание этих стариков порой обиднее, чем самая отборная брань молодых.

Движения Ряни медлительны и как будто вялы. Лопата со звоном ударяется об известковый пол, забираясь под расползающуюся груду сланца. Ого, сколько набрал! Не удержишь. Пока донесешь, все свалится... Но нет, ни крошки не упало с лопаты, все угодило в вагонетку. «Поднимай один раз вместо двух, но насыпай полнее, — учил он сам сына. — Найди верное место и бери подряд, чтобы сланец так и сыпался, а не тыкайся, как жадный петух, то туда, то сюда. Не набрасывайся, не суетись — надорвешься, а куча на полу только того и ждет, она все теснее и теснее прижимается к земле. Будто издевается над тобой».

«Упорен же этот Индрек! — думает старик про сына. — Вчера у него было всего на одну тонну меньше. Тонна — это вагонетка, намного ли он отстал? Ушел от отца, стал бригадиром в другом штреке, сказал: «Вот увидишь, старик, скоро обгоню».

«Подрасти сначала, сынок», — ответил он ему. Хорошо, однако, что Индрек ушел: вместе тяжеловато становилось работать. Учишь его по доброте отцовской, как ухватиться, как лопату подсунуть. Все, чтоб лучше было, чтоб легче. А он нос задирает: «Сам знаю, чего меня все время учить и за ручку водить, как грудного!» И все из-за школы он такой гордый. А где моя школа? Антон, сын старого Юри Ряни, — и школа! Да такими словами всех кошек в поселке можно было насмешить. Паси, парень, скот — хозяйка научит тебя считать и петь песни. Подрастешь — хозяин в поле школить начнет. Набатрачишься в усадьбах досыта, ступай в шахту. Тут тебя начинал учить уму-разуму директор фон Плитцер. Тут мир был полон грохота и треска, и по вечерам голодное брюхо начинало петь колыбельную... Хорошо еще, если держат. Тянет уйти, поискать нового места, но... Теперь их учат. Пускай, пускай учатся, старый Ряни нисколько не возражает. Был бы помоложе, он сам засел бы за парту, в вечерних школах сейчас много пожилых...»

2

Сын работал теперь в соседнем штреке. В паре с ним был веснушчатый, круглолицый крепыш Ёри Коллукс, еще без опыта, не очень-то умелый рабочий, скорей, ученик, подручный. Но парень живой, и сердце у него доброе, а сил у него больше, чем можно было бы ожидать от такого упитанного малого. Ворочает, как медведь, глыбищами. Да долго ли так выдержишь? И Индрек учит его, как держать лопату, чтобы она была нагружена полностью, и как держать спину, чтобы она не заболела через час и не согнулась бы через год, как колодезный журавль. А сам Индрек, расставив ноги, неторопливо и размашисто швыряет сланец — груз тяжел и так обрушивается в вагонетку, что она подпрыгивает на рельсах.

«Других уже могу учить, а отец все объясняет, растолковывает, журит... И то неправильно, и это нехорошо. Понимаю, что он от доброго сердца, а не могу слушать, не могу оставаться терпеливым и робким, как мальчик, который никогда не видел ни кирки, ни лопаты. Поживем — увидим, кто прав. В конторе подсчитают...»

Битый сланец был погружен в вагонетку. Лопатой больше нечего было делать. Руки быстро начали швырять крупные камни — те в вагонетку, те за спину, на укрепление стены. Там, где трудно было отличить на глаз бурый сланец от серого известняка, решала рука: известняк тяжелее, сланец легче. Последние, самые увесистые куски — и все. Девятая! А пока Ёри выведет груженую вагонетку и пригонит обратно пустую, он успеет проглотить бутерброд.

Индрек Ряни был таким же худым и рослым, как отец, всего лишь на сантиметр ниже его, но в плечах шире. И мать огорчалась. «Такое же пугало, как отец», — вздыхала она. Будто это имеет какое-то значение. Главное — упругость мускулов, четкость движений и быстрая сноровка. Уже полмесяца сын идет то вторым, то третьим после отца.

А завтра воскресенье, и в народном доме состоится репетиция... Индрек не видит шарящих глаз-пуговок, не видит, как обнаглевшая крыса высовывает из-за камней нос и поводит серыми усищами вверх и вниз, вверх и вниз... Да, Ирма — золотая девушка... Опять — золотая! Индрек морщится. Золото! Будто нет других сравнений. И фамилия девушки была Кульд [1], Ирма Кульд. Днем преподает она в школе, по вечерам руководит репетициями драмкружка. Волосы у нее все-таки вроде золотых. Индрек хлопает себя по колену. Особенно когда они освещены лучами заходящего солнца. Она заплетает их в косы, такие длинные, мягкие и тяжелые, словно пшеничные снопы.

Парень усмехнулся. Что бы Ирма ответила, если бы он сказал ей, что ее косы, как снопы спелой пшеницы? Опять, наверно: «Из книг вычитал, выдумай сам что-нибудь». Нет, неправда, он нигде этого не вычитывал. Ирма — она, конечно, больше читала, особенно из беллетристики. Но зато по части политической литературы он даст ей несколько очков вперед. Когда ее принимали в комсомол, сердце у него порой так и екало от страха: вот-вот ошибется.

[1] Kuld — по-эстонски золото.

Ёри опустился на пол и поискал хлеба в карманах пиджака, повешенного на каменный выступ.

— Ну, нарубил ты нынче, — сказал он. — Я знаю, почему ты такую горячку порешь...

И Ёри торопливо, словно боясь опоздать, жует хлеб. На его перепачканном лице сверкают большие и светлые глаза. Они хитро поблескивают. Зубоскал этот Ёри — никогда не угадаешь, что у него на уме. Поэтому Индрек благоразумно молчит и ждет. Терпение Ёри довольно быстро иссякает.

— Наверно, для того, — говорит он, — чтобы завтра, когда товарищ Кульд спросит у всех на репетиции, как вчера поработали, можно было бы помолчать и притвориться, будто занят газетой. А после того, как все похвастают своими успехами и товарищ Кульд обратится к тебе: «А как у вас, товарищ Индрек?» — обронить этак небрежно, совсем между прочим, что ничего, мол, особенного, всего триста процентов.

— Чего там болтать! Столько не выйдет...

И, встав, Индрек протягивает руку к лопате. А в голове вертится: «...небрежно и между прочим — триста процентов!» Тогда он и отца обскакал бы, стал бы первым на руднике. Попробовал бы тогда старик учить его, как маленького.

3

Отец и сын встретились в штольне. Толкая по рельсам груженые вагонетки, они вышли из своих штреков. На запасный путь, за порожними вагонетками, они отправились вместе.

— Ну как?—спросил через плечо отец, шагая широко и размашисто.

— Бедновато, — ответил сын, пытаясь ступать часто, чтобы не идти в ногу с отцом.

Эта задача была не из легких, шаг сам собой получался отцовским — таким же размашистым и упругим. Мать говорила, что походку всех Ряни можно узнать за километр. Но Индрек не хочет идти, как отец, он хочет ходить по-своему. А это приводит к тому, что он спотыкается на скользких шпалах и чуть ли не падает.

— Плохо подорвано, — сказал Индрек. — Стена обвалилась при взрыве целиком, теперь разбирайся с киркой, где кончается известняк и где начинается сланец.

Если бы сын видел лицо отца, то заметил бы мелькнувшую в усах старика улыбку. «Ври больше! — думает Антон. — Сказал бы кому другому, новичку сопливому, а то своему отцу, старому Антону Ряни, который знает все штреки рудника, все углы и норы так же хорошо, а то и лучше, чем свою комнату. «Плохо подорвано!» Да ведь в штреке Индрека сланец густой и мягкий, как мыло, стукни по нему кулаком — он и отвалится от известняка. Только подбирай его и швыряй в вагонетку».

Но вслух он сказал только:

— Ты следи за бурильщиками. Они иногда очень уж торопятся. Не выберут как следует места и жарят не под тем углом. Тогда взрывчатка не дробит, не разламывает, а отваливает от стены глыбами. Самое лучшее, когда...

Он не договорил. Молчание за спиной становилось угрожающим. «Опять, наверно, парень обиделся, что его учат...» Старик помолчал и прислушался. «Ну, ясно — Индрек сопит, как паровоз».

Некоторое время они шли молча. В главном штреке было теперь светло, на потолке сверкали электрические лампы, хоть газету читай. За спиной что-то загрохотало, и земля вздрогнула. Минеры уже в южных штреках.

Сын спросил:

— А у тебя?

Старый Ряни сплюнул:

— Паршиво. Штрек вдруг стал таким бедным, что хоть складывай инструменты и кончай работу. Один известняк! А та мелочь, что осталась, так заросла известняком, что все время приходится за кирку браться. Да и кирка не всегда помогает. Другой раз возьмешь в руки кусок и не понимаешь: нето сланец, нето еще что. Хоть в лабораторию тащи на исследование. Вот и работай, выполняй план.

«Здорово загнул, — думает теперь сын. — Будто весь рудник не знает, что такого штрека, как у бригады старого Ряни, нигде не сыщешь. Ишь, чего выдумал: «известняком заросло!» И не краснеет... А сам, небось, скажет вечером: «Ну, парень, сколько вагонеток выдал?.. Э-хе-хе-хе, маловато. А я, хоть сланец у меня и был с пустой породой перемешан, как известь с глиной в штукатурке, обогнал тебя на несколько вагонеточек. Да-с, сынок, подучись, подучись еще...»

Больше они ни о чем не говорили. Забрали порожние вагонетки и направились, гремя ими, к своим штрекам. И каждый думал одно и то же: раз хитрит, значит, вечером услышим что-нибудь новенькое. Придется приналечь, отставать стыдно.

Вернувшись в штрек, Антон сказал Ёссю:

— Молодые, понимаешь, обогнать нас хотят. Уж он наврал мне, что и штрек у него плохой и что взрывчатка не дробит, а сам посмеивался в ладошку: «Подожди, мол, подожди, старик, вечером продолжим разговор». Куда я покажусь, как сяду завтра играть с приятелями в «пятьсот», если сын выдаст больше сланца, чем я? Кто он такой? Щенок! Первые шаги делает и не знает о жизни ровным счетом ничего. А я? Разве мало мою шкуру дубили? Помнишь, как тут жили, когда мы пришли сюда на работу?

— Еще бы забыть!.. Только в советское время снесли наши лачуги. Были в земле такие длинные пещеры выкопаны, а сверху крыши накинуты. Вроде погребов. Спали, как свиньи, бок о бок, в грязи и во вшах.

— Жалко, что снесли, жалко. Нужно бы оставить. Как музей для детишек: приходите и смотрите, как **наш** рай выглядел... А потом? Из одного черного списка в другой... Каждую осень за ворота выставляли. Я знаю, из какой жизни нас советский строй вытащил, а он... Много он, желторотый, помнит? Больше понаслышке знает. Стыдно, стыдно если мы, потомственные шахтеры, от юнцов отстанем... Стыдно!

И Ёсь видит, как длинные руки старого Ряни начинают двигаться все быстрее и быстрее. Расставленные широко ноги словно вросли в пол. Наклонится, возьмет камень, швырнет. Длинный он, до потолка головой достанет, если вытянется. Кидает себе, будто с колокольни.

А в соседнем штреке Ёри спрашивал у молодого Ряни:

— Что это ты вдруг заскучал? Или привидение встретил?

Индрек с яростью воткнул лопату в кучу камней:

— Почти угадал. Мой старик пытался туману напустить, стало быть, нынче в форме До трехсот процентов нагонит, он и раньше по пятнадцати вагонеток выдавал. Позор — у меня пока только одиннадцать. Отставать сейчас от стариков — позор!

«Словно из пулемета гвоздит», — думает про Индрека Ёри. Сплошной каменный ливень. Взглянуть на этого Индрека со стороны, так вылитый старый Ряни: тот же упрямо стиснутый рот, тот же тонкий выступающий нос, такие же две складки между бровей, такой же высокий лоб. Только у старика глубокие морщины, а у молодого нехватает усов.

4

До конца работы оставалось еще два часа. На подземной узловой станции, где находились электроподстанция и маленькая комната для минеров и десятников, была вывешена доска с первыми сведениями о результатах трудового дня. Большими белыми буквами было написано: «Ряни — 12, Лиллеоя — 10, Кукк и Параабель — 8 вагонеток».

Сведения эти быстро проникли во все штреки. «Снова Ряни», — говорили люди, и никто не удивлялся. Никто не обратил также внимания на то, что сразу заметили оба Ряни: на доске был лишь один из них. Лишь один...

— Ты, как всегда, первый, — сказал Антону Ёсь.

— А ты нынче на третье место выбрался, — ответил старый Ряни.

Глаза его были серьезными, и, как всегда, когда он напряженно о чем-нибудь думал, между бровей залегли две глубокие складки.

«Парня вовсе нет на доске. Значит, у него меньше восьми? За оставшееся время ему не догнать и Кукка с Параабелем».

— Похоже, парень правду говорил, когда жаловался, что патроны в его штреке плохо сегодня взрывались.

Ёсь, воодушевленный своим успехом, не заметил озабоченности Антона.

— Что ж, — ответил он легкомысленно, — наверно, выдохся.

— Выдохся? — вспылил Антон. — Наша порода не выдыхается. Руки у него шахтерские. Но каким бы ты силачом ни был, а в паршивом штреке много не наберешь.

«Я был несправедлив к парню, — думал старик. — Индрек еще молод, долго ли ему устать? Я всю жизнь шахтерил, чуть ли не на всех рудниках засыпал вагонетки, по одному запаху узнаю сланец. Что рядом с этим его два года? Много ли он узнал на своих курсах? Только о себе и думаю, упрямый козел. Загнал своим упрямством парня в другой штрек и еще злорадствовал. Ай-ай, когда друзья узнают об этом, они и разговаривать с тобой не станут, не то что в карты играть. Весь рудник будет над тобой потешаться...»

— Что ты там ворчишь? — спросил Ёсь у замешкавшегося в конце штрека Антона.

— Ничего... В лампу вода попала...

— У меня вагонетка полная... Пошли?

— Нет, дай я выкачу.

— Моя очередь, — возразил Ёсь.

— Ну и что ж... Я вспомнил, что нужно сказать кое-что минеру. Он сейчас наверху должен быть...

* * *

Ёри так двинул Индрека локтем в бок, что тот схватился рукой за стену.

— Поздравляю! Это твои двенадцать вагонеток. Первый человек в шахте.

У Индрека и мускул на лице не дрогнул. Отсутствующий взгляд, брови высоко подняты, будто он что-то припоминал.

— Что это с тобой? — забеспокоился Ёри. — Заболел, что ли? Мне от радости за тебя до потолка хочется прыгнуть.

Индрек хмуро ответил:

— Со мной-то ничего... А вот отец, значит, был прав, когда говорил, что его штрек так зарос известняком, что и киркой не обобьешь. Я ему не поверил, посмеялся в душе...

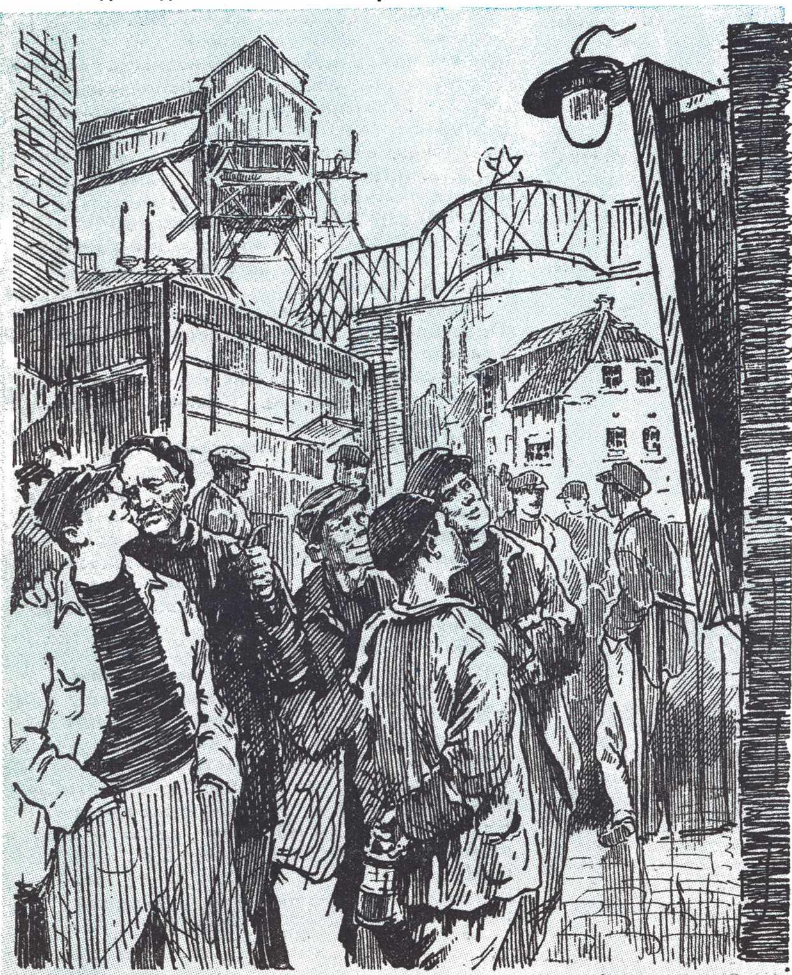
— Побыл старик на первом месте... Хватит!

— Побыл. А теперь его и в первой четверке нет. Стало быть, штрек в самом деле плох... Совсем плох...

— Нечего на штрек сваливать, если силы уже не те... Ему ведь далеко за пятьдесят. Больше двадцати лет под землей. Всякий другой уже за печкой сидел бы.

Силы не те... Индреку и в голову такое не приходило. Сколько он помнил отца, тот всегда был здоров и крепок. Никто на свете не вечен, и Антон Ряни тоже. А сын сбежал от него, за почетом погнался, оставил старого отца одного. Посмеялись бы над ним люди: комсомолец, о славе своей подумал, а о старике не подумал.

— Дай я выкачу, — сказал Индрек, подходя к вагонетке. — Мне нужно повидать десятника... насчет работы в понедельник.

5

Рабочий день кончился.

Вниз спускалась новая смена.

Мелькавшие в штреках огоньки стягивались к штольне. Люди шли гуськом между сверкавшими рельсами, шлепая мокрыми резиновыми сапогами по шпалам. Дождливое лето давало себе знать и под землей. От холодной воды, просачивающейся сверху, стены казались ожившими — отражавшая свет вода стекала по камням на пол, образуя лужицы. Пронзительно и властно завыл маленький электровоз — прочь с дороги!

Поднимались по отвесной винтовой лестнице к свету, сдавали инструмент. Сворачивали самокрутки, набивали трубки, зажигали папиросы. Стряхивали с сапог и одежды следы сланца, известняка и глины. Обменивались порой шутливыми, порой деловыми фразами. Доску с показателями сняли со стены и унесли в контрольную будку. Шахтеры, не торопясь и не толкаясь, подошли поближе. Несколько минут еще есть, ужин не убежит, можно взглянуть, кто сколько успел.

Из будки вышла кудрявая девушка в синем кителе и снова повесила доску на стену.

— Ну, ясно, опять Ряни, — сказал кто-то.

— Чего там смотреть на первого, он у нас всегда один и тот же. Глядите, Кукк-то на второе место выскочил.

— Крючкотворы проклятые! — сказал чей-то густой бас, и долговязый человек протолкался к контрольной будке.

— Ах, бюрократы! — выпалил светловолосый юноша и, выбравшись из толпы, тоже исчез за дверью.

В будке перед столом контролера стояли двое. Оба длинные, худые, серьезные.

— Вы что? Только чернила тут переводите, — стукнул по столу кулаком усатый. — Не можете правильно вагонетки подсчитать.

— Верно сказано! — поддержал его молодой.

Контролер боязливо отошел к окну. Подальше от этих буянов. Кто их знает? Уж больно сердитые у обоих физиономии.

— В чем дело? — спросил контролер издали медовым голосом. — Я ведь не говорю, что не может быть ошибки. Сейчас посмотрим, проконтролируем. Конь о четырех ногах и то... Что ж удивительного...

— У меня должно быть четырнадцать, а не шестнадцать вагонеток, как отмечено на доске.

— Я засыпал и вывез четырнадцать. Откуда вы взяли шестнадцать?

И молодой и старый говорили одновременно, заглушая друг друга. Контролер пожал плечами:

— Ничего не понимаю. Говорите по очереди и чтоб было понятно.

— Вы мне поставили шестнадцать, — начал объяснять старый Ряни, — а я выдал сегодня только четырнадцать. Наверно, приписали от сына ко мне, а его имени вовсе не поставили.

— Постой, постой, — повернулся Индрек к отцу. — Имя-то на доске мое, только ошибка сделана: и у меня должно быть четырнадцать, а не шестнадцать, я точно знаю.

Отец и сын уставились друг на друга. Пристально и недоверчиво.

Кудрявая девушка за соседним столом расхохоталась. От смеха даже слезы брызнули из ее глаз. Придя наконец в себя, она сказала:

— Ну и семейка! Терпения нехватило дочитать. Там написано: «1 и 2. Ряни — 16 вагонеток». Оба Ряни на первом месте!.. Приятно? Надо бы порядковые номера покрупнее написать, да я подумала, что и так понятно.

Старый Ряни кашлянул и подкрутил усы:

— У каждого, что ли, по шестнадцати?

Смуглое лицо Индрека потемнело. Не покраснело ли оно под слоем сланцевой пыли?

— А в шахте? Там было: Ряни — 12, и больше ничего.

Длинные темные ресницы девушки взметнулись вверх:

— Неужели? Насколько помню, я написала обоих... Но, может быть, и забыла, простите.

— Гм... Тогда так, — пробормотал старый Ряни и, натянув фуражку, направился к дверям. Легкая будка затряслась от его шагов.

— Извините за беспокойство, — улыбнулся Индрек. — Недоразумение вышло...

Отец и сын пошли вместе домой. С обеих сторон улицы на шахтерских огородах цвели вперемежку мак и картофель. Скрипел где-то колодезный насос. Ветер почти стих, и поднимавшиеся из труб дымки лениво тянулись к морю. От камней веяло еще дневным жаром, и асфальт прилипал к подошвам. Слышен был стук фабрики масел и грохот опрокидываемых на горке вагонеток.

Прямой широкий тротуар был недавно асфальтирован. Отец и сын шли рядом, отмеряя путь одинаковым, размашистым, несколько ленивым шагом.

— Ты, стало быть, на две своих вагонетки повесил бумажку с моим именем? — спросил отец, искоса взглянув на сына.

— Мы с тобой квиты, отец... На тебя тоже можно составить протокол за точно такое злодеяние, — улыбнулся сын.

Они зашагали молча. Длинные и низкие дома, ставшие сине-серыми от копоти и дыма, остались за спиной. Из-за зеленых сосен выглянули новенькие дома, пахнущие еще смолой и известью.

— А вышло то же самое — у каждого по шестнадцати! — и старый Ряни хлопнул сына по плечу своей огромной ладонью.

— У каждого по шестнадцати, и оба первые!

Бетти Ряни уже стояла на ступеньках и ждала их.

«Чего они так долго? — думала она. — Все остыло. Сами же недовольны будут. А это не они?.. Разве у кого-нибудь еще есть такие долговязые? Чудеса-то какие! Нет, нет, быть того не может!» Бетти всегда гордилась тем, что у нее глаза лучше, чем у кошки. Хоть самого молодого приведи, она увидит дальше и лучше. Она протерла глаза уголком платка. Отец и сын, знаменитейшие на руднике шахтеры, шли с работы, взявшись за руки. Как ребятишки!

Перевел с эстонского **Леон ТООМ**

Нет, не виновен!

(В греческом суде)

Андре **КОРЕАС**

На скамье подсудимых, за загородкой, между двух жандармов, сидит молодой человек, видимо, крайне утомленный, с глазами красными от бессонницы. Он обвиняется в том, что во время восстания застрелил сестру полицейского комиссара.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ИЗ ПУБЛИКИ. Убийца! На виселицу его! Убийца! (Движение в зале.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (раздраженно). Пристав, заставьте ее молчать!

ЖЕНЩИНА ИЗ ПУБЛИКИ. На виселицу его! Повесить! Повесить!

ПИСЕЦ (на ухо председателю). Это жена комиссара.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (меняя тон). Сударыня, трибунал вам вполне сочувствует, однако мы просим вас... (Женщина умолкает.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (обращается к адвокату, представителю гражданского иска). Продолжайте, пожалуйста!

АДВОКАТ (нервный человек маленького роста, с лысиной, вокруг которой тщательно уложены остатки шевелюры. Он так нервничает, что его немногочисленные волосы взъерошились, и это придает ему воинственный, но смешной вид). Итак, свидетель, вы слыхали, что во всей округе обвиняемого считали чудовищем?

СВИДЕТЕЛЬ (полный достоинства пожилой человек, по виду чиновник в отставке). Нет, сударь!

АДВОКАТ (тоном снисходительного и терпеливого школьного учителя). Вы плохо поняли. Я спрашиваю, слыхали ли вы, что обвиняемого прозвали чудовищем?

СВИДЕТЕЛЬ (натянуто). Я понял очень хорошо. И отвечаю: нет!

АДВОКАТ (вне себя). Как это «нет»? Он свирепствовал во главе целой шайки разбойников! Он убивал ни в чем неповинных девушек! Наконец, он ворвался с оружием в руках в ваш собственный дом! Все зовут его чудовищем, а вы ничего не знаете?! Взгляните на него! Это он? Вы-то хоть узнаете его?

СВИДЕТЕЛЬ (поворачивается в сторону подсудимого). Узнаю! Он тогда носил форму, но я его узнаю. Их было несколько. Этот был за старшего. Они вошли ко мне во двор.

АДВОКАТ (категорически утверждающим тоном). И угрожали вам!

СВИДЕТЕЛЬ. Я этого не говорил.

АДВОКАТ (почти визжит). То есть как? Он ворвался к вам с револьвером в руках!

СВИДЕТЕЛЬ. Нет, он держал в руках убитого цыпленка, в которого попала случайная пуля. Цыпленок был наш. Он принес его.

АДВОКАТ (все более раздражаясь). Однако вы не станете отрицать, что, ворвавшись к вам во двор, он и его сообщники пытались вас убить или взять заложником?

СВИДЕТЕЛЬ (тоже раздражаясь). Нет. Он отдал цыпленка и попросил немного гороха для своих людей.

АДВОКАТ. Но вы видели, как была убита эта девушка? Она проходила мимо вашего дома, по противоположной стороне улицы. Вы не могли не видеть!

СВИДЕТЕЛЬ. Да! Только она не проходила, а пробегала: на улице стреляли.

АДВОКАТ (с торжествующим видом оборачивается к присяжным). Ясно? (Свидетелю.) Ну-с, продолжайте! Помните, что вы главный свидетель обвинения! И будьте на высоте своей задачи!

ЗАЩИТНИК (подскакивая). Я протестую против этого подсказывания свидетелю!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (резко). Садитесь, вы не имеете слова! (Движение в зале.)

ГОЛОСА. «Это позор!», «Защита никогда не имеет слова!», «Позор!»

ОДИН ИЗ ПРИСЯЖНЫХ (поднимая руку). Господин председатель!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Говорите.

ПРИСЯЖНЫЙ. Быть может, в девушку попросту попала шальная пуля?

(На него набрасываются другие присяжные. Возгласы: «Да вы коммунист!», «Вы скрытый эамовец!» Жандармы водворяют порядок.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (присяжному). Предупреждаю вас: вы можете задавать вопросы, но не имеете права высказывать мнение.

(Медленной, полной достоинства походкой в зал входит профессор Катзарис. Он направляется к судейскому столу. В публике движение и почтительный шопот.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (наклоняясь к письмоводителю, удивленно). Профессор Катзарис?

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ. Он самый.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Однако!.. Правда, убитая была сестрой комиссара... Но все-таки где же комиссар взял деньги, чтобы пригласить такого знаменитого адвоката? Да и зачем? Ведь приговор все равно ясен!

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ. Да нет же, господин председатель, в том-то и дело...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (резко). Что?.. Уж не собираешься ли ты сказать, что профессор выступает на стороне защиты?

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ. В том-то и дело. Профессор Катзарис защищает.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Так! Ну, а обвиняемый где взял деньги, этот голоштанник?

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ. Профессор защищает его бесплатно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Чорт побери, ничего не понимаю! Что он, сошел с ума?

(Тем временем профессор занимает место за столом защиты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет прокурор.

ПРОКУРОР. Господа присяжные заседатели! Человек, который сидит на скамье подсудимых, — убийца! Вы заслушали показания достойных доверия свидетелей, и картина вам должна быть ясна: он убийца! Он убил молодую девушку, и убил холодно, не дрогнув, убил, наслаждаясь ее мучениями, убил с заранее обдуманным намерением. За что? Вы спрашиваете, за что?! Очень просто! За то, что она была сестрой полицейского комиссара, порядочного человека, который выполнял свой долг во время немецкой оккупации и служил в полиции, господа, чтобы защищать наши жизни и наше достояние от коммунистов. Если вы оправдаете убийцу, вы проложите дорогу революции! Я требую смертной казни!

(Шум в зале. Возгласы протеста. Звонок председателя.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет представитель защиты профессор Катзарис.

ПРОФЕССОР. Господа присяжные заседатели! Осмотр местности и заключение судебно-медицинской экспертизы приводят к тому выводу, что пуля, поразившая убитую, не могла быть послана оружием обвиняемого. Либо ее убил кто-нибудь другой, либо она стала жертвой шальной пули, случайно пробегая по улице во время перестрелки. Господа присяжные заседатели! Сорок лет я состою в рядах адвокатуры. За это время мне не раз выпадало счастье удержать от судебной ошибки таких честных людей, как вы. Я самым тщательным образом изучил все материалы настоящего дела и пришел к глубокому убеждению в полной невиновности обвиняемого, в его абсолютной непричастности к убийству. Именно поэтому и только поэтому я пришел сюда выступить в его защиту. Он невиновен, и я прошу о полном оправдании.

(Одобрительный шопот на скамьях присяжных заседателей и в публике.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет обвиняемый.

ОБВИНЯЕМЫЙ (с трудом поднимается). Я боролся с предателями, а не с женщинами! Я невиновен.

(Сочувственные восклицания в публике. Председатель энергично звонит. Присяжные удаляются на совещание и возвращаются очень скоро. Один из них торжественно зачитывает постановление. Обвиняемый признан невиновным).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Обвиняемый, вы свободны!

(Зал наполняется шумом. С женщинами делается истерика. Председатель звонит. Жандарм стреляет в воздух. Обвиняемый, перегибаясь через загородку, протягивает обе руки профессору, чтобы поблагодарить его. Но в эту минуту жандармы ловко надевают обвиняемому наручники.)

ОБВИНЯЕМЫЙ (потрясен). Это что такое? Ведь я оправдан! Вы разве не слыхали?

ЖАНДАРМ (с деланным добродушием). Верно, голубок, верно! Ты оправдан! Да ведь бог тебя знает, не совершил ли ты каких-нибудь других преступлений?! Ты же сам говоришь, что боролся с предателями! (Резко меняя тон и подталкивая его прикладом.) А ну, марш вперед и чтоб без разговоров! Тоже еще... оправданный!

(Рассказ греческого писателя А. Кореаса опубликован во французском еженедельнике «Леттр Франсэз»)

Перевод с французского **Виктора ФИНКА**

Рисунок Бор. Ефимова

ТАДЖМАГАЛ

Из цикла стихов «Путешественник по Индии»

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

Рисунки О. Верейского

Товарищ мой, читатель дорогой,
Опять поговори с моей строкой.

Индийский край, роскошный и угрюмый,
Опять моей овладевает думой.

Он предо мной встает, кровоточа
Под взмахами заморского бича,

И я не сплю... Мою простую повесть
Мне продолжать приказывает совесть.

☆ ☆ ☆

Я вижу Джамны дымчатый поток.
На берегу реки стоит чертог,

Нет, не чертог,— чудесная гробница,
Что может лишь кудеснику присниться.

Она, как светоч мраморный, зажглась.
Не оторвешь от белой башни глаз,

И долго будешь ты, завороженный,
Стоять, жемчужным светом озаренный.

Жемчужный свет! Он отражен в реке,
И мыслишь ты о влажном двойнике,—

Так внутренний подсказывает голос,—
Что на две половины раскололась

Луна в сиянье сказочной красы.
Нет, мыслишь ты: передо мной весы,

Колеблются их призрачные чаши,
Что взвешивают все поступки наши.

Нет, мыслишь: опустился небосвод,
Чтоб увидал измученный народ

Своей великой ненависти жгучесть,
И, светлую в душе лелея участь,

Он озарить лицо родной страны
Решил двумя осколками луны.

Иль отражает месяц двуединый
Старинной Агры пыльные руины!

Иль правда то, что здесь погребена
Владыки мира юная жена!

Иль умерла давно печаль владыки,
Лишь башня помнит образ луноликий,

И вот роняет в реку жемчуг слез,
Тоскуя о красавице Мумтоз!

Не знаю, не могу я дать ответа,
Но знаю: луч немеркнущего света,

Гробница в окружении лачуг,—
Созданье мудрых человечьих рук.

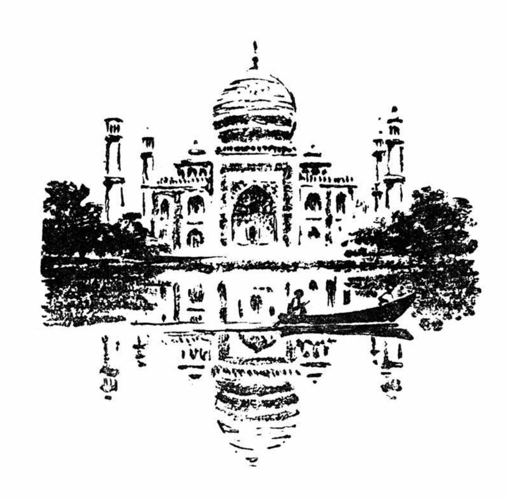

Ее воздвиг, чтоб наслаждались очи,
Народ индусский, вдохновенный зодчий,

И, восхищенный, он ее назвал
Венцом творенья, башней Таджмагал.

☆ ☆ ☆

Теперь, читатель, Джамну мы покинем,
Мы полетим с тобой над морем синим.

Читатель мой, перед тобой Бомбей.
Ты видишь ли непрошенных гостей!

Они пришли, бездушны и лукавы,
Из ненасытной островной державы.

И, хвастая набитым кошельком,
Построили на берегу морском

Гостиницу по собственному вкусу,
И, наглые, плюя в лицо индусу,

(Им, вероятно, раджа помогал),
Они ей дали имя: «Таджмагал»..

☆ ☆ ☆

Здесь грязный дом, здесь торгашей порода
Вершит судьбу индусского народа.

Здесь властвуют законы барыша,
Здесь продается Индии душа.

Пришельцы под нарядной этой кровлей
И днем и ночью заняты торговлей,

На счетах щелкают: приход, расход...
Здесь продается Индии народ.

Струится сок янтарный померанца
По камышинке в глотку чужестранца.

Он Индии величье, славу, честь
Способен лишь по векселю учесть.

...Я помню оживленье в «Таджмагале»:
Звенел фарфор, и скатерти сверкали,

Биржевики приехали на съезд
Из многих западных, восточных мест.

Космополиты, воры, воротилы,
Пропитанные тлением могилы,

Над Индией живой они стоят,
Ей впрыскивая в тело трупный яд.

Здесь грубый янки, подданный доллара,
С повадками убийцы-янычара,

Здесь англичанин — вековечный враг,
Здесь купленная обещаньем благ

Индусов горстка, проклятых отцами,—
Предатели с жестокими сердцами

Индийский край поставили на торг,
И вот у них и Лондон и Нью-Йорк —

Непрошенные гости Индостана,—
Скупают кровь и кости Индостана.

☆ ☆ ☆

Стоит у самой синевы морской
Бомбей, объятый смутой и тоской,

И, бороздя медлительные воды,
Приходят и уходят пароходы,

Те пароходы, право, не его:
Хозяйничают в гавани его

Бесстыжие и чванные пришельцы,
Его добра незваные владельцы,

Его сокровищ и его земли.
Приходят и уходят корабли,

Несет их море к сердцу океана,
Не зная в этой жизни окаянной,

Какую песню петь оно должно:
Быть может, корабли пустить на дно!

Лишь ветер верный путь избрал, как птица,
Что в сторону своих друзей стремится.

☆ ☆ ☆

Здесь ярко светят солнце и луна,
Но мне известна истина одна:

Прекрасен полдень, лучезарна полночь,
Когда кипучей жизнью их наполнишь.

А здесь не жизнь: цветя, гниет побег,
Рождаясь, умирает человек.

Да разве ты поймешь отраду жизни,
Когда ты пасынок в своей отчизне,

Когда не видишь в доме ты плода
От собственного своего труда,

Когда противен вкус воды и хлеба,
Когда ты жалкий раб земли и неба,

Когда заглохшая душа твоя
Не отвечает песне соловья,

Не чует запаха, не видит цвета,
Не ведает ни ласки, ни привета,

Когда нигде ты правды не найдешь,
Когда тебя окутывает ложь,

Когда твой слабый голос и поныне
Подобен вопиющему в пустыне,

Когда не знаешь, где твои права...
И это жизнь живого существа!!

Я, подданный державы справедливой,
Я, благодарный сын семьи счастливой,

Семьи народов полноправный сын,
Советского Союза гражданин,—

Увидел я индийский край в неволе,
И сердце сжалось от щемящей боли.

☆ ☆ ☆

Мечта, скорей садись на самолет,
Хочу скорей увидеть свой народ,

Хочу скорей увидеть мир цветущий,
Где в настоящем брезжит день грядущий.

Дай силу мне, родимая земля,
Сияй, сияй мне, звездный свет Кремля,

И музыкой торжественного гимна,
Москва, встречай меня гостеприимно!

Вот я вхожу в Большой Кремлевский зал.
Избранников народа он собрал.

Они сидят вокруг вождя родного,
И слушают напутственное слово,

И совещается, как с братом брат,
С народным депутатом депутат,

И создает Совет многоплеменный
Труда и благоденствия законы.

Вот говорит собравшимся таджик
О том, чего народ его достиг,—

Республика мужает год от года:
То говорит сама душа народа,

Ее желанья, чаянья ее
Осуществит правительство мое.

* * *

И совещанье видел я в Бомбее.
Что может быть позорнее, грубее,

Чем этот омерзительный базар,
Где Индия превращена в товар!

Я видел, как раскрылись тигров пасти,
Чтоб край бенгальский разорвать на части,

Я видел тех, кем рассечен Пенджаб,
Из-за кого седой Кашмир ослаб...

Казалось, их душе обман неведом:
Тот молится Аллаху, этот — Ведам.

В камзоле тот, а этот в сюртуке,
Монокль висит на шелковом шнурке.

За тот шнурок свою марионетку
Лорд Маунтбеттен дергает нередко.

И на игру глядит индус босой
Глазами, озаренными грозой.

Предателям, довольным сделкой ловкой,
Он гордо отвечает забастовкой:

Так сотни тысяч женщин и мужчин
Остановили рычаги машин.

Бомбей затих, повсюду все застыло,
Сказал индус: «Так вот какая сила

У нас, людей труда, людей борьбы!
Ужели мы бесправные рабы!

Мы у источника, а жаждем влаги.
Все блага в нас — мечтаем мы о благе,

Добро в душе — мечтаем о добре.
Заря над нами — грезим о заре.

Богатство в доме — ищем изобилья...
Пока не станут общими усилья,

Мы повернуть не сможем русла рек,
Не завоюет счастья человек.

«То чрево, что весь мир сожрать решило,
Насытит только черная могила»,—

Так старая пословица гласит:
Враг никогда покорностью не сыт.

А мы, тая давнишнюю обиду,
Перед врагом, таким безгрешным с виду,

Лицом к лицу, покорные, стоим,
Как будто перед зеркалом своим.

Народ, взгляни на зеркало с исподу —
Поймешь: кто затоптал твою свободу!

Гони того, кто враг твой искони,
Гони его, проклятого, гони!

Гони: пусть не зовет себя владыкой,
«Наследником империи великой»!

Пусть враг уходит, пусть приходит друг.
Давно мы ждем пожатья добрых рук.

В честь гостя мы веселый пир устроим,
Мы дастархон своей любви раскроем,

Чтоб новым, дивным светом засверкал
Венец творенья, древний Таджмагал!»

Перевел с таджикского **С. ЛИПКИН**

Самолет над пашней

Мы встретились с Борисом Григорьевичем Жуковым в маленьком домике Ивановского аэропорта. Командир звена авиации специального применения сидел за столом, свежевыбритый, в синем кителе, при всех своих многочисленных орденах, и поминутно снимал телефонную трубку. Звонили из горсовета, из районных центров области, из пригородных колхозов.

— Хорошо, что рано пришли,— сказал нам Жуков,— а то не застали бы. Время весеннее, боевое. И горючее, и удобрения подвози в колхозы, и посадочные площадки проверяй. В общем забот много, а опыта еще мало, дело новое...

Он помолчал, потом кивнул на открытое окно и усмехнулся:

— Но главного мы добились. Уверовали колхозники в мощь наших кораблей.

За окном были видны выстроенные в линейку самолеты «ПО-2». Ему, летчику Жукову, ветерану Отечественной войны, бывалому пикировщику, не внушают особого почтения эти маленькие бипланы.

Но уже следующей фразой Борис Григорьевич опроверг свою собственную усмешку.

— Мал золотник, да дорог. Не велика мощь, а толк в хозяйстве большой,— сказал он, приглашая нас к самолету.

Мы подошли к серебристой машине. Откидывая колпак тесной пассажирской кабины, Жуков продолжал говорить:

— ...И больных возит, и почту, и на полях работает, что твой трактор! Вот скоро увидите.

Самолет легко оторвался, набрал высоту, оставляя внизу дымы большого фабричного города.

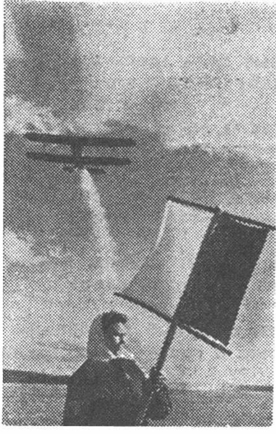
Мы летели на северо-восток, под Кинешму. Вот заголубела слева извилистая лента Волги. Жуков заложил крутой вираж. Снижаясь мы увидели деревеньку и неподалеку от нее стоящие на поле два самолета, такие же точно, как наш, только зеленого цвета. Этими машинами управляли летчики Будылин и Соболев.

Очень напоминал полевой стан трактористов этот маленький, походный аэродром на колхозном поле. Девушки подносили к самолетам туго набитые бумажные кули и, развязав их, опрокидывали над бункерами, позади пилотских кабин. Потом бункера закрывались, летчики начинали рулить, взлетали. Молодая колхозница Дина Степанова стояла в конце зеленеющего озимью поля, держа перед собой на высоком шесте полотняный щит из двух полос — черной и белой. Летчик Иван Григорьевич Будылин ложился на курс, ориентируясь на этот щит. Машина шла бреющим, и мелкий порошок суперфосфата, вылетая из трубы под фюзеляжем, серым шлейфом расстилался в воздухе. Через минуту он ровно оседал на озимь. С каждым новым заходом самолета девушка делала несколько шагов в сторону, продолжая высоко держать щит над головой.

— Красиво держит, точно хоругвь,— задумчиво сказал пожилой крестьянин Евстафий Яковлевич Русов и вдруг широко улыбнулся неожиданному, видно, понравившемуся ему сравнению: — Она-то девка молодая, не помнит... А ведь недавно, еще на моей памяти, ходили наши бабочки да мужички с хоругвями вслед за батюшкой по полям: по темноте своей у господа бога урожая просили...

Увидев Жукова, вылезающего из самолета, Русов почтительно здоровается с ним и, достав из-за пазухи сложенный вчетверо лист, развертывает его на нижней плоскости «ПО-2». Командир авиазвена и председатель колхоза «Дружба». Мухортовского сельсовета, Кинешемского района, подписывают акт об окончании работ по весенней подкормке озимых на полях артели.

— Сработали чисто, без огрехов, премного довольны, товарищ командир,— говорит Русов.

Самолет идет точно по наземному ориентиру.

Загрузка удобрений в самолет.

Фото О. Кнорринга

— Без огрехов, значит,— улыбается Жуков.— Хорошо. Вы, колхозники, хозяева строгие.

Обратившись к нам, он предлагает пройти в конец поля. Здесь на земле разложен метровый квадрат бумаги. Екатерина Александровна Урюлина, практикантка из Ивановского сельскохозяйственного института, внимательно смотрит, сколь равномерно покрывает бумагу измельченное в порошок удобрение. Для точности проверки бумагу поднимают и, бережно отнеся в сторону, ссыпают порошок на весы.

— А без проверки нельзя,— говорит Русов Жукову,— рублем платим вам, товарищ командир.

— Что, неужто дорого?

— Да нет, одиннадцать целковых с га — по нашим колхозным достаткам цена сходная... Урожаем окупится.

И Евстафий Яковлевич рассказывает про известный в районе Чигановский колхоз имени XVII партсъезда, где председателем Василий Федорович Смирнов недавно ставший Героем Социалистического Труда:

— Урожай у чигановских и вправду геройский — 22 центнера с гектара... Прошлый год 80 га с самолетов удобрили, нынче — 150... Понравилось.

Летчики тем временем приземляются, заруливают машины к опушке леса, вылезают из кабин. Вместе мы идем в правление колхоза «Луч социализма», на чьих полях, соседних с полями артели «Дружба», также закончилась сегодня подкормка озимых с воздуха. По дороге летчиков останавливает немолодая женщина, запыхавшаяся от быстрой ходьбы. Она только что переправилась на лодке через Волгу с поручением от своей артели — заключить договор.

В правленческой избе, сняв комбинезоны, пилоты и механики пьют молоко. Речь заходит об особенностях летной работы в деревне. Будылин и Соболев, оба в прошлом фронтовики, повидавшие виды на своем веку, рассказывают, как трудно и сложно водить самолеты на бреющем строго по прямой, когда рядом с полем лесок и, не дай бог, еще дует боковой ветер; пожалуй, в войну на штурмовиках техника пилотирования была проще, чем теперь, на этих воздушных «сельхозмашинах». Трудно, слов нет. Трудно, но интересно.

Деревенские ребятишки гурьбой провожают нас на старт. Одна за другой взлетают с колхозного поля зеленые машины Соболева и Будылина и наша серебристая.

Думая о том, как прочно вошел самолет в хозяйственную жизнь колхозной деревни, я вспоминал недавнюю беседу с начальником авиации специального применения Аэрофлота Иваном Владимировичем Сазоновым.

— В нашей стране — сказал он,— самолеты, вооруженные специальной аппаратурой, уничтожают саранчу, очищают от вредителей свекловичные поля на Украине, посевы хлопчатника в Средней Азии, сады в Крыму, Молдавии, Закавказье. По размерам посевных площадей, подвергающихся ныне воздушно-химической обработке, довоенный уровень превзойден в несколько раз.

Сразу же после окончания войны начал развиваться новый вид применения авиации в сельском хозяйстве — воздушная подкормка посевов. Ею охвачены сейчас сотни тысяч гектаров. Озимая рожь и пшеница в центральных областях РСФСР и на Украине, рисовые плантации в Краснодарском крае, посевы льна в Калининской области и Белоруссии удобряются с помощью самолетов во много раз быстрее и лучше, нежели вручную. По статистике Министерства сельского хозяйства СССР, уже в прошлом, 1948 году воздушная подкормка посевов удобрениями позволила в целом по стране повысить урожай на многие сотни тысяч пудов хлеба.

С. МОРОЗОВ

Раскопки Кармир-Блура

С. МАРР

Выдающийся советский ученый академик Н. Я. Марр говорил, что каждая пядь земли в Армении и Грузии содержит следы древней культуры. Он считал Кавказ настоящим этнографическим музеем, равного которому нет в мире, заповедником, «дающим материал для бесконечно разнообразных вопросов по археологии и истории искусства».

В те годы, когда Н. Я. Марр только начинал раскопки в Армении, покров таинственности лежал на ее холмах. Сколько проблем вставало перед ученым: проследить зарождение древней культуры, ее развитие, высший расцвет, понять причины ее падения. Где находились города далекой старины, слава о которых жива и поныне? Что было причиной их гибели?

Немало лет прошло с тех пор, как здесь работал Н. Я. Марр. Сейчас дружно трудятся его ученики и последователи, и уже разрешены многие загадки. Раскапывается Двин — великий город средневековья, «охваченный кольцом виноградников и пашен», который торговал со всем культурным миром того времени.

Под самым Ереваном ведутся раскопки Кармир-Блура, где побывал автор этих строк.

Рано утром мы садимся в грузовик и едем на Кармир-Блур, что значит «красный холм», названный так, вероятно, за его красноватый цвет.

Привольно раскинулся Ереван. Мы мчимся по широким асфальтированным улицам, быстро мелькают новые красивые здания, иногда настоящие дворцы, старые домики с садами, кое-где вьются узкие улочки. Старое отживает, новое растет с буйной силой.

Город остался позади. Над нами голубой купол неба, кругом зеленые холмы и луга, и среди них белеют домики с плоскими крышами. Свежий ветерок бьет в лицо. Горы далеко на горизонте, они причудливо проступают сквозь дымку тумана. А над ними, наподобие сияющего облака, снежная вершина Арарата.

Подъезжаем к небольшой рощице у подножья холма, где журчит ручей. Перед нами раскопанный холм, по краям его груды желто-розового песка; в стороне виднеются прямые, глубокие траншеи.

Мы встретились с руководителем работ — высоким, голубоглазым молодым человеком Б. Б. Пиотровским — автором книги «История и культура Урарту», удостоенной Сталинской премии. Пиотровский — «душа» раскопок. Он ведет нас в рощу, приносит чертежи, планы и фотографии и начинает рассказывать историю Кармир-Блура.

Это одна из многих крепостей, сооруженных в Закавказье за 8—9 веков до нашей эры могущественным древним народом урартов, населявшим Армянское нагорье. В Закавказье сохранились многочисленные следы жизни урартов: клинообразные надписи на скалах и обломках камней, громадные каменные кубы, которые служили фундаментами для дворцов прекрасной архитектуры. Найденные предметы говорят о замечательном мастерстве в обработке камня и металла.

Слушая повествование археолога, по-новому окидываешь взором рощицу, песчаную землю, выветрившиеся камни. Как бы оживает раскопанный холм, на месте которого в седую старину жили, трудились и созидали люди... Текущая неподалеку зелено-голубая веселая Занга питала богатую, населенную страну.

В 1936 году геолог А. П. Демехин обнаружил на территории древней крепости, стены которой спускались к реке Занге, обломок серого камня, испещренный линиями и треугольниками. Это была знаменательная находка. Немногие строки клинописи открыли известное уже по другим источникам имя урартского царя Русы II, сына Аргишти, жившего в середине VII века до нашей эры.

Десять лет назад на этом месте начались раскопки, предпринятые совместно ленинградским Эрмитажем и Армянским филиалом Академии наук СССР. С самого начала обнаружилось, что холм покрыл колоссальное здание дворца-крепости. Случилось это так. В первый день раскопок хлынул проливной дождь. На другое утро заметили, что поверхность холма высыхала неравномерно; объяснялось это тем, что стены древнего здания, сложенные из сырцового кирпича, дольше задерживали влагу, чем естественный грунт.

Был затем выяснен общий план цитадели; она была обнесена стеной с многочисленными выступами. О массивности стены говорят серые, хорошо тесаные камни, в изобилии валяющиеся на склонах холма. С запада к холму примыкало обширное древнее поселение. Здесь открыты каменные фундаменты построек, найдено большое количество древней посуды, черепков.

Война прервала раскопки. В 1945 году они возобновились. Через год, летом, производились аэрофотосъемки местности. Они показали, что тут существовал большой город, площадью около 40 гектаров. Снимки ясно обнаружили его четкую планировку: ровные линии улиц и правильные прямоугольники кварталов.

Украшение на шлеме урартского царя.
Вверху: бронзовая статуэтка бога войны Тейшебы.

Повидимому, это был административный пункт, куда свозилась полученная дань и где обрабатывались сельскохозяйственные продукты перед их отправкой в столицу Урарту, находившуюся около озера Ван.

В одном из помещений археологи нашли часть большого древнего запора (накидную петлю). Покрытый слоем песка и ржавчины, он содержал дату существования города и его название.

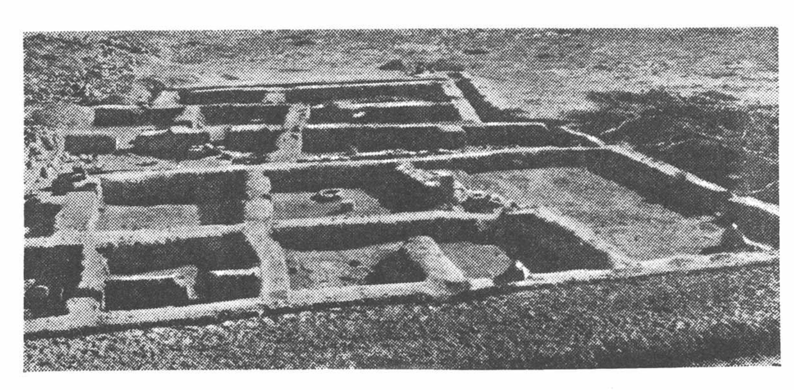
Сложна очистка предметов из бронзы, меди и их сплавов. Трудности удалось преодолеть, надпись вышла неповрежденной. Она гласила: «Русы, сына Аргишти эта крепость (буквально «дом оружия») города Тейшебаини».

фундаменты небольших домиков. Внутри такого жилища обычно находился очаг, около которого стояли зернотерки, каменные чаши с пестиками и сосуды с зерном. В найденных сосудах обнаружено обугленное от пожара зерно. Анализ его позволил определить, какими злаками питались урарты.

Это было прежде всего просо, затем ячмень, а также мягкая пшеница. Выяснено, что в те времена посев был смешанным: ячмень выращивали вместе с бобовыми — нутом и чечевицей. Удалось установить, что урарты варили пиво из проса, которое намачивали в сосудах удлиненной формы, а затем подсушивали для приготовления солода.

Изучение остатков обгорелой грубой ткани показало, что она изготовлялась из льна. Возможно, что здесь выращивали это растение.

Многие источники говорят, что

Раскопки урартского города, сфотографированные с самолета.

Раскопано погребенное под землей здание площадью примерно в две тысячи квадратных метров. Оно было сложено внизу из огромных каменных плит, а выше — из сырцового кирпича с примесью рубленой соломы.

Установлено, что здание состояло приблизительно из 150 комнат. Пока раскопано 25 комнат.

Б. Б. Пиотровский дает нам наглядный урок археологии, и перед нашим мысленным взором по как будто незначительным обломкам восстанавливается история урартов — их материальная культура, социальные отношения, культовые установления почти трехтысячелетней давности.

Расчищенные комнаты очень высоки, прямоугольны, с гладкими стенами из ровных сырцовых кирпичей, покрытых толстым слоем глины.

Здесь найдены различного рода предметы: кувшины с ручками из крашеной глины — образцы керамики из Ванской области; сердоликовые и агатовые бусы, печатки, амулеты. Очень интересна бронзовая подвеска в виде полумесяца с пятистрочной клинообразной надписью; на концах подвески — два символических знака: полумесяц и звезда.

В руки исследователей попала бронзовая статуэтка — чудесный образец урартского искусства: фигура в длинном платье с булавой и топором в руках. Предполагают, что это изображение Тейшебы — бога войны и непогоды. Его имя упоминается в древних урартских надписях наряду с именами богов Халда и Арда.

Привлекает внимание также бронзовый декоративный щит с надписью. Он посвящен богу Халду урартским царем Аргишти. Такие щиты чаще всего развешивались на наружных стенах дворца.

Найдены изображения, по которым можно познакомиться с военной техникой урартов. Из вещей этого рода замечательны шлем с изображением древа жизни и охраняющими его змеями, кинжал и короткий меч.

Бронзовый гвоздь «зигатти» с головкой, покрытой орнаментом, помог получить представление о том, как украшались комнаты во дворце. Такие же гвозди найдены были Н. Я. Марром на Топрах-кале у Вана. Ими прикреплялась к стенам драпировка — ковры, цветные ткани.

Помимо предметов, показывающих степень культуры народа, ее создавшего, ремесленные навыки, связи с другими народами, внимание археолога привлекает также и многое другое.

У стен города уцелели каменные

древние города Урарту были окружены садами и пашнями. Это подтверждает и Б. Б. Пиотровский, который обнаружил обгорелые лозы и косточки винограда, а также арбузные семечки, засушенные жаром пожарища. Находки служат доказательством, что урарты возделывали эти культуры. Искусственное орошение в те времена достигало, очевидно, высокого развития. Река Занга и сейчас имеет несколько древних каналов.

Ясно, что здесь когда-то била ключом жизнь; в центре города высился гордый дворец — крепость с зубчатыми башнями; наружные стены дворца были украшены щитами, комнаты — коврами и тканями. Крепость окружало поселение с кварталами ровных улиц. Здесь существовало развитое ремесленное производство.

Обломки табличек с клинописными надписями указывают, что в крепости-дворце находился архив клинописных документов. Предметы роскоши: например, золотые серьги тонкой работы, египетские изделия, фигурка богини Сомхет, печатки из камня и фаянса — говорят о торговых связях Урарту со Средиземноморьем, Египтом, Месопотамией. Остатки запасов зерна разных сортов, хранившихся в громадных кувшинах, чаны для пива и вина, каменные давилки с желобами для изготовления кунжутного масла — неоспоримые свидетельства широкого размаха хозяйственной деятельности.

Что же случилось с крепостью и городом?

Исторические документы говорят о том, что в гибели некоторых государств Передней Азии повинны киммеры, проникшие на Кавказ с севера, и скифы, явившиеся с востока. Их добычей стали многие урартские города и поселения, в том числе и Тейшебаини.

Ученые-археологи воссоздали картину гибели этого города.

Темной ночью на крепость налетели вражеские полчища. Повидимому, они ворвались в цитадель через северо-западные ворота, а затем смяли и уничтожили небольшой гарнизон. Во время нападения дворец был подожжен.

Об этой драме повествует обнаруженное в каменной кладке дворца, в остатках кирпичей, множество бронзовых наконечников стрел так называемого «скифского типа». Они отличаются от плоских железных наконечников с длинным стержнем, которыми пользовались урарты.

Так шаг за шагом советские археологи по материальным остаткам восстанавливают картину далекого прошлого народов нашей страны.

г. Ереван

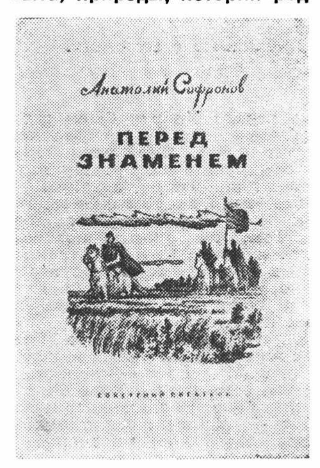
Школа испытания поэта

Анатолия Софронова советский читатель знает теперь, быть может, больше как драматурга, чем как поэта. А между тем его поэтический труд заслуживает большого внимания. Этот труд — от опытов 1937 года до стихов 1947 года — представлен в книге стихотворений «Перед знаменем».

Десять лет — срок в нашу советскую эпоху вообще немалый. Названные же годы заполнены событиями всемирноисторического значения. И главное из них — победоносная Отечественная война, которая была, по известному определению товарища Сталина, «великой школой испытания и проверки всех сил народа». Значит, и литературных его сил.

Когда хочешь понять и тем более оценить работу советского литератора за указанное десятилетие, ставишь вопрос: как прошел он эту школу испытания и проверки? С такой мерой оценки подойдем и к творчеству Анатолия Софронова.

Его первые стихи — поэтические зарисовки трудового быта, природы, истории род-

ной донской стороны. Как первые произведения, они свидетельствуют о таланте. В описаниях природы есть изобразительная сила, есть свежесть и непосредственность видения мира, есть сочетание точности с образностью.

Тема труда в ранних стихах разработана еще не глубоко, но примечательно самое стремление показать скрытую в «прозаических» профессиях бахчевника, табунщика, бочара поэзию труда. В первых стихах Анатолия Софронова живет и память о гражданской войне.

Отечественной войне с первого ее дня была отдана вся работа поэта. Среди стихотворений, написанных им в те годы, нет таких, которые в той или иной форме не отражали бы великой борьбы и не отвечали бы ее требованиям.

Каждая строка этих военных стихов продиктована, проникнута беззаветной, преданной, действенной любовью к Родине. Софронов показывает богатство проявления могучей силы советского патриотизма в стихах о партизанах, о суровом героизме, какого требует фронт, о славной боевой дружбе солдат или о трудовых подвигах советских женщин.

Как образ любимого человека представляешь всегда прекрасным, так, стремясь создать образ Родины, советские поэты рисовали прекрасное «лицо земли». И сама природа в поэзии военных лет — не равнодушная к врагу природа. Вместе с советскими людьми она ненавидит, страдает, любит и борется. То же и у Софронова. В стихах его воспета земля, за которую боролся народ, которая стала его достоянием, и красота родной природы лишь оттеняет у поэта эту наиважнейшую социальную сущность:

> «О ней ты бредил по ночам,
> Страданий не тая.
> Она — начало всех начал,
> Земля, земля твоя...»

Хороши у Софронова маленькие реалистические рассказы в стихах, содержание которых — драматические эпизоды войны: «Сказ про Доватора», «Ночь на Кубани», «Сказ про Бандуру». Также хороши поэтические зарисовки советских воинов — живые, выразительные портреты людей армейской массы, простых и скромно бесстрашных. В этих зарисовках есть знание народа, и украшены они метким словом, ласковой шуткой, народным юмором.

Достигнуть поэтичности в реалистическом изображении прозы жизни — дело, требующее большого таланта. Поэтому и важно отметить эту линию в творчестве Анатолия Софронова, тем более что она связана с одной привлекательной особенностью его лирических стихов. Часто это «негромкие» стихи, но в них какая-нибудь одна, казалось бы, неприметная с первого взгляда черта полностью раскрывает душу людей и явлений.

Стихи, написанные Софроновым в последние два года войны, сопутствуя наступлению и победам Советской Армии, проникнуты пафосом созидания. Таковы «Вишня», «Ручей», «Зола», «На кирпичном заводе», «На старом виноградники» и другие. В них поэт показал, что в трудовых подвигах народа живет героизм его воинов.

Отечественная война дала драгоценный опыт, который берет с собою народ в дальнюю дорогу жизни. Эта верная, глубокая мысль выражена в одном из лучших стихотворений сборника «Перед знаменем»:

> «Постою перед ним,
> опущусь на колени,
> И в молчаньи припомню
> былые пути,
> По которым пришлось
> четырем поколеньям
> От Москвы до Берлина
> пройти...»

Последнее по времени большое произведение Анатолия Софронова—«Слово Сталина». Создавая его, поэт пошел по пути, едва ли не самому трудному: он попытался дать образное выражение идей великих сталинских трудов. Нельзя не приветствовать этот замысел, столь характерный для нашей поэзии.

Главы поэмы посвящены строительству большевистской партии, сталинской национальной политике, его бессмертной Конституции. Многие строфы — ясные, доходчивые, образные — хорошо доносят смысл сталинских идей. Есть строфы, в которых риторика не соответствует чудесной простоте мудрого сталинского слова. Но что наиболее глубоко и сильно выразил автор и о чем сказал языком поэзии,— о значении трудов Вождя для жизни и судеб советского человека:

> «Ты подымешь крыло
> переплета —
> И тогда на любой из
> страниц
> Ты увидишь сиянье
> зарниц:
> Это — знамя тебе для
> работы,
> Это — карта тебе для
> дороги,
> Это — крылья тебе для
> полета
> И простор для мечты без
> границ!
> Так в дорогу, товарищ,
> смелее,
> Впереди не один переход,
> Пятилетка на стройки
> зовет.
> Знамя славы над нами
> алеет.
> Открывает народам
> Отчизна
> Путь широкий в сады
> Коммунизма.
> Слово Сталина к счастью
> ведет!»

Есть в работе Софронова-поэта и неудачи и недостатки. В самой книжке стихов не все одинаково зрело. Есть несколько ранних вещей, которые не следовало бы в ней помещать. Но при самом строгом учете этих недостатков читатель имеет все основания сказать, что школу испытания, какою была Великая Отечественная война, поэт прошел с честью.

М. ЮНОВИЧ

Анатолий Софронов «Перед знаменем». «Советский писатель». 1948.

Во имя высокой цели

«Заря» — это не просто название колхоза в повести Юрия Лаптева. Нет, здесь это слово наполнено более широким и глубоким смыслом. О заре коммунизма, восходящей в нашей стране,— вот о чем говорит повесть.

Время действия — 1947 год. Место — тамбовский колхоз. Год избран трудный, и колхозу действительно нелегко. Остро сказываются еще последствия войны и прошлогодней жестокой засухи. Но, воодушевленные словом партии, ее поддержкой, колхозники отлично справляются с весенним севом. Они не только возделали старые поля, но и подняли целину на поскотине. Так же спорится у них дело и со строительством гидростанции. Мы видим, что все это есть результат патриотизма колхозников, плод их самоотверженного труда.

Писатель создал яркие, запоминающиеся образы новых людей советской деревни. Как живые, проходят перед нами бригадиры Кореннова и Брежнев, звеньевая и комсомольский секретарь Дуся Самсонова и другие герои. У каждого из них есть свои человеческие недостатки. Не всегда правильно поступает Кореннова, скуповато делится своим опытом Брежнев. Но писатель показывает борьбу советских людей с этими следами прошлого. В центре внимания автора стоит главное, что объединяет всех этих людей,— коллективный творческий труд, глубокая забота о процветании колхоза и об укреплении мощи государства.

Порыв передовых людей поднимает отстающих. И в свете этого общего порыва особенно никчемным выглядит такой человек, как Иван Шаталов, с его маленькой душонкой, с его мелочным самолюбием и брюзгливой «оппозицией» к руководителям колхоза. Он остается битым жизнью и делами своих односельчан.

Хорошо показывает Ю. Лаптев труд колхозников, как организованное, направляемое верной рукой партии социалистическое творчество. Повесть ценна именно тем, что убедительно раскрывает вдохновляющую и направляющую роль партии.

Ярко изображен секретарь райкома Наталья Захаровна Васильева. Появляется Васильева на страницах повести сравнительно редко. И тем не менее нам отлично запоминается этот очень человечный, обаятельный образ проницательно умного и чуткого,

крепко связанного с массами партийного руководителя.

Однако наиболее удался писателю показ парторга колхоза Ивана Торопчина.

Торопчин — яркий пример поразительного роста советских людей. Перед войной он большими достоинствами не отличался. «Из комсомольцев вырос, а в партию не дорос»,— говорила о нем Васильева. А вернулся он с фронта другим человеком,— возмужавшим бойцом, идейно зрелым большевиком. Теперь ему можно было доверить самое ответственное партийное дело—политическое воспитание колхозников.

Главное в Торопчине — уменье каждое конкретное дело связывать с общегосударственными задачами. Ко всему он подходит большевистски принципиально, с точки зрения великой цели партии.

Накануне весны в колхозе проходит партийное собрание. Председатель говорит о трудностях весеннего сева. Эти трудности заслонили перед ним все. Но парторг видит лучше его и смотрит дальше. Он требует самого широкого размаха в деятельности колхоза. На это он и ориентирует людей.

«Так разве же, имея за плечами такую великую силу, как вся партия, мы только о весеннем севе должны беспокоиться? А гидростанция? А новые скотные дворы? А сортовой участок? А весь наш пятилетний план? Что же ты, Андрей Никонович, за руководитель, если собираешься через реку плыть, а ручья боишься? Давайте вспомним, о чем в самую разруху в девятнадцатом году Владимир Ильич думал. Какие цели Иосиф Виссарионович перед народом ставил, когда фашист погаными руками к самому нашему горлу подбирался? Мудрость вождей наших, товарищи, в том, что сквозь самые черные тучи они солнце видят. Потому и с пути никогда не сбивались и не собьются».

Торопчин весь погружен в конкретные, сегодняшние дела колхоза. Он сам показывает пример, как надо трудиться. Но при этом взгляд его все время устремлен в будущее. Он думает и других учит думать о коммунизме. Он разжигает у людей стремление скорее достичь этого коммунистического завтра.

И высокая большевистская правда, которую несет Торопчин, глубоко проникает в сознание колхозников. Прекрасное свидетельство тому — суждение массы о конфликте, возникшем между парторгом и председателем колхоза Бубенцовым.

Бубенцов — хороший хозяйственник-командир, у него крепкая хватка, он властно внедряет дисциплину в колхозе. Но он командир с ограниченным пониманием своей роли. Он именно только командует, отрицая воспитание и признавая лишь приказ. Отсюда его ячество, стремление решать все самому. «Я обещал», «Я закончу сев», «Я дам свет» — вот любимые его выражения. А Торопчин хочет, чтобы Бубенцов действовал согласно воле коллектива и вместе с коллективом. «Колхоз ведь не телега,— куда захотел председатель, туда и покатил».

Бубенцов живет интересами колхоза, трудясь самозабвенно. Но и эти интересы он понимает ограниченно. Он заботится только о своем колхозе, не хочет помогать другим, не беспокоится об общем положении в районе. Пусть каждый справляется, как умеет. «Я никому жить не мешаю» — вот его мораль. Его бесит, когда парторг убеждает правление помочь соседнему колхозу. «На политику не сворачивай!» — раздраженно кричит Бубенцов. «Не на политику я сворачиваю,— отвечает Торопчин,— а с политики, с широкой партийной дороги никогда не сойду... И никому свернуть не позволю».

Вот в этой борьбе за правильный, партийный путь, освещенный широкой коммунистической перспективой, против сворачивания на узкий проселок и заключается смысл столкновений Торопчина и Бубенцова.

Конфликт разрешается на открытом партийном собрании, на которое пришли все колхозники. Если раньше Бубенцов воспринимал железную логику аргументов парторга как его личное превосходство в искусстве полемики, то теперь в выступлениях колхозников ему открылось другое. Он увидел, что за Торопчиным большая, партийная, народная правда. В тяжком раздумье Бубенцов говорит собранию:

«Вот Торопчину Ивану Григорьевичу объясняться не надо. Все его мысли люди выразили. Значит, то, что он в народе посеял, крепкий росток дало».

Бубенцов настолько потрясен сознанием своей ошибки, что отказывается от должности председателя. Но и тут он ошибся. Советский коллектив не отворачивается от честного работника, признающего свои ошибки, а дает ему возможность исправить их на деле. Колхозники единогласно решают оставить Бубенцова председателем.

Так писатель увидел жизненное противоречие в реальной действительности и отразил его в ярких художественных образах. Так убедительно показал он победу передового, подлинно партийного сознания.

Жаль, что не все в повести сделано в полную меру возможностей автора. Хотелось бы видеть более глубокое изображение Шаталова. Двойственное и в общем бледное впечатление остается от образа жены Бубенцова Маши Аникеевой. Следовало бы больше мотивировать правильность шага колхозников, вновь избравших Бубенцова председателем. Не всегда тщательно отделан язык повести.

Доработка этих частностей сделала бы произведение Ю. Лаптева еще более значительным и ярким.

Н. ЛЕСЮЧЕВСКИЙ

Ю. Лаптев «Заря». Повесть. Издательство «Московский рабочий». 1948.

„Вновь я посетил“...

А. Лактионов. «Вновь я посетил...»

В весенний разлив два небольших озера и речка Сороть сходятся вместе в единую водяную ширь. На пригретой солнцем воде суетятся дикие утки. В эту пору в Михайловском парке царит прозрачная гулкая тишина, нарушаемая лишь птичьим гомоном. Вместе с ленивым всплеском воды он доносится на крутой прибрежный холм в Дом-музей Пушкина, где в просторной комнате, приспособленной под мастерскую, художник А. Лактионов заканчивает свою картину, посвященную Пушкину.

Скоро год, как известный живописец поселился в Михайловском. Каждый день в восемь часов утра он появляется в мастерской и покидает ее только с наступлением густых сумерек. На том же месте, где творил Пушкин, создается выдающееся произведение изобразительного искусства, достойное памяти великого поэта.

Здесь, в заповеднике, где каждое дерево, каждый пригорок и ручей напоминают о поэте, хотел художник работать над воссозданием его бессмертного образа. Лактионов долго искал решения своей будущей картины. Он бродил по Михайловскому, Тригорскому, Петровскому. Его окружала русская природа, тихая, спокойная, величавая, с ее непреходящей, вечной красотой. Воспетая поэтом, она стала неотделимой частицей творческой жизни Пушкина.

Поняв это, Лактионов решил написать Александра Сергеевича Пушкина на родном поэту просторе. Так определилась тема картины — великий певец русской земли, ее сын и гражданин.

Временем действия картины Лактионов избрал осень 1835 года, когда поэт приезжал в Михайловское «отдохнуть от горя» и поработать. Однако петербургская хандра продолжала и здесь одолевать Пушкина. И в Михайловском его не покидало беспокойство. Он писал отсюда жене:

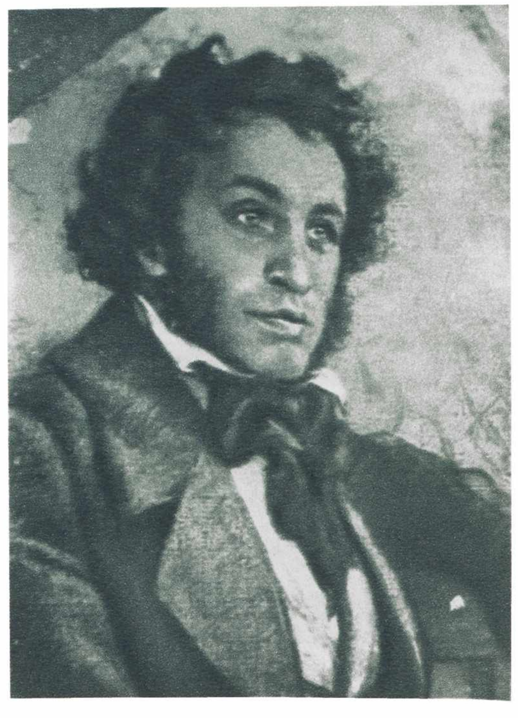
«Вот уже неделя, как я тебя оставил, а толку в том не вижу. Писать не начинал и не знаю, когда начну».

«Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки, а все потому, что неспокоен».

Пушкин много бродил по любимым местам: «Что у нас за погода! Вот уж три дня, как я только что гуляю... Эдак я и осень мою прогуляю».

В первом наброске к своей картине Лактионов изобразил Пушкина прогуливающимся в окрестностях Михайловского. Но это решение, как и последующее (Пушкин, лежащий у берез), не удовлетворило живописца. Он продолжал настойчиво изучать исторические материалы в библиотеке заповедника и внимательно приглядываться ко всем уголкам этой обетованной земли.

Художник знал, что осенью тридцать пятого года Пушкин бывал в соседнем имении Тригорском, где жили его старые друзья Осиповы-Вульф. Поэт направлялся к ним по изрытой дождем дороге, вдоль озера и проходил

Фрагмент картины А. Лактионова.

мимо шумевших на ветру трех горделивых сосен. Лактионов повторил путь поэта. Дорога «через длинный ряд холмов» привела его в Тригорское, и здесь он остановился на небольшой песчаной площадке над обрывом к Сороти. Отсюда «много глаз... устремлялось на дорогу в Михайловское, видную с этого пункта, и много сердец билось трепетно, когда по ней, огибая извивы Сороти, показывался Пушкин» (П. Анненков). Здесь, словно под тяжестью лет, склонился к земле могучий дуб. А под его стволом приютилась белая скамья, издавна называемая «скамьей Онегина». Возле нее, гласит предание, состоялось свидание пушкинского героя с Татьяной.

26 сентября 1835 года Пушкин написал стихотворение «Вновь я посетил...». В нем он описывал дорогу в Тригорское. Может быть, и в этот день сидел он на своей любимой скамье?

Так возник у Лактионова замысел картины, которую он назвал: «Вновь я посетил...»

...Задумчивый и грустный, сидит на «скамье Онегина» Александр Сергеевич Пушкин. Он утомлен, и глаза его смотрят печально. Кажется, в эти минуты рождаются в нем поэтические строки об окружающей его природе. Он будто прощается с дорогим Тригорским.

Настроению Пушкина вторит тихий осенний день. Медленно падают красноватые листья. Покойно катит холодные воды Сороть. По ту ее сторону полегла у берега оранжевая осока, расстелены ряды льна, на золотистых нивах — душистые снопы. Бесконечны тронутые синевой дали, редкой и поразительной глубины. Они сливаются с пасмурным небом, затянутым легкими облаками.

За старым дубом вытянулась замшелая липа, а позади ее — «в багрец и золото одетые леса».

Пейзаж полон чуть влажного осеннего воздуха. Он задушевно лиричен, и вместе с тем в нем есть эпическая торжественность. И это роднит его с пушкинскими описаниями природы.

По глубине созданного образа, неразрывно связанного с пейзажем, произведение Лактионова превосходит многие картины, посвящавшиеся Пушкину. Работа художника — высокое достижение советского искусства.

Картина Лактионова «Вновь я посетил...» вызывает благоговейное чувство нежданно-радостной встречи с любимым поэтом.

Силою своего дарования художник вызвал к жизни великий образ, и зрителю невольно хочется сказать: «Здравствуй, Пушкин!»

Э. БРАГИНСКИЙ

Художник А. Лактионов в селе Михайловском за работой.
Фото Ю. Говорова

Сцена из 1-го акта оперы Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» в Одесском театре оперы и балета. За пяльцами — Милитриса (народная артистка УССР И. Воликовская).
Фото Г. Зельма

Сказка о царе Салтане

Спектакль Одесского академического театра оперы и балета

Зрительный зал погружается в темноту. Звучит призывный сигнал, поднимается занавес — и мы попадаем в тридевятое царство, в тридесятое государство, прямо во владения царя Салтана.

Повелитель сказочного царства — славный царь Салтан — вихрем врывается в тихую, размеренную жизнь трех сестер — обитательниц маленькой, тесной избушки — и все поворачивает по-своему.

— Снаряжайся во дворец — и сейчас же под венец! — приказывает он младшей из сестер, красавице Милитрисе, он цепляет на конец своего царского посоха ее маленький красный узелок, берет Милитрису под руку и уходит вместе с нею из светлицы, суровый и стремительный...

Дружными аплодисментами провожают зрители заслуженного артиста УССР С. Ильина, исполнителя партии царя Салтана в спектакле Одесского государственного академического театра оперы и балета.

Постановку оперы Римского - Корсакова «Сказка о царе Салтане» театр приурочил к 150-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина.

С подлинным увлечением работал творческий коллектив над сценическим воплощением этого замечательного произведения русской оперной классики.

«...Пушкин,— писал А. М. Горький,— был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу, не искажая в угоду государственной идее «народности» и лицемерным тенденциям придворных поэтов. Он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменными смысл и силу».

Возьмите сказку «О попе и работнике Балде», «О золотом петушке», «О царе Салтане» и т. д. Во всех этих сказках — насмешливое, отрицательное отношение народа к попам и царям Пушкин не скрыл, не затушевал, а, напротив, оттенил еще более резко».

Постановщик спектакля Я. Милешко подчеркнул сатирический характер сцен, показывающих мир царя Салтана. Несколькими скупыми штрихами, умело используя прием контраста, режиссер дает яркую картину нравов и порядков царства Салтана.

На первый взгляд, все здесь очень величественно, внушительно. На берегу моря высится затейливый узорчатый дворец. Большая пушка стоит у его входа, многочисленная стража охраняет царский двор.

Но если вы всмотритесь пристальнее, то увидите, что от крепкого дубового частокола, окружавшего некогда палаты, осталось всего лишь несколько бревен, а «грозная» царская стража погружена в глубокий сон.

И сам Салтан, внешне гневный и шумливый, в действительности беспомощный и безвольный.

Сном и скукой веет в царстве Салтана. Кажется, что все живое давно исчезло из пределов этой земли. Зато мелкие людишки чувствуют себя здесь поистине великолепно. Счастливы, довольны и завистливые сестры Милитрисы — Ткачиха и Повариха (артистки М. Лозинская и М. Топчая) и злобная Бабариха (заслуженная артистка УССР В. Попова).

Образ Бабарихи — несомненная удача и режиссера и исполнительницы. Вопреки традиционной трактовке, В. Попова изображает не старую, мрачную колдунью, а обыкновенную, чуть-чуть сварливую старуху. Но вот Бабариха, попав во дворец, приобретает все большее влияние на Салтана, и облик её резко меняется. Мастерски рисует актриса это перевоплощение своей героини. В. Попова создает яркий, резко сатирический образ.

Однако, увлекшись изображением царя Салтана и его окружения, режиссер прошел мимо второй, очень существенной сюжетной линии оперы.

Миру царя Салтана и злобной Бабарихи Римский-Корсаков противопоставляет другой мир — Гвидона, Милитрисы и царевны-Лебедь, — мир добра и красоты.

Несмотря на свой сказочный орнамент, этот мир вполне реален, ибо в основу его изображения положена глубоко реалистическая тема о предприимчивости, пытливости, творческой энергии и силе человека. Человек властно вмешивается в жизнь природы, делает ее еще прекраснее, еще радостнее. Гвидон разрушает злые чары, тяготеющие над царевной-Лебедь. Центрально-поэтическим моментом, магнитом, притягивающим к себе, и музыкально-драматургическим зерном оперы назвал академик Б. В. Асафьев эту первую встречу Лебеди и Гвидона.

Лебедь вызывает к жизни сказочный город Леденец. Но Гвидон делает большее. Он царевну-Лебедь превращает в человека. Под воздействием любви к Гвидону царевна-Лебедь преображается, в ее голосе появляются теплые человеческие интонации, холодная «инструментальность» первой ее арии сменяется мелодиями песенного склада.

Постановщик спектакля Я. Милешко не развил этой гуманистической, глубоко волнующей темы.

И Гвидон (М. Дидученко), и царевна-Лебедь (И. Брагинцева), и Милитриса (народная артистка УССР И. Воликовская) проходят в спектакле как бы вторым планом.

«Сказка о царе Салтане» — сложнейшее оперно-симфоническое произведение. Оркестр театра с честью выдержал этот ответственный экзамен. С большим художественным вкусом, с подлинным проникновением в существо замысла композитора ведет оперу главный дирижер театра народный артист УССР Н. Покровский.

Таковы достоинства и недостатки этого спектакля — во многом спорного, но безусловно интересного, говорящего о том, что Одесский государственный академический театр оперы и балета — зрелый творческий коллектив.

Н. САВИНОВ

Распад буржуазного искусства

А. М. ГЕРАСИМОВ,
президент Академии художеств СССР

«Прекрасное есть жизнь!.. истинная, высочайшая красота есть именно красота, встречаемая человеком в мире действительности...» Эти замечательные слова принадлежат выдающемуся русскому философу-демократу Н. Г. Чернышевскому. Их можно было бы назвать девизом русской художественной школы.

Мы, советские мастера изобразительного искусства, работаем для народа, и нам дорого подлинно реалистическое искусство, мы боремся за правду жизни, за искусство глубоких идей и высоких чувств, и именно поэтому мы против современного упадочного буржуазного искусства. Отказ буржуазных художников от жизненно-правдивого выражения больших и прекрасных человеческих чувств и мыслей неизбежно вызвал и отречение от лучших, реалистических традиций художественной культуры прошлого. Отказ от глубокого познания реальной действительности делает художника равнодушным к жизни, к окружающим его людям и природе, порождает в сознании гипертрофию собственного «я», ведет к пессимизму и мистике. В этом идейное начало импрессионизма, кубизма, сюрреализма и вообще всех антинародных, реакционных по содержанию, абстрактных и уродливых по форме «модных» течений в изобразительном искусстве.

«Крайний индивидуализм эпохи буржуазного упадка, — писал Г. В. Плеханов, — закрывает от художников все источники истинного вдохновения. Он делает их совершенно слепыми по отношению к тому, что происходит в общественной жизни, и осуждает на бесплодную возню с совершенно бессодержательными личными переживаниями и болезненно фантастическими вымыслами. В окончательном результате такой возни получается нечто, не только не имеющее какого бы то ни было отношения к какой бы то ни было красоте, но и представляющее собою очевидную нелепость, которую можно защищать лишь с помощью софистического искажения идеалистической теории познания».

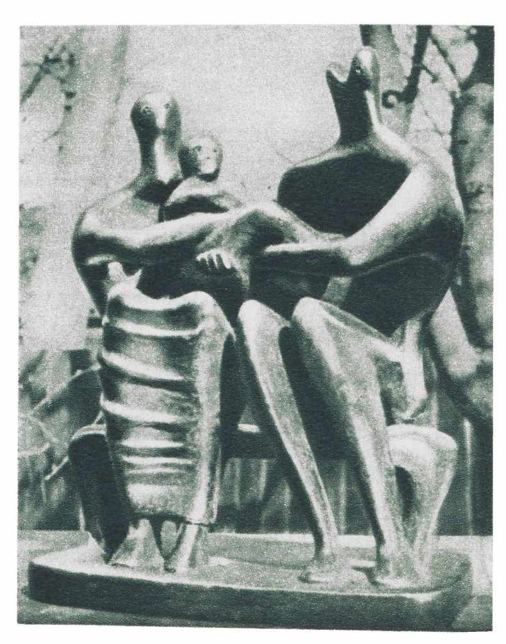
Эти строки написаны несколько десятков лет назад. «Нечто», состряпанное за это время кухней буржуазного искусства, представляет собою **«ничто»**.

Искусство в нашем понимании — это одно из средств познания мира. Задача советских художников состоит в том, чтобы, как говорил А. М. Горький, «изучать, оформлять, изображать и, тем самым утверждать новую действительность». Прекрасное есть жизнь, и в нем, по весьма точному определению И. Е. Репина, «выше всего правда жизни, она всегда заключает в себе глубокую идею». Так учат нас лучшие представители русской культуры.

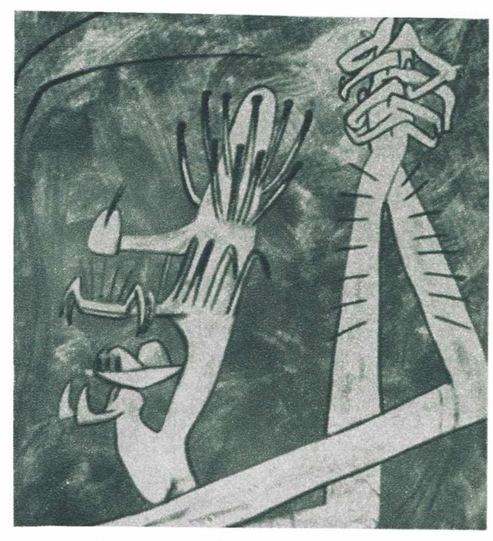
Идеологи буржуазного искусства проповедуют совсем иное. Одни из них называют искусство **ложью** и считают, что только ложь приближает человека к истине. Другие вслед за Сезанном предлагают художнику трактовать природу посредством цилиндра, шара, конуса.

За годы своей жизни я побывал в нескольких западноевропейских странах, посетил там много музеев, салонов, галлерей и каждый раз становился втупик перед продукцией современных буржуазных художников. Чрезвычайно трудно определить, что создано художниками с больной психикой и что принадлежит кисти дельцов от искусства, которые с целью наживы подделываются под психически больных.

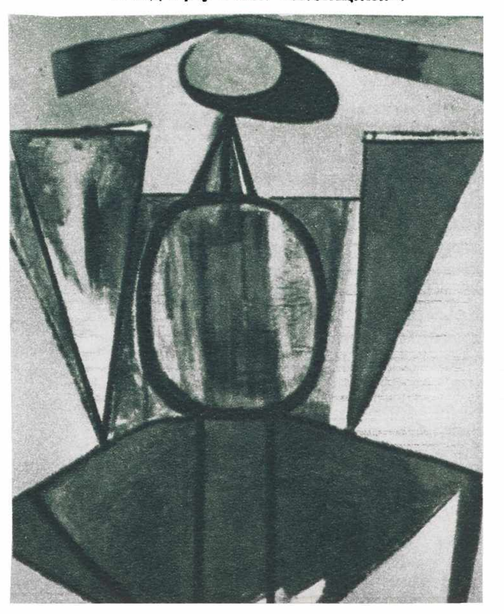
Чем иным, как не издевкой над зрителем, можно назвать полотна «ведущих» буржуазных живописцев, изображающих вместо людей каких-то ублюдочных уродов с разложившимися от гниения лицами? У каждого нормального человека такие «картины» не могут вызвать ничего, кроме отвращения. А вот за рубежом находятся искусствоведы и критики, объявляющие этот бред шедевром и призывающие художников обращаться не только к духовному облику человека, но и к его «внутренностям», «ко всей человеческой машине».

Мур. «Семейная группа»

Матта. «Дрожащий человек».

Мадеруэлл. «Женщина».

Такое «искусство» способно довести зрителя до нервного потрясения. Да так оно и бывает. Не так давно в Америке небезызвестный художник-сюрреалист Сальвадор Дали, девиз которого — «Параноик пользуется реальной действительностью для утверждения обуревающей его идеи», встретился со своеобразным «протестом» против «новаторского» оформления им (Дали) витрин универсального магазина. Об этом рассказывает Дерек Картэн в книге «Такова Америка».

«Дали, — пишет Картэн, — понаставил в витринах обычное для него огромное скопище причудливых и слегка непристойных предметов». И когда художник задумал поместить эти предметы в ванну, «отороченную мехом», то «ошарашенный и возмущенный ньюйоркский житель проник в универсальный магазин и разыскал Дали. Между ними завязалась жестокая драка... В конце концов Сальвадор Дали вылетел из своей витрины, прижимая к себе ванну и выкрикивая дикие проклятья...»

О моральном бесстыдстве и безнравственности буржуазного искусства свидетельствует и скульптура Генри Мура «Семейная группа». Вместо людей скульптор изображает каких-то доисторических животных с головами пресмыкающихся. А между тем буржуазная критика оценила это уродство, как гениальное произведение.

Американский журнал «Мэгэзин оф Арт» поместил о Муре восторженную статью, снабдив фоторепродукцию «Семейной группы» изречением самого автора: «Красота в смысле поздней Греции или Ренессанса не есть цель моей скульптуры». Как видим, кредо автора — безобразие, а цель его творчества — патология.

Таких примеров можно привести десятки.

Идеологический центр современной упадочной буржуазной живописи, скульптуры и графики после войны переместился из Парижа в Соединенные Штаты, на улицу, именуемую Уолл-стритом. Оттуда идут теперь «идейные» указания, какими должны быть и чем должны руководствоваться буржуазная литература, кино, театр, изобразительное искусство. Выполняя волю своих хозяев, разбойники пера из журналов «Лайф», «Мэгэзин оф Арт» и им подобных задают теперь тон всем буржуазным художникам. Если раньше на произведениях формалистического искусства ставилось клеймо «Парижская школа», то теперь американская критика мечтает приравнять современное буржуазное искусство к свиной тушонке и всюду ставить «Made in USA» («Сделано в США»).

Говоря обо всем этом, я ни в какой степени не собираюсь умалять значения подлинно национального искусства зарубежных стран.

В заключение мне хотелось бы остановиться на одном крайне важном моменте. Часто говорят, что формалистическое искусство, поднявшее на щит пресловутый лозунг «искусство для искусства», безидейно и аполитично. Это глубокая и принципиальная ошибка, вернее сказать, опасное заблуждение.

Формалистическое искусство напитано страшным ядом духовной отравы — безысходным пессимизмом, — оно порождает у людей неверие в свои творческие силы, стремится сделать их неспособными к борьбе, к сопротивлению, поставить их на колени перед реакцией. Не случайно упадочническое буржуазное искусство взрастило во Франции такого изменника и предателя своего народа, как Андре Жид, а в Америке — художников, которые прославляли Гитлера, а теперь превозносят Франко.

Философия, идеи современного буржуазного, так называемого «нового», искусства — это, по сути, идеи воинствующего империализма, с его расовой ненавистью, жаждой мирового господства, космополитизмом, зоологическим человеконенавистничеством, отрицанием культуры, науки и подлинного реалистического искусства.

Вот почему советские художники против современного буржуазного изобразительного искусства.

Домашний урок

Я. ПОЛИЩУК, Б. ЕГОРОВ

Рисунки Г. Валька

На столе у Ивана Петровича Ватрушкина раздалась призывная трель звонка. Много было за день неприятных и тревожащих душу начальника цеха звонков, но этот звучал, пожалуй, наиболее беспокойно. Предчувствие не обмануло Ивана Петровича.

— Вань, — задыхаясь, говорила жена. — Пришла телеграмма из Саратова. Маме плохо, самолет летит в семь, приезжай проводить.

Иван Петрович растерянно поправил петлю галстука, глотнул воздуха, точно аквариумный карась, и приглушенно ответил:

— Не-не могу, важное совещание... — и он с грустью взглянул на записку, оставленную ушедшей на обед секретаршей: «Звонили из заводоуправлен. Сегодня в 7 — совещ. по ускор. обор. обор. средств».

— Ах, жаль... Быть может, надолго расстанемся, — прозвучало в трубке смягченное расстоянием контральто супруги. — Смотри, чтобы все было дома в порядке, как у тебя в цехе. Котлеты на ужин в холодильнике. Носки отглажены, в нижнем ящике комода. Щи разогреешь на плите. Джемпер сохнет на балконе. На третье — пирог с джемом...

И, дав эту исчерпывающую домашнюю инструкцию, супруга на прощанье чмокнула в микрофон трубки.

...На совещании в директорском кабинете Иван Петрович дипломатично сидел в углу. И когда упоминали его доброе имя в сочетании с недобрыми эпитетами, он не подавал голоса и возражал мысленно.

— У Ватрушкина не склад, а трюм трансокеанского парохода. Одной медной ленты на целый экватор хватит.

— Ну да, отдай вам!.. Подведут поставщики — на голодный паек сядешь. Ленты нехватит и живот подтянуть. Вот и получится, как его... меридиан, — пробурчал про себя Иван Петрович.

— Запчастей тридцатикратный лимит. Точно музей открывать собрался.

«Не будет музея — опять же плохо... Кланяйся механикам», — пробежал по мозговым извилинам ответ.

— У Ватрушкина некомплектность...

— У Ватрушкина незавершенка...

Но мысли Ивана Петровича уже блуждали где-то в районе Саратова, и он думал о том, что жены дома нет, а ждут его там только холодные котлеты и пирог с джемом на третье.

Утром (был воскресный день) он намеревался понежиться. Но стук в дверь возвестил о прибытии новой телеграммы: «Маме хуже тчк Задержусь возможно долго тчк Что дома».

Иван Петрович раскинул умом и пришел к непреклонному убеждению, что дома может быть очень плохо, если... не приступить тотчас же к решительным действиям.

— Осиротел... Один-одинешенек, — грустно бормотал он. — Но нет, я знаю, что делать.

Никогда не попадал Ватрушкин в столь затруднительное положение. Хозяйство было всегда под эгидой супруги. Иван Петрович постоянно чувствовал ее заботу о его особе. Даже на курорт они ездили вместе. И вообще Иван Петрович привык, чтобы его опекали: дома — жена, на заводе — директор со своими неистощимыми фондами и спасительными дотациями.

Захватив пару саквояжей и соседский рюкзак, Ватрушкин опрометью бросился в «Гастроном». Из закупочных странствий вернулся он к вечеру, сгибаясь под тяжестью разной снеди и полуфабрикатов. Сопровождаемый пытливым взглядом Вовы из соседней квартиры, Иван Петрович проследовал в коммунальную кухню.

Через час кухня напоминала весенний базар. Ватрушкин мыслил астрономическими масштабами: продукты были куплены из расчета надолго вперед. Не ходить же ежедневно солидному, занятому человеку за приправой для гуляша и за цукатными сырками, которые он так любил! И вообще он считал добрый запас гарантией спокойного существования.

...Заинтригованный видом живописных пакетов, любимец квартиры кот Брыська решил освидетельствовать их. Он резво прыгнул на стол и тут же звонко чихнул, пораженный до глубины желудка острым запахом гиперболической дозы красного перца.

Тем временем юный архитектор Вова складывал из концентратных кирпичиков с пленительной надписью «Быстро, дешево, питательно» шестиэтажный жилой дом в стиле «модерн».

А Иван Петрович все продолжал разгружать саквояжи, извлекая из них банки со сгущенным молоком, папиросы «Северная пальмира», жестянки сапожной ваксы «высшего улучшенного сорта». Весь этот поток замыкался внушительной величины пакетом с московскими котлетами. С пакета приветливо подмигивал «Буратино» в белом колпачке и с подносом в руках. Вместе с Буратино улыбался и Ватрушкин, не подозревая, какой удар готовит ему этот легкомысленный длинноногий мальчишка. Довольный своей предусмотрительностью, Ватрушкин испустил облегченный вздох. На всю заработную плату был создан фонд, надолго казалось обеспечивающий его одинокое безмятежное существование.

Однако последствия этих капиталовложений сказались очень скоро. На третий день пришлось одолжить на трамвай у секретарши. Она удивленно посмотрела на начальника и тонко намекнула на слишком широкий образ жизни, который ведет он в отсутствие жены.

— Нехватило, — виновато развел Ватрушкин руками.

— Планируйте свои расходы, — веско заметила девушка.

Однажды утром, в паузе между бритьем и ворчанием на свою холостяцкую жизнь, он подверг летучей ревизии домашние лабазы. Чудные цукатные сырки подернулись зеленоватыми нитями плесени, у пухлой грозди сарделек был явно неавторитетный вид. Московские котлетки слиплись, потемнели.

Несмотря на обилие продовольствия, меню Ивана Петровича страдало однообразием. Уничтожая очередную банку сгущенного молока, Иван Петрович мечтал о черном хлебе. С ненавистью глядя на перец, Ватрушкин вспоминал о блюдах, к которым эта специя идет в виде приправы.

На письменном столе, припудренном пылью, лежали «запчасти»: несколько искрящихся, как майское утро, галстуков и стопка белья, в котором явно преобладали ночные сорочки.

Чтобы избавить себя от хлопотного процесса глажения, Иван Петрович счел необходимым приобрести впрок эти туалетные принадлежности. Сюда без остатка на карманные расходы были вложены все личные «оборотные» средства Ватрушкина. Вскоре порог квартиры пересекла тень управдома:

— Надо платить, — мрачно заметил он. — Ваша супруга была куда аккуратнее. У меня тоже, знаете, оборот. План ремонта сантехузлов надо выполнять...

Надеясь на то, что ему ссудят денег, Иван Петрович обещал погасить «жировку» сегодня же. На улице его подстерегала еще одна беда — на этот раз в образе учтивого директора ателье:

— Костюмчик-то ваш давно готов к примерочке. Зайти надо. Мы не любим незавершенного производства. Сами знаете, оборачиваемость...

...Ватрушкин рысцой побежал прочь. Оставалось единственное средство — взять аванс у бухгалтера своего цеха.

— Выручайте, голубчик: квартира, газ, электричество, костюм... — сказал он заговорщическим шопотком.

Бухгалтер, обычно человек послушный и исполнительный, на этот раз упрямо выгнул бровь и сухо щелкнул счетами:

— Не могу.

У Ватрушкина порозовели уши.

— В лужу прикажете сесть?

— Уже сидим. И довольно прочно. Тысячи заморозили на складах...

— Но-о-о... — дискантом протянул Ватрушкин.— Нас ведь могли подвести поставщики.

— Представьте себе, уже не подводят, — вызывающе сказал бухгалтер. — Вот и владеем мертвыми капиталами, ни рубля живого.

При словах «мертвые капиталы» перед глазами Ватрушкина возникла панорама жилого дома из кисельных кирпичиков, батарея сгущенного молока и искрящиеся, как майское утро, галстуки.

...В тот день суровый управдом и учтивый директор ателье напрасно ждали визита Ивана Петровича. До позднего вечера он был занят оперативными распоряжениями.

— Склад разгрузить!.. Экватор... тьфу... мотки ленты отправить!

И долго в ушах ошеломленных работников цеха раздавался свирепый голос Ватрушкина:

— Мертвые капиталы развели! Скупость заела... Запасливость..: Не потерплю!..

Спортивная нива

Виктор ПУШКИН,
мастер спорта

В селе Мизяковские хутора, вокруг белоснежной громады Дворца культуры, толпилась молодежь. Парни, девушки оживленно переговаривались и поминутно смотрели на шоссе в сторону Винницы. Антон Будяк, председатель колхоза имени Тимошенко, приехавший из села Серебрия к своему другу Ивану Гуленко, председателю местного колхоза имени Кирова, с любопытством посматривал на происходящее вокруг. Во-первых, его удивлял шумный и радостный народ в эти обычные будни, во-вторых, он впервые увидел прекрасный Дворец культуры.

— Настоящий дворец! — повторял он невольно про себя.— И ведь как быстро отгрохали-то!

— Едут! Едут! — закричали ребятишки, и оркестр грянул марш.

— Пойдем к арке, — сказал Гуленко. — Самое главное будет там.

Оба председателя стали торопливо пробираться к арке. На красном полотнище было четко выведено:

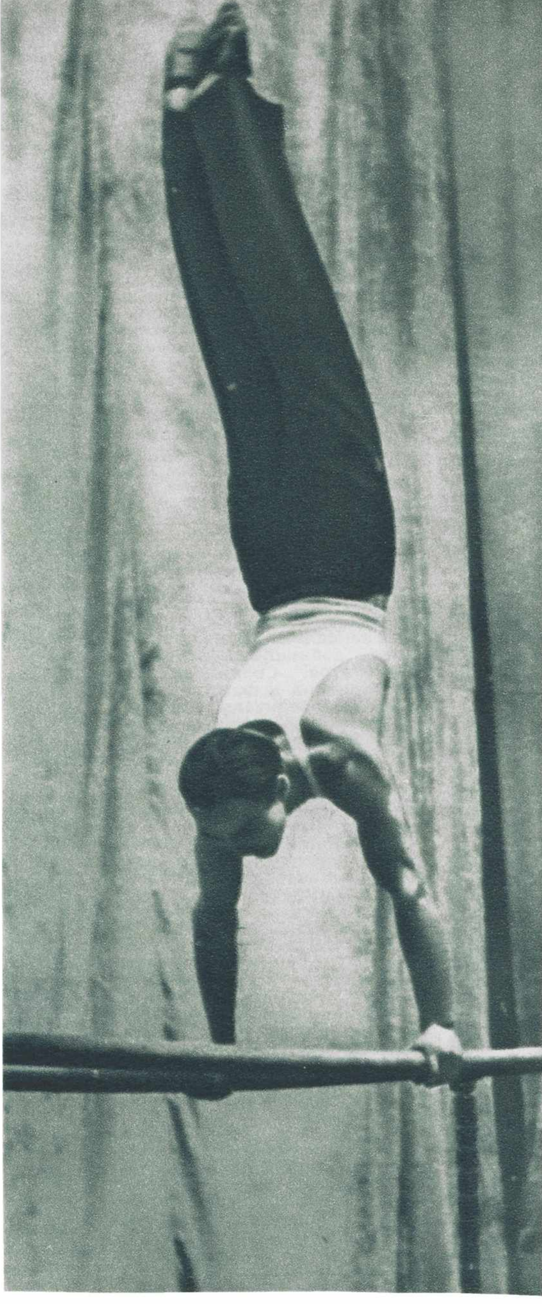
«Добро пожаловать! Пусть крепнет дружба сельских и городских спортсменов!»

Передняя машина, украшенная флагами, неторопливо подходила к арке под звуки марша и многоголосое «ура». Колхоз дружно встречал дорогих гостей. Мальчишки облепили машины, которые с трудом пробирались вперед. Даже старики и старухи вышли сегодня на улицу.

Наконец машины добрались до Дворца культуры и остановились против центрального входа. Командор пробега Борис Надутов подошел с рапортом к секретарю партийной организации села Степану Осиповичу Кодытыку. Колхозники жадно слушали каждое слово. Но когда Борис сказал, что спортсмены Винницы, студенты Педагогического института имени Островского, привезли оборудование для нового гимнастического зала дворца, удержать колхозников было трудно. С возгласами: «Качать гостей!» — они окружили студентов.

— Осторожней девушек-то! — успел шутливо крикнуть Борис Надутов.

Знатный колхозник Трифон Никитич Панасюк с живым интересом наблюдал, как снимали с машин гимнастические снаряды, и все

Пантелеев свечкой взвился над перекладиной.

чего-то ждал. Он даже пытливо заглядывал в кузовы автомашин. Но когда вслед за параллельными брусьями ко дворцу понесли «коня», Панасюк не выдержал и стал пробираться сквозь толпу.

Хорошее дело — гимнастика. Он с удовольствием занимался ею в армии. Но для него штанга куда лучше. Панасюк подошел к секретарю партийной организации Педагогического института Бескоровайному, который беседовал с Гуленко, и сказал негромко:

— А вот нам-то, я смотрю, ничего не привезли...

Бескоровайный вопросительно посмотрел.

— Гири они тягают...— сказал Гуленко.

— Ах, вот оно что!.. Нету у нас пока для вашей секции ничего...

— Вот я и вижу...

— Но обещаем! Как только приобретем еще штангу, одну вам отдадим!..

— Вот бы! А то паршивенькую гирю вконец всем селом затаскали.

Через два часа наступил самый торжественный момент: открыли двери гимнастического зала, одного из лучших помещений дворца. Посередине зала высилась только что установленная перекладина, справа от входа — шведская стенка, а кольца, лениво покачиваясь, свешивались с высокого потолка. Колхозники с любопытством осматривали гимнастические снаряды.

— Показать бы народу надо, как на перекладине работают...— сказал Надутов старшему преподавателю кафедры физкультуры Пантелееву.— А?

— Можно...

Пантелеев, стройный, крепкий человек, еще раз опробовал растяжки перекладины и скинул куртку.

Он легко подтянулся на руках и стремительно бросил ноги вверх и затем так же быстро оказался вверху, на перекладине.

Колхозники внимательно глядели на упражнения городского гостя. Не все поместились в зале, но двери были широко раскрыты, и еще сотни полторы человек видели, что творится внутри.

Пантелеев свечкой взвился над перекладиной, с секунду постоял и через мгновение начал описывать огромные круги.

Стало тихо.

— Вот это солнышко! — крикнул кто-то.

— Тише! — остановили его.

Пантелеев сделал последний круг и легко соскочил на пол. Громкие аплодисменты и одобрительные возгласы нарушили тишину зала. С волнением наблюдал Тодос Грищенко, бригадир дорожников-строителей, за красивыми движениями гимнаста. Еще в армии он полюбил гимнастику. Не один десяток сельских ребят научил он сложным упражнениям на самодельной перекладине. Но уже почти полгода прошло с тех пор, как он в последний раз по-настоящему разминался. Ох, как хочется попробовать!..

— Грищенко! — крикнули из-за дверей. — Грищенко пускай покажет...

— Сорвется! — сказал кто-то.

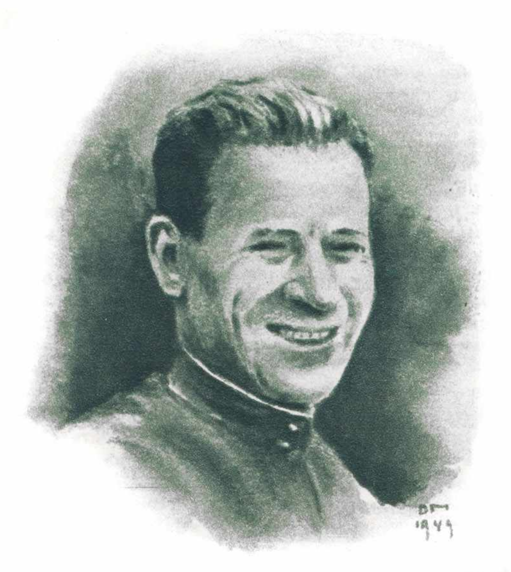
— Не сорвемся! — отозвался Грищенко и схватился за перекладину.

Он легко подтянулся на руках и так же стремительно, как Пантелеев, вскинул ноги. Потом пошел всем телом резко назад и оказался на блестящей перекладине. Крики и аплодисменты оглушили его на секунду.

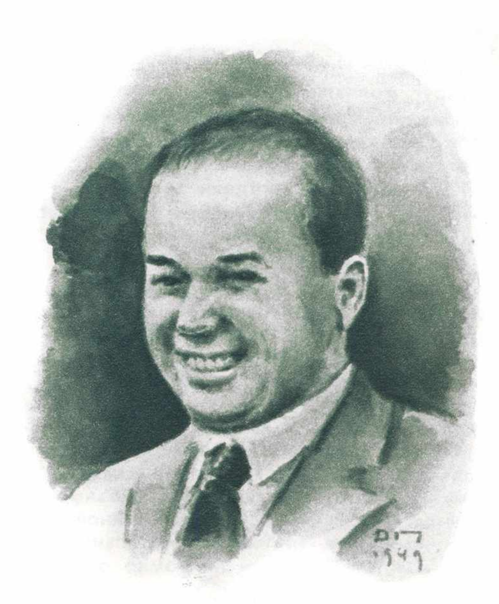
— Солнышко! — крикнул кто-то. — Давай тоже солнышко!

— Оставьте, Тодос Карпыч! — торопливо сказал Кодытык.— Товарищ тренирован, а вы...

— Это верно, не стану, Степан Осипыч! Вот потренируюсь, тогда... С лета я не брался за это дело. Трудновато...

Секретарь сельской партийной организации Степан Кодытык.

Председатель колхоза имени Кирова Иван Гуленко.

Люди советского спорта

Слесарь Николай Матузов

Враг приближался к Москве. Однако размеренный темп жизни ремесленного училища не могли нарушить ни частые воздушные тревоги, ни налеты вражеской авиации.

В это суровое время Николай Матузов из ремесленного училища пошел работать слесарем-инструментальщиком на завод «Калибр».

Безостановочно, круглые сутки работали предприятия, изготовляя срочные заказы. Много пришлось трудиться и Николаю. Он сразу проявил себя хорошим производственником.

Несмотря на усталость, он всегда после окончания смены находил время для спорта, который любил с детства. Не было в школе, да и в ремесленном училище юноши, который бегал бы быстрее его, прыгал бы выше и толкал ядро дальше.

Во второй год войны Матузов вступил в члены спортивного общества и начал заниматься одновременно в двух секциях — лыжной и легкоатлетической. Эти два вида спорта как нельзя лучше дополняли друг друга.

В обществе было много известных спортсменов, и Матузов в соревнованиях неизменно терпел поражения, которые, однако, не проходили для него бесследно. Он примечал все хорошее в технике мастеров, тщательно изучал тактику, запоминал приемы.

Вскоре в лыжных соревнованиях Матузов занял первое место: дистанцию в пять километров он прошел за 20 минут. А весной следующего года Колю можно было видеть с эстафетной палочкой в руках на традиционных соревнованиях в беге по Садовому кольцу столицы.

В физкультурном обществе «Родина» Николай, как и многие его товарищи по заводу, превратился в опытного спортсмена. Постоянная тренировка, совершенствование техники дали ему возможность участвовать в крупных состязаниях.

Н. Матузов за работой в цехе круглых калибров.

Во всесоюзных соревнованиях 1945 года он оказался лучшим среди лыжников общества. Расстояние в десять километров Николай Матузов прошел за 43 минуты, опередив многих своих сильных конкурентов.

Летом следующего года он завоевал право участвовать в соревнованиях лучших спортсменов крупнейших предприятий страны. В этих соревнованиях, происходивших в Ленинграде, заводская команда легкоатлетов, куда входил Н. Матузов, показала хорошие результаты.

На заводе «Калибр» — сотни любителей спорта. Молодые рабочие своими силами построили физкультурный городок, изготовили для него все оборудование. Создано несколько секций, в которых с увлечением занимаются легкоатлеты, футболисты, гимнасты, лыжники, боксеры, альпинисты. На заводе ведется специальная книга. В нее заносятся имена спортсменов, добившихся лучших результатов. Среди других там записана и фамилия Матузова — победителя в пятикилометровом легкоатлетическом кроссе. В заводских состязаниях Н. Матузов одержал победу и в беге на другие дистанции. Он завоевал звание чемпиона предприятия.

В вечерние часы в парке имени Дзержинского сейчас нередко можно встретить юношей и девушек в спортивных костюмах с эмблемой «Калибра». Это тренируются физкультурники завода. Тут можно видеть известных заводских спортсменов Николая Лопухина, Александру Золотареву, Владимира Чубаровского, Антонину Лобову, Владимира Писарева, Виктора Галицкого и многих других. Занимается с ними тренер-общественник Н. Матузов.

Николай Матузов — не только разносторонний спортсмен, но и передовой производственник. Он ежедневно повышает свою квалификацию, овладевает сложной техникой, которой оснащен цех. Слесарь-инструментальщик, он хорошо работает на фрезерном, шлифовальном, токарном и других станках.

Н. Матузов на тренировке.

Фото А. Гостева

В цехе, на доске почета, прикреплена фотография с изображением чуть улыбающегося молодого рабочего. Подпись под снимком гласит:

«Стахановец Николай Иванович Матузов. Систематически выполняет норму на 250 процентов».

Дм. ЛЮБИМОВ

Вокруг молчали.

— Может, думаете, испугался? — крикнул Тодос Грищенко колхозникам.— Здесь все дело в тренировке!

— Правильно! — загудели голоса.

— Вот мы и станем теперь упражняться,— сказал Грищенко. — Теперь у нас все есть!

— Правильно!

Окруженный со всех сторон молодежью, один из лучших колхозных гимнастов, Елизар Короткий, легко проделывал на брусьях замысловатую комбинацию. Он то взлетал, то повисал на жердях и, наконец, выйдя на стойку, ловко спрыгнул на пол.

А в это время в читальном зале чемпион Винницкой области по шахматам Валентин Поповский прохаживался перед десятью столиками, за которыми сидели колхозные шахматисты. Шел сеанс одновременной игры. Многочисленные зрители внимательно следили за каждым ходом и негромко обсуждали шансы партнеров.

Вечером во Дворце культуры открылось собрание физкультурников села. Громадный зрительный зал дворца рассчитан на 1200 мест, но народу было здесь в этот вечер намного больше. Не только молодежь участвовала сегодня в создании нового добровольного спортивного общества «Колхозная нива». Пришли пожилые люди и даже старики посмотреть и послушать, а если надо,— помочь советом.

— И в напряженные дни борьбы за урожай,— сказал Степан Осипыч Кодытык,— наша молодежь отдает минуты отдыха спорту. Спорт для нас стал жизненной необходимостью. Пусть же спортивное общество «Колхозная нива», которое мы учреждаем, станет самым массовым не только в нашем районе, но и среди колхозов всей республики!

В руководящий орган общества — Совет коллектива физкультурников — были избраны лучшие люди колхоза имени Кирова.

Колхозный гимнаст Елизар Короткий стал председателем совета, Степан Кодытык, Иван Гуленко, Василий Ванжула — членами совета.

В коллективе создается 10 секций: гимнастическая, футбольная, конная, шахматно-шашечная и др. Юноши и девушки села смогут отдать свой досуг любимому виду спорта.

Запись в секции началась сразу же после окончания собрания. Молодежь потребовала не откладывать дела в долгий ящик.

Елизара Короткого окружили со всех сторон, и через какие-нибудь 15—20 минут около него лежало уже 400 заявлений с просьбой о приеме в члены спортивного общества.

Герой Социалистического Труда Евдокия Ромащук, веселая, розовощекая дивчина, громко крикнула, протягивая через головы столпившихся колхозников свое заявление:

— Принимай, Елизар, от меня заявление! Буду и на спортивной ниве в первых рядах...

Антон Будяк внимательно наблюдал за всем, что происходило вокруг. В его селе есть тоже замечательный клуб, в его селе тоже много веселой, жизнерадостной молодежи...

— Иван Яковлевич! — сказал он, обращаясь к Гуленко, когда друзья возвращались из Дворца культуры домой.— Удивил ты меня немало... Приеду домой и тоже начну... Полезное дело...

Мизяковские хутора (Винницкая область)

Французская рабочая сатира

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ПАКТ

Вы говорите — мир? Мы как раз и наметили себе эту... цель!

(«Франс нувель».)

В МАРШАЛЛИЗОВАННОМ ЕВРОПЕЙСКОМ РЕСТОРАНЕ

Англия и Франция все еще «договариваются» о «принципах европейского экономического сотрудничества».

ДЯДЯ СЭМ (повару Шуману и официанту Криппсу). Скоро вы там, пачкуны?! И без того ваше жаркое мне на один зуб!..

(«Ля ви увриер».)

С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ НА ЗДОРОВУЮ

«АТЛАНТИЧЕСКИЕ МИРОЛЮБЦЫ» (указывая на советского пионера). Держите агрессора!!!

(«Франс нувель».)

«ПУШКИ ВМЕСТО МАСЛА»

Огромный военный бюджет давит на материальный уровень трудящихся Франции.

ОРУЖЕЙНИК (военный министр Рамадье). Гони сюда сливочное масло! Сойдет за оружейное!

(«Юманите».)

КОГДА ПРАВОСУДИЕ СЛЕДУЕТ СВОИМ «КУРСОМ»

Министр юстиции Лекур амнистирует предателей, сотрудничавших с оккупантами.

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ ПЕТЭНОВЕЦ. Держитесь, ребята, за юстицию — ее «курс» нам на руку.

(«Ля ви увриер».)

В УНИВЕРМАГЕ «ОТЕЛЬ МАТИНЬОН» *

Во Франции участились злоупотребления высших правительственных чиновников, взяточничество, покровительство спекулянтам. Одновременно усиливается террор против рабочих.

* Резиденция премьера.

В БЕЛЬЭТАЖЕ

ШВЕЙЦАР (Кэй). **Финансовые панамы всех размеров! Прекращение следствия по заказу! Долгие ящики для уголовных дел с правительственной гарантией! Стиральные машины для отмывания петэновцев! «Приличным» дельцам — скидки и льготы!**

В ПОДВАЛЕ

ОН ЖЕ (горнякам). Полный ассортимент для низших классов! Зубодробилки! Прессы для налогов! Полицейские сапоги с железными шипами! Трепальные машины марки «Жюль Мок»! Индивидуальные помещения за прочной решеткой!

(«Ля ви увриер».)

ШАХМАТЫ

Под редакцией чемпиона мира
гросмейстера М. Ботвинника

МАТЧ МОСКВА — БУДАПЕШТ

Команда Венгрии весьма сильна: до войны венгерские шахматисты с успехом выступали на командном первенстве мира — в «турнирах наций». Недавно венгерские мастера выиграли первенство среди балканских стран.

В составе команды Будапешта в данном матче был один гросмейстер — Л. Сабо. Два его главнейших успеха в послевоенные годы — это турниры в Гронингене (1946 г. — IV приз) и в Стокгольме (1948 г.— II приз); Л. Сабо будет участником предстоящего турнира претендентов на первенство мира.

Из других участников команды Будапешта необходимо отметить мастера Г. Барца, одного из сильнейших шахматистов Венгрии, и молодого мастера П. Бенко, нынешнего чемпиона Венгрии. Возраст чемпиона Венгрии—ему всего лишь 21 год—лучшее доказательство подъема шахматной культуры новой демократической Венгрии.

Московская команда, разумеется, была намного сильнее. В ее составе было четыре претендента на первенство мира — В. Смыслов, Д. Бронштейн, А. Котов и А. Лилиенталь, а также один вероятный претендент на первенство мира — С. Флор (если число участников предстоящего турнира претендентов будет увеличено до 14). Имена трех других участников московской команды — гросмейстера В. Рагозина, чемпиона Москвы Ю. Авербаха и экс-чемпиона Москвы В. Симагина — достаточно хорошо известны.

На старте команда Будапешта оказала упорнейшее сопротивление и в первых трех турах даже добилась минимального перевеса. Объясняется это отчасти тем, что, с одной стороны, венгерские мастера играли с большим подъемом, а с другой — москвичи, конечно, не могли изучить заранее своих противников столь же хорошо, как это могли сделать венгерские шахматисты, ибо партии гросмейстеров изучаются во всем мире. Затем москвичи «познакомились» со своими партнерами, и дела нашей команды пошли на поправку. Главная нагрузка при этом выпала на долю гросмейстеров А. Котова и Д. Бронштейна и мастера В. Симагина.

Первая половина соревнования, которая происходила в Будапеште, закончилась с результатом 38 : 26 в пользу москвичей. Результат неплохой, но от советской команды ждали большего.

В Москве советская команда выиграла с большим перевесом (48½ : 15½), закончив соревнование с общим счетом 86½ : 41½ — результат достаточно почетный для обеих команд.

Кто же добился наилучших результатов в советской команде? Отметим прежде всего А. Котова, который ровно и сильно провел все состязание. В Будапеште он набрал 6½ очков, а в Москве — 6. Главным же героем матча Москва — Будапешт следует признать В. Смыслова. Если в первых шести турах гросмейстер Смыслов набрал всего лишь 2½ очка, то в последующих десяти он выиграл... все 10 партий!

В. Смыслов провел вторую половину соревнования с большой энергией и фантазией, примером чего может служить его партия с мастером Т. Флорианом.

Защита Грюнфельда

В. Смыслов	Т. Флориан
1. d2 — d4	Kg8 — f6
2. c2 — c4	g7 — g6
3. Kb1 — c3	d7 — d5
4. Kg1 — f3	Cf8 — g7
5. Фd1 — b3	d5 : c4
6. Фb3 : c4	0 — 0
7. e2 — e4	Kb8 — a6

В. Смыслов применяет за белых наиболее популярную систему развития, разработанную В. Рагозиным и М. Ботвинником еще в 1933 году (VIII первенство СССР). Обычно здесь защищались путем 7. ... c6, как почти всегда играет И. Болеславский. За последний год все права гражданства получила защита, связанная с ходом 7. ... Cg4 — вариант В. Смыслова.

Разумеется, Т. Флориан не рискнул сыграть против В. Смыслова его же защиту, опасаясь какого-нибудь «заготовленного» варианта, хотя крайне интересно было бы посмотреть, как В. Смыслов боролся бы против своего изобретения... Венгерский мастер предпочел вариант, который ныне входит в моду на Западе (7. ... Ka6).

Отметим, впрочем, что это «модное» продолжение Ka6 встретилось еще в партии И. Рабинович и консультанты — В. Рагозин и В. Алаторцев (Ленинград, 1935 год), опубликованной в журнале «Шахматы в СССР» в 1936 году.

8. Cf1 — e2	c7 — c5
9. d4 — d5	...

После 9. dc Ce6 черные получали перевес в развитии.

9. ...	e7 — e6

Хорошо сыграно: на 9. d6 (9. ... Ф : d6 10. e5) последовало бы 9. ... e5! 10. K : e5 Ф : d6, и черные свободно развиваются.

10. 0 — 0	e6 : d5
11. e4 : d5	Фd8 — a5

Чтобы при случае сыграть Фb4, вызывая размен ферзей. Белые препятствуют этому маневру, ограничивая заодно и подвижность коня a6.

12. a2 — a3	Cc8 — f5
13. Фc4 — h4	...

Черным удалось добиться примерно равной партии. У них несколько слаб королевский фланг — белые и направляют сюда свой удар — и неудачно стоит ферзевый конь, но черные достигли полной мобилизации сил.

13. ...	Лf8 — e8

Положение после 18-го хода белых.

Если до сих пор венгерский мастер играл хорошо, то здесь, как только на королевском фланге появились некоторые угрозы, он допускает неточность.

Правильно было 13.... Лae8, оставляя королевскую ладью на поле f8, где она надежно прикрывает пункт f7, и подготовляя маневр Ka6—b8—d7. Быть может, черные опасались продолжения 13. ... Лae8 14. Cg5 Ke4 15. Ce7, но в этом случае после 15. ... g5!! 16. K : g5 (16. C : g5 K : c3 17. bc Л : e2) 16. ... K : c3 17. bc Л : e7 белые оставались без фигуры.

14. Cc1 — h6	Kf6 — e4
15. Ch6 : g7	Kpg8 : g7
16. Kf3 — g5!	. . .

В. Смыслов смело идет на большие осложнения; до известной степени это вынуждено, так как у черных в центре было уже некоторое давление.

Т. Флориан принимает жертву фигуры — и напрасно!

16. . . .	Ke4 : c3
17. Фh4 : h7 +	Kpg7 — f6
18. b2 : c3!	

Получилось интереснейшее положение: какую фигуру черные должны взять? Т. Флориан решает, что главный враг — это конь g5, и проигрывает немедленно.

Сложнее, пожалуй, складывалась борьба при продолжении 18. ... Л : e2. Красивый вариант указан В. Смысловым: 18. ... Л : e2 19. f4 Фc7 20. d6 Фd7 21. Лae1 Л : e1 22. Л : e1 Лe8 23. Лe7 Л : e7 24. Фh8×. Однако этот вариант не является убедительным. Черные могут еще защищаться путем 19... Лf8!, и если 20. Лae1 (20. Фh6 Лfe8) Л : e1 21. Л : e1 Ф : c3, то белым трудно организовать атаку ввиду открытой позиции собственного короля Правильным продолжением атаки было на 18... Л : e2 19. h4! («Форточка» для короля — дело полезное) и, в случае 19... Лf8 20. Лae1 Л : e1 21. Л : e1 Ф : c3 22. Лe3 с последующим Фh6, белые легко выигрывали.

Отметим, кстати, что, сыграй черные на 13-м ходу Лae8 (а не 13... Лfe8), комбинация белых была бы неопасной.

18. . . .	Kpf6 : g5
19. Фh7 — g7!!	. . .

Замечательный маневр, предусмотренный белыми еще на 16-м ходу. Король черных попал в матовую сеть, — не проходит уже 19... Л : e2 20. f4 + Kpg4 21. h3 + Kpg3 22. Лf3+Kph4 23. Фh6×.

19. . . .	Лe8 — e4
20. f2 — f4 +	Лe4 : f4
21. Лf1 : f4	Kpg5 : f4
22. Лa1 — f1 +	Kpf4 — e3

Увы! — плохо как 22... Kpg5 23. h4 +, так и 22. ... Kpe4 23. Cc4.

23. Фg7—e5 +	Kpe3—d2

Заблудившийся король!

24. Ce2 — c4	Фa5 : c3
25. Лf1 — f2+	сдался.

В. Смыслов очень тонко использовал неточность своего партнера на 13-м ходу.

Отлично провел все соревнование В. Симагин, лишь на ½ очка отставший от А. Котова и В. Смыслова. Надо надеяться, что в этом году талантливый мастер разрешит задачу, которую он давно мог бы осилить: завоевание права на участие в чемпионате СССР.

Д. Бронштейн отстал от победителей на очко: он может утешаться тем, что это было специфическое соревнование, где нельзя было скрестить оружие с лидерами турнира!

Гросмейстер Л. Сабо так и не мог оправиться от поражения, которое нанес ему в шестом туре Ю. Авербах. Он сыграл намного ниже своей силы, о которой свидетельствуют партии, выигранные им у В. Смыслова и А. Котова, — единственные партии, проигранные в матче победителями соревнования.

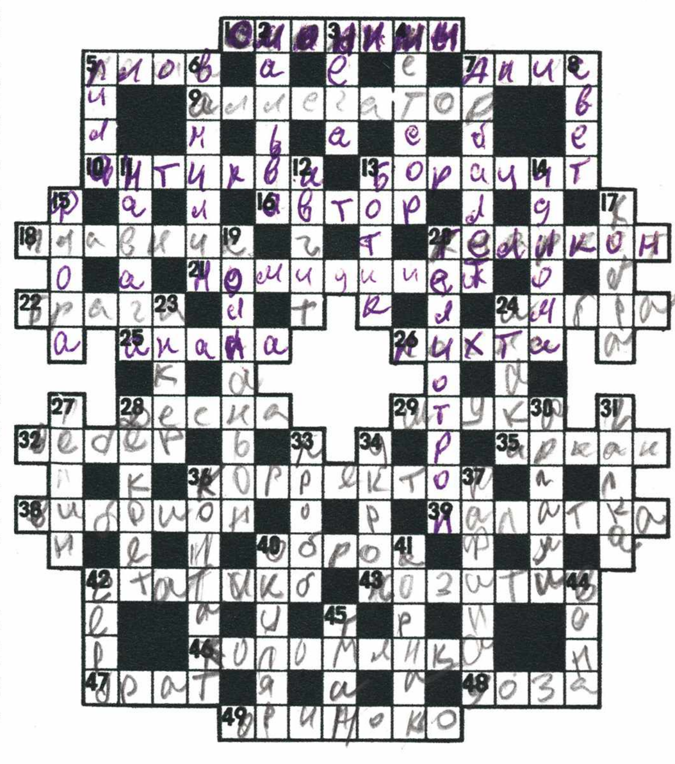
Молодой П. Бенко, мастер крепкий в защите и уверенный в своих силах, провел «почти» все соревнование без поражений, сыграв лучше своих товарищей по команде.

Советские шахматисты могут быть довольны очередным достижением своих представителей; не могут огорчаться и венгерские шахматисты, ибо противники у них были тяжелые!

Главный же итог матча — это укрепление дружественных связей между народами Советского Союза и новой, демократической Венгрии.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» А. Гайко (остров Сахалин)

По горизонтали:

1. Тождественные слова, имеющие различное значение. 5. Кушанье. 7. Сорт яблок. 9. Крокодил. 10. Вид типографского шрифта. 13. Минерал. 16. Создатель произведения. 18. Орган плавания у рыб. 20. Духовой музыкальный инструмент. 21. Аристократия в древнем Риме. 22. Хмельной напиток. 24. Ароматное вещество. 25. Город на Черноморском побережье. 26. Хвойное дерево. 28. Приток Днепра. 29. Отдельный предмет из числа однородных. 32. Композитор. 35. Приспособление для ловли лошадей. 36. Профессия. 38. Микроб. 39. Шатер. 40. Сбор, взимавшийся помещиком с крестьян. 42. Отдел механики. 43. Фотографическое изображение. 46. Хлопчатобумажная ткань. 47. Родственник. 48. Определенное количество лекарства. 49. Река в Южной Америке.

По вертикали:

2. Цветок. 3. Ласка. 4. Космическое тело. 5. Режущий инструмент. 6. Пряность. 7. Самострел, употреблявшийся до изобретения пороха. 8. Вселенная. 11. Рыба. 12. Минерал. 13. Одномачтовое судно. 14. Выражение, дословно непереводимое на другой язык. 15. Растительный мир. 17. Змея. 19. Сотоварищ. 20. Цветок. 23. Регулятор маятника в часах. 24. Нападение. 27. Русский художник. 28. Постановление государственной власти. 30. Дикий баран. 31. Птица. 33. Испытание для определения качества. 34. Огородное растение. 36. Место соприкосновения электрических проводников. 37. Сорт сахара. 40. Часть оптического прибора. 41. Вожатый слонов в Индии. 42. Представитель народности. 44. Столица государства в Европе. 45. Растение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 20

По горизонтали:

6. Питекантроп. 9. Корона. 10. Нектар. 13. Парта. 18. Балет. 20. Хлороформ. 22. Импорт. 24. Бензин. 25. Аромат. 27. Радиус. 29. Лира. 31. Наган. 32. Нрав. 33. Измена. 34. Гитара. 35. Одер. 37. Почва. 40. Дувр. 41. Толкач. 43. Арника. 46. Ереван. 47. Ангина. 48. Вторжение. 49. Диван. 50. Девиз. 56. Канада. 57. Баланс. 58. Спартакиада.

По вертикали:

1. Пилот. 2. Метан. 3. Каюта. 4. Стена. 5. Топка. 7. Мортира. 8. Занавес. 11. Вампир. 12. Гейзер 14. Шлем. 15. Трата. 16. Афера. 17. Град. 19. Миллионер. 21. Универсал. 23. Тромбон. 24. Булавка. 26. Анапа. 28. Ангар. 30. Аир. 32. Над. 36. Есенин. 38. Очерк. 39. Валет. 41. Таракан. 42. Кета. 44. Наиб. 45. Антенна. 51. Лампа. 52. Чадра. 53. Парад. 54. Облик. 55. Гладь.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А — 05230. Подписано к печати 17/V — 49 г. Изд. № 373. 5½ печ. л. Тираж 350 000. Заказ 1054. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

СССР
МИНИСТЕРСТВО ПИЩЕВОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ РСФСР
Пейте
Кофе
натуральный
высшего сорта
КОФЕЙНЫЕ
НАПИТКИ
«Новость»
«Кубань»
«Злаковый»
«Здоровье»
«Желудовый»
Кофе
НОВОСТЬ
КОФЕЙНЫЙ
НАПИТОК
ЗЛАКОВЫЙ
ЗЛАКОВЫЙ
КОФЕ
натуральный
КЦФ
РОСТОВ ЯРОСЛ.
КОФЕ-ЦИКОРНАЯ Ф-КА
РСФСР
МИНИСТЕРСТВО
ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
Ф-КА НАЙ КОФЕ
РОСТОВ Н/Д
Гос. Респуб. трест кофецикорной промышленности
РОСКОФЕЦИКОРПРОДУКТ

Цена 3 руб.